

2024

Volume 10

No 2 (38)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2024

Том 10

№ 2 (38)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 138 с. Тираж 32 экз. Свободная цена. Заказ № 24094. Дата выхода в свет 30.06.2024. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – The Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- С. В. Алоэ** – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)
Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)
Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)
И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СИ РАН (Санкт-Петербург, РФ)
Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)
В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)
И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)
Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)
И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)
А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)
А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)
Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)
Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)
Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)
М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Budko D. A., Kalashnikova E. A.**

Narrative strategies of visualizing in the public pages the heads of regions
(the VKontakte's case) 130

Gorbunov A. A.

Some issues of Russia's transport policy in the context of Western sanctions 144

Ignatjeva O. A.

The evolution of political power legitimacy conceptions 152

Strelets I. E., Mukhortov D. S., Markova Y. S.

Fostering family values and norms among students as a prerequisite
for preventing an axiological crisis in society 164

SOCIOLOGY**Bureeva N. N., Guskova I. V., Serebrovskaya N. E.**

The Russian labor market in the context of external and internal challenges 176

Ivanov S. S.

Distant education period during the COVID pandemic: a hindsight study 188

Ovchinnikova N. V.

Reproductive attitudes of youth 202

PHILOLOGY**Mukhortov D. S., Zhovner E. A.**

Politicians' Communicative Behavioural Patterns: A Study into British
Parliamentary Discourses of 2010-2022 218

Talitskaya A. A., Zueva Y. E.

Functioning of ergonyms of beauty salons in the city of Yaroslavl
(according to the data of sociolinguistic experiment) 230

Farkhutdinova F. F., Ndouniama K. K. S.

The World of Color in I.A. Bunin's short story «Henry»: coloratives
and sense of Motherland 244

Koltysheva E. Y., Shibaeva A. A.

Archaization in "Child Christopher and Goldilind the Fair" by William Morris 254

ПОЛИТОЛОГИЯ**Будко Д. А., Калашникова Е. А.**Нарративные стратегии визуализации в пабликах глав регионов
(на примере социальной сети ВКонтакте)..... 130**Горбунов А. А.**Некоторые вопросы транспортной политики России
в условиях западных санкций..... 144**Игнатьева О. А.**

Эволюция концепций легитимности политической власти..... 152

Стрелец И. Э., Мухортов Д. С., Маркова Ю. С.Отстраивание семейных ценностей и норм в студенческой среде
как залог предотвращения аксиологического кризиса в обществе..... 164**СОЦИОЛОГИЯ****Буреева Н. Н., Гуськова И. В., Серебровская Н. Е.**

Российский рынок труда в условиях внешних и внутренних вызовов 176

Иванов С. С.

Период дистанта во время коронавируса: ретроспективный взгляд 188

Овчинникова Н. В.

Репродуктивные установки молодежи 202

ФИЛОЛОГИЯ**Мухортов Д. С., Жовнер Е. А.**Типологизация коммуникативной личности политика
(на примере британского парламентского дискурса 2010-2022 гг.) 218**Талицкая А. А., Зуева Ю. Е.**Функционирование эргонимов салонов красоты г. Ярославля
(по данным социолингвистического эксперимента) 230**Фархутдинова Ф. Ф., Ндуниама К. К. С.**

Мир цвета в рассказе И. А. Бунина «Генрих»: колоративы и чувство Родины 244

Колтышева Е. Ю., Шibaева А. А.

Архаизация романа Уильяма Морриса «Child Christopher and Goldilind the Fair» 254

Narrative strategies of visualizing in the public pages the heads of regions (the VKontakte's case)

D. A. Budko^{1,2}, E. A. Kalashnikova¹

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

²St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-130-143

Research article
Full text in Russian

The article examines the main narrative communication strategies of Russian regional politicians in visual storytelling. The research methods are discourse analysis in the interpretation of N. Fairclough and the approach of P. Sztompka. The sample of the research was composed of publications with visual materials: the 15 most popular blogs of the heads of regions of Russia on the VKontakte. Chronological framework: the period from March 1, 2023 to November 1, 2023. The results of the research allow to identify four key narrative strategies of visual storytelling. They are "hero's path", "stability", "friend or foe" and "future plans". It is concluded that each of these narratives is involved in one way or another in each of the reviewed blogs. The most popular is the "hero's path". The presentation of each strategy in the visual storytelling is different in the cases considered. This allows to suggest that the demonstration of a particular strategy depends both on the target audience of the public (in this case, residents of the region) and on the personal characteristics of politicians.

Keywords: narrative; visual storytelling; regional politicians; social network; online communication; visualization strategy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Budko, Diana A. | E-mail: d.budko@spbu.ru
Cand. Sc. (Politics)

Kalashnikova, Ekaterina A. | E-mail: e.a.kalashnikova@spbu.ru

Funding: EISI (grant 123091200060-8).

For citation: Budko D. A., Kalashnikova E. A. Narrative strategies of visualizing in the public pages the heads of regions (the VKontakte's case) // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 130-143. (in Russ.)

Нарративные стратегии визуализации в пабликах глав регионов (на примере социальной сети ВКонтакте)

Д. А. Будко^{1,2}, Е. А. Калашникова¹

¹Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация
²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-130-143
УДК 32.019.51

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье выявляются основные нарративные стратегии коммуникации российских региональных политиков в визуальном сторителлинге. В качестве методов исследования выступают дискурс-анализ в интерпретации Н. Фэркло и подход П. Штомпки. Объектом исследования выступают 15 наиболее популярных пабликов глав регионов России в социальной сети ВКонтакте. Предметом – публикации, которые содержат иконографические материалы. Хронологические рамки определяются периодом с 01 марта 2023 года по 01 ноября 2023 года. Результаты исследования позволили выделить четыре ключевые нарративные стратегии, используемые при ведении паблика глав регионов. Ими являются «путь героя», «стабильность», «свой-чужие» и «планы на будущее». В статье делается вывод о том, что в каждом из рассмотренных пабликов так или иначе задействован каждый из этих нарративов. Наиболее популярным является «путь героя». Представление каждой из стратегий в визуальном сторителлинге отличается во всех рассмотренных нами случаях. Это позволяет сделать предположение о том, что демонстрация той или иной стратегии зависит как от целевой аудитории паблика (в данном случае жителей региона), так и от личностных особенностей, присутствующих у самих политиков.

Ключевые слова: нарратив; визуальный сторителлинг; региональные политики; социальные медиа; онлайн-коммуникация; стратегии визуализации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Будко, Диана Анатольевна	E-mail: d.budko@spbu.ru Кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела глобальных проблем (ИНИОН РАН), доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований (Санкт-Петербургский государственный университет)
Калашникова, Екатерина Андреевна	E-mail: e.a.kalashnikova@spbu.ru Младший научный сотрудник отдела глобальных проблем

Финансирование: ЭИСИ (грант № 123091200060-8 «Визуальный сторителлинг как технология формирования политического доверия в онлайн-пространстве»).

Для цитирования: Будко Д. А., Калашникова Е. А. Нарративные стратегии визуализации в пабликах глав регионов (на примере социальной сети ВКонтакте) // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 130-143.

Введение

Появление термина «нарратив» в научном обороте связано с концепцией «нарративной истории» А. Тойнби [1], согласно которой исторические события рассматриваются в контексте рассказа об этих событиях, тесно связанного с их интерпретацией. Возникновение во второй половине XX века «нарративного поворота» [2] связывают с кризисом позитивистской философии в гуманитарных науках, а также с осознанием того, что рассказы представляют собой форму, с помощью которой люди структурируют память, формируют жизненные истории, определяют идентичность и выражают намерения [3]. В основе теории нарративов лежат идеи постмодернизма и структурализма. В работах К. Леви-Стросса [4], Ж.-Ф. Лиотара [5], Г. Гадамера [6], Р. Барта [7; 8] утверждается, что рассказы и повествования являются неотъемлемой частью человеческого опыта и способом организации знания, а нарративы пронизывают все сферы жизни человека. Философы-постмодернисты отвергают идею единой истины, предполагая существование множества конструктов, текстов и нарративов, конфликтующих друг с другом.

Роль историй в том, как люди обсуждают проблемы в различных сферах общественной жизни и привлекают к ним внимание, была затронута в докладе 1985 года «Сторителлинг в массовой культуре и повседневной жизни» [9], способствовавшем формированию концепции «Homo Narrans», предполагающей, что основной способ восприятия информации человеком – повествование. В работе В. Р. Фишера нарратив определяется в трех аспектах: как отдельные (описания, короткие истории, характеристики) и как универсальные (споры, повествования) формы коммуникации, а также как концептуальная основа, через которую возможно понимание решений, высказываний и действий людей [10]. Я. Манфред также выделяет его структурные элементы: «Нарратив: все, что рассказывает или представляет историю; история: последовательность событий с участием персонажей; нарратор: рассказчик повествования; человек, который формулирует текст повествования» [11].

Нарратив можно охарактеризовать как форму дискурса, где представлен ряд событий, организованных таким образом, чтобы иметь смысл. Основной чертой нарратива является то, что смысл рассказа не передается непосредственно, а проясняется через сочетание последовательности событий, структуры сюжета, персонажей и контекста [12; 13].

Нарратив является тесно связанным с более современным понятием «сторителлинг» (от англ. storytelling) – искусством рассказывания историй. Данный термин появился в контексте изучения роли историй в развитии корпоративной культуры и связан с работой Д. Армстронга «Управление путем рассказывания историй» [14]. Сторителлинг направлен на достижение коммуникативной цели и имеет потенциал воздействия на реципиентов [15]. Такая стратегия не только подчеркивает факты, но и включает элементы персональных историй, человеческих переживаний и конфликтов, делая сообщение более доступным для аудитории из-за эмоциональности, увлекательности, связности и вовлеченности [16; 17; 18; 19; 20]. Таким образом, мы имеем дело с тесно связанными друг с другом понятиями, которые дополняют друг друга в рамках современных исследований блогинга как феномена.

Блоги политиков в интернет-пространстве представляют интерес для исследования нарративов [21; 22; 23]. Также отмечается, что истории могут быть рассказаны в различных форматах: устный или письменный текст, фильм или изображение [24]. В связи с ростом популярности и возможностей онлайн-коммуникации, а также

изобилием визуального контента в интернете (фотографии, рисунки, видео, коллажи, инфографика, комиксы, видеоигры и т. д. [25; 26; 27]), который объясняется упрощением и быстротой восприятия, привлечением внимания и универсальностью [28], насыщенностью образами [27], внимание исследователей привлекли нарративы, облеченные в визуальную форму [29; 30; 31] – визуальный сторителлинг. Видимость, простота и возможность влияния на реципиентов [32], большее количество инструментов передачи содержания рассказа (цвет, ракурс, типографика и т. д. [33]) сделали данный инструмент востребованным в политической сфере [34]: в вопросах использования в цифровой пропаганде [35] и для повышения привлекательности [31], использования в политике нарративов массовой культуры [36] и других. Исследования, посвященные вопросам восприятия визуального контента в политической сфере, позволили выявить его роль в повышении лояльности [37; 38; 39].

В современном информационном обществе иконографические образы и видеоматериалы становятся одним из ключевых способов выстраивания коммуникации, в том числе в сфере политического. В данном аспекте визуальный сторителлинг является возможностью рассказать не только о событии, но и о себе. Наряду с другими инструментами это становится одним из способов конструирования личного бренда и одновременно способом выстроить коммуникацию с аудиторией.

В России ведение пабликов¹ главами субъектов федерации является одним из способов взаимодействия с населением регионов. ВКонтакте – самая популярная социальная сеть в нашей стране. Широкий спектр инструментов открывает большие возможности для публикации различного рода визуального контента и взаимодействия пользователей. По этой причине именно здесь вероятно обнаружить наиболее выраженные нарративные стратегии, применяемые при ведении пабликов представителями региональной власти.

Методы

В рамках исследования нами были отобраны 15 наиболее популярных пабликов глав российских регионов в социальной сети ВКонтакте и мессенджере Телеграмм (в данной статье мы сосредоточились на публикациях во ВКонтакте, поскольку, во-первых, это российская социальная сеть, а во-вторых, происходит дублирование контента на обеих площадках). Хронологические рамки исследования составили период с 01 марта 2023 года по 01 ноября 2023 года.

Цель исследования – выявление основных нарративов, используемых российскими региональными политиками в визуальном сторителлинге через публикации в социальной сети ВКонтакте.

Методом исследования выступили дискурс-анализ по Н. Фэрклоу и подход к исследованию визуальных материалов П. Штомпки.

В рамках исследования пабликов нами были выделены четыре основных нарратива, обозначенные нами следующим образом (для наглядности в качестве примера нами были выбраны несколько иллюстраций, наиболее актуальных по времени с даты публикации):

– «Путь героя» – рассказ о собственных достижениях и ежедневной работе, личной жизни (рис. 1, рис. 2).

¹ Под пабликом в статье понимается публичная страница главы региона в социальной сети ВКонтакте, используемая им для взаимодействия с пользователями.

– «Стабильность» – позиционирование планомерного достижения основных целей и задач, которые необходимо реализовать в рамках региональной политики; поддержка традиций (рис. 3).

– «Свой-чужие» – обстоятельства, связанные с проведением СВО (например, поддержка наших бойцов и их семей; опасность вражеских провокаций, устранение их последствий) (рис. 4).

– «Планы на будущее» – часто связан с развитием региона и темой материнства и детства (рис. 5).

Говоря о выделенных нами четырех основных нарративах, важно подчеркнуть, что они объединяют в себе большое количество сюжетных вариаций более узких тематик, в зависимости от происходящих в том или ином регионе событий и существующих практик (можно предположить, что они носят универсальный характер). Более мелкое дробление в рамках исследования, на наш взгляд, способствовало бы разобщению полученного материала и концентрации сугубо на новостной повестке. В то же время идея с доминирующими нарративами является одной из наиболее актуальных в изучении сторителлинга.

Рисунок 1. Нарратив «путь героя». Паблик в ВКонтakte С. С. Собянина. Пост от 29.09.2023 г. (14:18)².

² Паблик в ВКонтakte С. С. Собянина. [2023]. URL: https://vk.com/mossobyenin?w=wall265870743_1166770&z=photo265870743_457292321%2Fwall265870743_1166770 (дата обращения: 10.11.2023).

Рисунок 2. Нарратив «путь героя». Паблик в ВКонтакте Р. Ф. Хабирова.
Пост от 21.10.2023 г. (14:14)³.

Рисунок 3. Нарратив «стабильность». Паблик в ВКонтакте А. Л. Текслера.
Пост от 11.10.2023 г. (15:40)⁴.

³ Паблик в ВКонтакте Р. Ф. Хабирова. [2023]. URL: https://vk.com/radiyhabirov?w=wall413272232_1115600 (дата обращения: 10.11.2023).

⁴ Паблик в ВКонтакте А. Л. Текслера. [2023]. URL: https://vk.com/alexeytexler.official?w=wall548020729_185616&z=photo548020729_457242081%2Fwall548020729_185616 (дата обращения: 10.11.2023).

Рисунок 4. Нарратив «свои-чужие». Паблик в ВКонтакте В. В. Гладкова. Пост от 21.10.2023 г. (12:48)⁵.

Рисунок 5. Нарратив «планы на будущее». Паблик в ВКонтакте А. Д. Беглова. Пост от 27.09.2023 г. (13:15)⁶.

⁵ Паблик в ВКонтакте В. В. Гладкова. [2023]. URL: https://vk.com/gladkov_vv?w=wall639631882_1061289 (дата обращения: 10.11.2023).

⁶ Паблик в ВКонтакте А. Д. Беглова. [2023]. URL: https://vk.com/a_beglov?z=photo535438957_457269326%2Fwall535438957_695874 (дата обращения: 10.11.2023).

Результаты

В первую очередь стоит отметить, что ведение официальных политических пабликов в пространстве Рунета тесно связано с деятельностью АНО «Диалог», созданной в 2019 году согласно распоряжению С. С. Собянина [40]. Основной задачей работы центра является помощь в выстраивании цифрового диалога между государством и гражданами. Сфера компетенций крайне велика: от аналитической поддержки до помощи и обучения ведению страниц в социальных сетях [41], чему в свободном доступе посвящены отдельные методические материалы [42]. Это важно для понимания того, что зачастую официальные страницы глав регионов могут вестись по схожим траекториям с точки зрения планирования контента и его преподнесения.

Однако одновременно с этим существуют два важных фактора, которые учитываются в процессе ведения любого персонального блога: личностный фактор (образ личности) и фактор целевой аудитории (в нашем случае это можно проинтерпретировать как региональную специфику, ведь в первую очередь страница ведется для жителей региона). Эти моменты важны для развития каждого нарратива, а также могут порождать новые, эксклюзивные, с ярко выраженной региональной спецификой. Заметим, что каждый из нарративов присутствует во всех рассмотренных пабликах, можно говорить лишь о доминировании тех или иных тенденций. Так, нарратив «свои-чужие» так или иначе встречается во всех блогах, но не является доминирующим.

Перейдем к конкретным примерам, которые для удобства изучения распределим по пабликам каждого из глав региона.

Рамзан Ахматович Кадыров (Чеченская республика; @gamzan; 967 тыс. подписчиков)

В паблике главы Чеченской республики можно наблюдать преобладание нарратива «путь героя», который переплетается с нарративом «свои-чужие». Спецификой страницы является большое число публикаций совместных фото с другими общественными и политическими деятелями. По своей композиции на этих фотографиях можно выделить двух главных протагонистов: Р. А. Кадырова и его собеседника, часто можно наблюдать жесты рукопожатия. Эти публикации являются иллюстрацией уважения к своим коллегам, друзьям и готовности к дальнейшей продуктивной работе. Отдельно можно выделить публикации фотографий, где Р. А. Кадыров снят вместе с В. В. Путиным. Основной сюжетной составляющей является поддержка выбранного президентом курса и готовность содействия в его реализации. Весьма примечательно, что большая часть визуального контента отражает «путь героя» не прямо, а опосредованно, через его поступки и взаимодействие с другими людьми. Напротив, резко выделяются публикации, где Р. А. Кадыров делится личными переживаниями, размышлениями или повседневными моментами (в качестве иллюстративного материала выбираются фотографии по типу портрета).

Вячеслав Владимирович Гладков (Белгородская область; @gladkov_vv; 216 тыс. подписчиков)

Паблик главы Белгородской области демонстрирует в первую очередь преобладание нарратива «путь героя». Несмотря на то, что многие публикации свя-

заны с устранением вражеских диверсий, акцент в сторителлинге делается на то, что правительство региона всегда готово прийти на помощь и оказать поддержку жителям в любой ситуации. Знаковым моментом является схожесть сюжетов фоторепортажей (несмотря на несвязность событий): губернатор всегда находится во взаимодействии с гражданами, находится среди людей и общается с ними. Направленность блога становится действием вовне: как ни парадоксально, но на передний план выходят действия для людей, а не рассказ о собственных поступках или достижениях.

Сергей Валерьевич Аксёнов (Республика Крым; @aksenovrk; 131 тыс. подписчиков)

В паблике С. В. Аксенова присутствует интерпретация «пути героя» также в контексте выполнения рабочих задач. При этом часто сам глава региона может и не присутствовать на фотографиях. Публикуются результаты его деятельности, например, результаты сбора гуманитарной помощи.

Михаил Владимирович Развожаев (Севастополь; @razvozhaev_m; 50 тыс. подписчиков)

В блоге М. В. Развожаева доминирует нарратив «стабильность», что выражается в преобладающем числе публикаций, связанных с его повседневной работой: информационные сообщения, встречи с ветеранами, итоги о проделанной работе, встречи с учителями. Несмотря на различие в доминирующих нарративах, можно отметить, что блоги глав Севастополя и Крыма схожи по используемым стратегиям.

Собянин Сергей Семенович (Москва; @mossobyarin; 388 тыс. подписчиков)

Между тем формат ведения паблика, о котором говорилось в предыдущих двух случаях, характерен и для паблика С. С. Собянина – чаще всего используется сочетание нарративов «стабильность» и «планы на будущее». Основной сюжет – рассказ о четкой работе правительства Москвы и городских служб. При этом сам С. С. Собянин появляется словно постфактум – для контроля ситуации. С одной стороны, это создает эффект его «невидимости» (его деятельность отходит на второй план перед деятельностью его подчиненных), а с другой – подчеркивает его вовлеченность во все процессы региона и вклад в его будущее.

Андрей Юрьевич Воробьев (Московская область; @andreyvorobiev; 230 тыс. подписчиков)

Прямую противоположность проявления нарратива «путь героя» можно заметить в блоге А. Ю. Воробьева. Здесь наряду с публикациями о работе и взаимодействии с населением (по композиции схожие с публикациями в паблике В. В. Гладкова) присутствует контент, связанный с его повседневной жизнью, фотографии семьи (например, кадры школьной линейки на день знаний), то есть поддерживается тренд на новую искренность.

Роман Владимирович Старовойт (Курская область; @gubernator46; 108 тыс. подписчиков)

Паблик главы Курской области Р. В. Старовойта также является ярким примером использования нарративной стратегии «путь героя» (на его страницах могут встречаться и детские фото). Однако сюжетные коллизии его фотопубликаций во многом связаны с «планами на будущее» и «стабильностью»: существенный пласт постов составляют истории о восстановлении домов, участии в памятных мероприятиях, встречах с жителями и решении повседневных задач.

Александр Дмитриевич Беглов (Санкт-Петербург; @a_beglov; 152 тыс. подписчиков)

Паблик А. Д. Беглова является иллюстрацией воплощения нарративов «путь героя» и «планы на будущее». С одной стороны, его контент строится вокруг повседневной деятельности губернатора, с другой – происходят отсылки к значимости изменений в регионе, помощь городу-побратиму Мариуполю. А также, что немало важно для конструирования образа будущего, публикуются фотографии с детьми (при этом по своим сюжетам они выглядят весьма гармонично и естественно, отражая по стилистике взаимодействие бабушки и внуков, то есть преемственность поколений).

Радий Фаритович Хабиров (республика Башкортостан; @radiyhabirov; 283 тыс. подписчиков)

Паблик Р. Ф. Хабирова также транслирует нарратив «путь героя», при этом в нем активно используется тренд на «новую искренность». Большая часть публикаций «отражает ситуацию в моменте», является личными фотографиями. Они часто эмоциональны, неформальны (часто Р. Ф. Хабиров улыбается на таких снимках), отражают отношение главы региона к тому или иному событию. Также публикуются кадры с супругой, что во многом свидетельствует об открытости главы региона для его жителей. Паблик ведется очень активно, зачастую в нем выкладывается по несколько постов в день.

Рустам Нургалиевич Минниханов (республика Татарстан; @gntm; 212 тыс. подписчиков)

Паблик Р. Н. Минниханова также отражает тренд на «новую искренность»: «путь героя», но с преобладанием личного эмоционального взгляда на события и демонстрацией своей жизни вне работы. Отметим три интересных момента этого паблика: 1) большую часть записей сопровождают подписи не только на русском, но и на татарском языке, что говорит о четкой целевой аудитории (контент в первую очередь рассчитан на жителей республики); 2) каждое утро публикуются фотографии из окна рабочего кабинета главы региона с подписью «Исэнмесез!» (переводится с татарского «Здравствуйте!»); 3) часто встречаются фотографии собаки Р. Н. Минниханова (появление животных в социальных сетях является способом расположить к себе аудиторию, но, если речь идет о статусной персоне, это способ приоткрыть часть своей личной жизни). В случае блога главы Татарстана фотографии по сюжету не постановочные, а сделаны «в моменте» и отражают искреннее желание показать питомца.

Антон Андреевич Алиханов (Калининградская область; @aa_alikhanov; 46 тыс. подписчиков)

Паблик А. А. Алиханова весьма примечателен в изложении нарратива «путь героя». Как правило, мы видим либо рабочие моменты, либо изображение пейзажей Калининградской области. Однако периодически появляются фотографии с отдыха или личного характера, причем выглядят они как сделанные «в моменте» либо являются селфи. Отметим также, что на аватар А. А. Алиханова помещено неформальное фото, что отличает его от блогов других региональных политиков, где фотографиями страницы являются портреты, подчеркивающие статус владельца. Таким образом, данный паблик по используемым визуальным нарративам во многом напоминает личную страницу.

Алексей Леонидович Текслер (Челябинская область; @alexeytexler.official; 134 тыс. подписчиков)

Блог А. Л. Текслера в своем отражении «пути героя» также весьма любопытен. Паблик ведется весьма активно, подчеркивается, что глава региона бывает в каждом населенном пункте своего региона, однако наиболее интересной является сюжетная составляющая и композиция – на всех кадрах губернатор находится в активном взаимодействии с окружающими, у него подвижная мимика и жестикуляция.

Денис Владимирович Пушилин (Донецкая Народная Республика; @pushilindenis; 25 тыс. подписчиков)

Паблик Д. В. Пушилина отличает доминирование нарратива «свой-чужие». Его отличительной чертой является то, что он имеет черты скорее не личного блога, а официального информационного ресурса, в котором визуализация отходит на второй план по причине тематики публикаций (например, информирование об обстрелах, объявление тревоги), что является закономерным для положения региона в данный момент. Блог становится одним из способов поддержки и оповещения жителей Донецкой Народной Республики.

Паблики **Вениамина Ивановича Кондратьева (Кемеровская область; @kondratyevvi; 86 тыс. подписчиков)** и **Александра Владимировича Бречалова (Удмуртская республика, @a.brechalov; 124 тыс. подписчиков)**, несмотря на большое количество выкладываемого контента, носят скорее официальный характер и не дают конкретных нарративов (если не обобщать «путь героя» до фиксации освещения рабочих моментов).

Обсуждение

По результатам исследования можно сделать вывод, что основным нарративом, присутствующим в исследуемых нами пабликах глав регионов, является «путь героя». Он доминирует в самых разных вариациях, иногда переплетаясь с иными нарративами, которые позволяют ярче подчеркнуть основную линию.

Следующим доминирующим нарративом можно выделить «стабильность». При этом в качестве отличительных черт данного сюжета можно выделить:

- праздники (поздравления с 9 мая, Днем России, 1 сентября, Новым годом);
- общечеловеческие ценности (зачастую это граничит с феноменом «новой искренности» в виду того, что находит выражение в трансляции таких событий,

как выходные в кругу семьи и друзей, важные события в жизни родственников (чаще всего детей));

– религиозные ценности (отметим, что здесь немаловажный фактор имеет преобладающее число представителей той или иной конфессии в регионе; так, в пабликах глав республики Татарстан, республики Башкирия и Чеченской Республики преобладает контент, связанный с мусульманскими праздниками и традициями, а, например, в пабликах глав Республики Крым и Севастополя в подробностях освещалось прибытие нового главы Крымской митрополии – митрополита Симферопольского и Крымского Тихона);

- освещение выполнения заявленных планов;
- приезд в какое-либо учреждение с инспекцией;
- поддержка ветеранов.

Нарратив «свои-чужие» (совпадает в нашем контексте с «общий враг – угроза») наиболее характерен для глав регионов, находящихся на границе с зоной проведения СВО, а также для главы Донецкой Народной Республики, поскольку отражает актуальные вызовы, с которыми сталкиваются руководство регионов и его жители.

Весьма интересно присутствие нарратива «планы на будущее» в каждом из пабликов. При этом он отражается, на наш взгляд, как в демонстрации позитивных изменений в жизни региона, так и в сюжетах, связанных с политикой в области материнства и детства.

Таким образом, можно предположить, что несмотря на то, что ведение пабликов глав региональной власти является одной из их обязанностей и подчиняется ряду критериев, представление нарративных стратегий каждого из них отличается довольно сильно и во многом зависит как от специфики региона, так и от личности его главы, его стремления не только рассказать о своей деятельности, но и показать свою жизнь за пределами кабинета.

Ссылки

1. Toynbee A. *Mankind and Mother Earth. A Narrative History of the World*. New York: Oxford University Press, 1976. 641 p.

2. Kreisworth M. *Trusting the Tale: the Narrativist Turn in the Human Sciences* // *New Literary History*. Vol. 23, No. 3. 1992. P. 629–657.

3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29-42.

4. Леви-Стросс К. *Структурная антропология* / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

5. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна* / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

6. Гадамер Х.-Г. Что такое истина? // *Логос. Философско-литературный журнал*. 1991. № 1. С. 30–37.

7. Барт Р. *Введение в структурный анализ повествовательных текстов* // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе*. М.: Моск. гос. ун-т, 1987. С. 387–422.

8. Барт Р. *Смерть автора* // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М. 1994. 616 с.

9. Homo Narrans: Story-Telling in Mass Culture and Everyday Life // *Journal of Communication*. 1985. Vol. 35, No. 4. P. 90–108.
10. Fisher W. R. Narration as a Human Communication Paradigm: The Case of Public Moral Argument // *Communication Monographs*. 1984. Vol. 51, No. 1. P. 1–22.
11. Jahn M. *Narratology 2.3: a guide to the theory of narrative*. English Department, University of Cologne. 2021. URL: <https://www.uni-koeln.de/~ame02/pppn.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).
12. Bennett W. L., Edelman M. Toward a New Political Narrative // *Journal of Communication*. 1985. Vol. 35, No. 4. P. 156–171.
13. The Sociology of Storytelling / F. Polletta, P. Chen, B. Gardner, A. Motes // *Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. P. 109–130.
14. Armstrong D. *Managing by Storying Around: A New Method of Leadership*. New York: Crown Business, 1992. 272 p.
15. Shenhav S. R. Thin and thick narrative analysis // *Narrative Inquiry*. 2005. Vol. 15, No. 1. P. 75–99. DOI 10.1075/ni.15.1.05she.
16. Downs J. S. Prescriptive scientific narratives for communicating usable science // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111, No. S4. P. 13627–13633. DOI 10.1073/pnas.1317502111.
17. Escalas J. E. Imagine yourself in the product: mental stimulation, narrative transportation, and persuasion // *Journal of Advertising*. 2004. Vol. 33, No. 2. P. 37–48.
18. Brechman J. M., Purvis S. C. Narrative, transportation and advertising // *International Journal of Advertising*. 2015. Vol. 34, No. 2. P. 366–381.
19. Рафиков А. И. Рекламные коммуникации в политической сфере России: опыт президентских кампаний 2010-х годов: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2022. 314 с.
20. Скорченко Ю. А. Политический сторителлинг: анализ софтверинга // *Вестник Донского государственного аграрного университета*. 2020. № 4-2. С. 32–39.
21. Steffan D. Visual Self-Presentation Strategies of Political Candidates on Social Media Platforms: A Comparative Study // *International Journal of Communication*. 2020. Vol. 14. P. 3096–3118.
22. Peng Y. What Makes Politicians' Instagram Posts Popular? Analyzing Social Media Strategies of Candidates and Office Holders with Computer Vision // *The International Journal of Press/Politics*. 2021. Vol. 26, No. 1. P. 143–166.
23. Walby K., Wilkinson B. The visual politics of public police Instagram use in Canada // *New media & Society*. 2021. Vol. 25, No. 5. P. 1–23.
24. Подшибякина Т. А. Когнитивная нарратология: возможности использования в политической науке // *Политическая наука*. 2023. № 3. С. 81–97.
25. Терещенко Л. В. Коммуникативные особенности визуального сторителлинга // *Актуальные проблемы взаимодействия науки и бизнеса*. Саратов: ЦПМ «Академия Бизнеса», 2020. С. 45–49.
26. Walter E. *The Power of Visual Storytelling*. Mc Graw Hill Education, 2014. 222 P.
27. Williams W. Attending to the visual aspects of visual storytelling: using art and design concepts to interpret and compose narratives with images // *Journal of Visual Literacy*. 2019. Vol. 38, No. 1-2. P. 66–82.

28. Sammer P., Heppel U. *Visual Storytelling: Visuelles Erzählen in PR & Marketing*. Heidelberg: O'Reilly, 2015. 344 p.
29. Crilley R., Manor I., Bjola C. *Visual narratives of global politics in the digital age: an introduction* // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. Vol. 33, No. 5. P. 628–637.
30. Bjola C., Papadakis K. *Digital propaganda, counterpublics and the disruption of the public sphere: the Finnish approach to building digital resilience* // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. Vol. 33, No. 5. P. 638–666.
31. Van Noort C. *Strategic narratives, visibility and infrastructure in the digital age: the case of China's Maritime Silk Road Initiative* // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. Vol. 33, No. 5. P. 734–751.
32. Sykes M., Nicklas Malik A., West M. D. *Stories that Move Mountains: Storytelling and Visual Design for Persuasive Presentations*. Wiley, 2013. 259 p.
33. Simorangkir D. *Strategic political communication through storytelling: A case study of the «Democreative Tales of Jokowi's Blusukan» comics* // *Public Relations Journal (Special Issue)*. 2017. P. 1–22.
34. Dawson P., Mäkelä M. *The Routledge companion to narrative theory*. New York: Taylor & Francis, 2022. 596 p.
35. Winter C. *Framing war: visual propaganda, the Islamic State, and the battle for east Mosul* // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. Vol. 33, No. 5. P. 667–689.
36. Schmid J. (Captain) *America in crisis: popular digital culture and the negotiation of Americanness* // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. Vol. 33, No. 5. P. 690–712.
37. *The image and the vote: The effect of candidate presentation on voter preference* / S. W. Rosenberg, L. B. Bohan, P. McCafferty, K. Harris // *American Journal of Political Science*. 1986. Vol. 30, No. 2. P. 123.
38. Lim H., Childs M. *Visual storytelling on Instagram: branded photo narrative and the role of telepresence* // *Journal of Research in Interactive Marketing*. 2020. Vol. 14, No. 1. P. 33–50.
39. Schill D. *The Visual Image and the Political Image: A Review of Visual Communication Research in the Field of Political Communication* // *Review of Communication*. 2012. Vol. 12, No. 2. P. 118–142.
40. АНО «Диалог». *Company profile*. 07.10.2020, 00:20. // *Коммерсантъ*. 07.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4520852> (дата обращения: 01.12.2023).
41. ДИАЛОГ о нас // ДИАЛОГ: сайт [2023]. URL: <https://dialog.info/about/ano-dialog/> (дата обращения: 01.12.2023).
42. ДИАЛОГ цифровые коммуникации. *Методические материалы по госпубличам* // ДИАЛОГ: сайт [2023]. URL: <https://dialog.info/metodicheskie-materialy-po-gospublikam> (дата обращения: 01.12.2023).

Some issues of Russia's transport policy in the context of Western sanctions

A. A. Gorbunov¹

¹Academy of Basic Training of the Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-144-151

Research article
Full text in Russian

The aspects of Russia's transport policy at the present stage in the context of the tightening of Western sanctions pressure are considered. The project of the North-South international transport corridor is considered as a transport response to attempts to push Russia away from the global South. Particular attention is paid to the political and technological aspects of the formation of the international transport corridor of the North-South project, the negative consequences of the sanctions imposed by Western countries against the transport industry of Russia are shown. An assessment of the actions of the United States and partners to counteract the creation of the North-South international transport corridor through the formation of alternative transport projects of the Lapis Lazuli Corridor and the Zangezur land transport corridor is given. Showing actions of the Government of the Russian Federation to defend the North-South project. In order to counter the threats from Britain and Great Britain, Russia and its partners in the formation of the North-South International Transport Corridor need to preserve sovereignty in international relations, counteract the interference of third countries in their plans, and strengthen the collective military security of their countries. It is important not to succumb to provocations, to show flexibility and mutual willingness to cooperate. This will not only help to overcome obstacles to the implementation of the North-South ITC project, but will also help the participating countries to move forward on integration issues, strengthening their relations.

Keywords: transport corridors; sanctions struggle; economy; energy resources; economic and transport embargoes; transport sovereignty

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorbunov, Alexander A. | E-mail: abp-rut@yandex.ru
D. Sc. (Politics), Professor

For citation: Gorbunov A. A. Some issues of Russia's transport policy in the context of Western sanctions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 144-151. (in Russ.)

Некоторые вопросы транспортной политики России в условиях западных санкций

А. А. Горбунов¹

¹Академия базовой подготовки Российского университета транспорта, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-144-151
УДК 325:656

Научная статья
Полный текст на русском языке

Рассмотрены аспекты транспортной политики России на современном этапе в условиях ужесточения санкционного прессинга Запада. Описан проект международного транспортного коридора «Север-Юг» как транспортный ответ на попытки оттеснить Россию от глобального Юга. Особое внимание уделено политическим и технологическим аспектам формирования международного транспортного коридора проекта «Север-Юг», показаны негативные последствия введенных западными странами санкций против транспортной отрасли России. Дана оценка действий США и партнеров по противодействию созданию международного транспортного коридора «Север-Юг» путем формирования альтернативных транспортных проектов – «Лазуритового коридора» и Зангезурского сухопутного транспортного коридора. Показаны действия Правительства РФ по отстаиванию проекта «Север-Юг». Чтобы противостоять угрозам со стороны Англии и Великобритании, России и ее партнерам по формированию МТК «Север-Юг» необходимо сохранить суверенитет в международных отношениях, противодействовать вмешательству третьих стран в их планы и укреплять коллективную военную безопасность своих стран. Важно не поддаваться на провокации, проявлять гибкость и обоюдную готовность к сотрудничеству. Это поможет не только преодолеть преграды на пути к реализации проекта МТК «Север – Юг», но и продвинуться в вопросах интеграции стран-участникам, укрепив их отношения.

Ключевые слова: транспортные коридоры; санкционная борьба; экономика; энергоресурсы; экономическое и транспортное эмбарго; транспортный суверенитет

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбунов, Александр Александрович | E-mail: abp-rut@yandex.ru
Доктор политических наук, профессор

Для цитирования: Горбунов А. А. Некоторые вопросы транспортной политики России в условиях западных санкций // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 144-151.

Современная международная обстановка характеризуется резким обострением отношений России с западными странами из-за Украины, которую США и ее союзники превратили в поле гибридной войны против нашей страны. С одной стороны, они вооружают Украину, чтобы та могла вести масштабные военные действия с российской армией, с другой – применяют санкции, направленные на разруше-

ние российской экономики, под влиянием которых многие международные партнеры вынужденно сворачивают сотрудничество с отечественными предприятиями. Эти действия западных стран вынуждают совершенствовать транспортную политику России.

Запад ввел несколько тысяч антироссийских санкций, целью которых является ослабление и изоляция РФ от мировой экономики. Эти санкции поддержали не только Соединенные штаты Америки и Евросоюз, но и их ближайшие союзники – Тайвань, Южная Корея, Япония, Швейцария и др.

От введенных антироссийских санкций несет существенные убытки также западная экономика, прежде всего стран ЕС. На данный момент страны Европы не могут отказаться от России как поставщика энергоресурсов, ведь доля импорта составляет 55 % всех потребляемых энергоресурсов. Более того, заместить российские энергоносители в ближайшие годы также не представляется возможным. Попытки сократить поставки из-за энергетического эмбарго приведут лишь к резкому росту цен на энергоресурсы. Так, по оценкам Международного энергетического агентства, потери России от энергетического эмбарго в 2022 г. составили \$8 млрд., а убытки европейских стран – \$1 трлн. Финансовые потери вынудили крупнейшие европейские компании сократить тысячи рабочих мест, опасаясь, что правительство не сумеет обеспечить бизнес энергией по приемлемым ценам [1].

Негативные последствия от введения антироссийских санкций наблюдаются не только в энергетическом секторе европейской экономики, но и в других отраслях. Так, восьмой пакет санкций содержит запрет на экспорт европейских микросхем и чипов, а также на оказание российским клиентам инженерных, юридических, консалтинговых и архитектурных услуг. Убытки Евросоюза от его введения оцениваются в €123 млрд. Из-за невозможности использовать российское воздушное пространство в результате введения нашей страной контрсанкций европейские авиаперевозчики, например, теряют порядка 10 тысяч долларов с каждого рейса [1].

В целом, как прогнозируют экономисты созданного Евросоюзом исследовательского центра Роберта Шумана при European University Institute, «падение европейской экономики в результате полного торгового эмбарго со стороны Запада в отношении России составит 0,7 % в год» [2].

От действия западных санкций страдает и экономика России. Большие трудности испытывает транспортная отрасль: снизились объемы международных перевозок, сократились доходы транспортных компаний, приостановилась работа многих логистических центров [3, с. 64].

В сложившихся условиях приоритетными задачами транспортного комплекса в условиях введения санкций должны стать определение новых направлений доставки товаров, налаживание цепочки поставок и формирование новой транспортной инфраструктуры (ТИ). Для эффективного решения этих задач необходимо провести системный анализ внешней среды с учетом политических, экономических, географических, конъюнктурных, технических, технологических и других

факторов, оказывающих влияние на транспортный комплекс и транспортную инфраструктуру.

В рамках мер по противодействию санкциям 19 июля 2022 года российским правительством была проведена стратегическая сессия по транспорту, где был принят ряд важнейших решений по адаптации отрасли к новым условиям.

Открывая сессию, Председатель Правительства РФ М. Мишустин охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в транспортной отрасли в условиях вызовов, которые возникают на фоне европейских санкций. В ходе своего выступления М. Мишустин подчеркнул, что правительством был принят ряд мер, чтобы предотвратить негативное влияние санкций на отрасль, и отметил, что правительство не ограничится предпринятыми мерами: «Необходимо продолжить работу в интересах пассажиров и грузовладельцев, как это предусмотрено нашей Транспортной стратегией, выполнять обязательства по обеспечению мобильности, повышать доступность и связанность территорий нашей большой страны» [4].

Говоря об основных целях и направлениях развития единой опорной транспортной сети, Мишустин подчеркивает, что «расширение связей с дружественными государствами является ключевым фактором для модернизации отраслей промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта» [4].

Так, разработанная Правительством РФ стратегия адаптации транспортной отрасли к западным санкциям привела к необходимости ускоренной реализации международного транспортного коридора «Север-Юг» (далее – МТК «Север-Юг») протяженностью более 7 тысяч км. – от Санкт-Петербурга до порта Мумбаи, – основная цель которого – в разы сократить скорость и стоимость доставки товаров из Европы в Индию. Международный транспортный коридор «Север-Юг» является альтернативой морскому пути, соединяющему Европу, страны Персидского залива и Индийского океана через Суэцкий канал.

Соглашение о создании МТК «Север-Юг» было заключено 12 сентября 2000 г. между РФ, Индией и Исламской Республикой Иран в ходе проведения II Международной евроазиатской конференции по транспорту и подписано рядом других стран, которые проявили интерес к этому проекту, – Белоруссией, Казахстаном, Азербайджаном, Таджикистаном, Сирией, Болгарией и др.

На заседании XIV Международного экономического форума «Россия – Исламский мир: KazanForum» были названы три основных маршрута, по которым будет происходить сообщение: «Выделяется три основных маршрута. Западный – через республику Дагестан автомобильным и железнодорожным транспортом в Азербайджан и Иран. Транскаспийский – через Каспийское море морским и речным транспортом из портов Астрахань, Алия и Махачкала по Волге в иранские и туркменские порты. И восточный – через республику Казахстан и Туркмению автомобильным и железнодорожным транспортом. Транскаспийское – с использованием портов России и Ирана, западному – через Азербайджан и восточному – через Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. В прошлом году произошло важное событие, связанное с коридором «Север-Юг»: заработал восточный маршрут из России, через Казахстан и Туркмению в Иран. Железная дорога Решт – Астара станет последним участком западного маршрута» [5].

Зам. министра транспорта РФ В. Иванов сообщил на совещании у председателя правительства М. Мишустина: «Благодаря реализации целого комплекса мероприятий, по итогам 2022 года по всем направлениям международного транспортного коридора (МТК) «Север-Юг» отмечен рост объема перевозок на 64,6 %, до 8,4 млн тонн». Это почти на 65 % превышает аналогичные показатели 2021 года. Показатели объемов перевозки в начале 2023 года уже в два раза больше аналогичных периодов в 2022 году. Информационно-аналитическое агентство ПортНьюс со ссылкой на пресс-службу Минтранса России сообщает: «К 2030 году ожидается рост объема российских грузов по коридору «Север-Юг» почти в два раза: с текущих 17 млн до 32 млн тонн» [6]. За счет мероприятий по развитию морского пункта пропуска планируется увеличение пропускной способности до 9 млн тонн в год к 2026 году [6].

Успех и скорость развития проекта МТК «Север-Юг» зависят от тесной связи между Россией, Индией, Ираном и Азербайджаном, так как они являются ключевыми странами в этом регионе. Однако, несмотря на общие интересы, интеграционное развитие может сталкиваться с преградами из-за вмешательства третьих стран, не заинтересованных в этом процессе.

Данный проект превратился в объект геополитического конфликта, который ведется между Россией и англосаксами на протяжении последних двух столетий и заключается в соперничестве за господство в Южной и Центральной Азии. Противодействие европейцев развитию МТК «Север-Юг» абсолютно понятно, если учесть, что реализация этого проекта есть фактическое движение России на Юг, тогда как вся проводимая англосаксами геополитика должна содействовать вытеснению России на Север [7, с. 89].

В случае успешной реализации проект МТК «Север-Юг» может стать альтернативой маршруту через Суэцкий канал и изменить геополитическую карту мировой торговли. Такое положение дел крайне не устраивает англичан, которые из-за использования альтернативного морского пути могут понести убытки на каждой перевозке до 20–30 %, поэтому на Западе проект МТК «Север-Юг» воспринимается как провокация России против «мирового сообщества».

Прикрываясь «благими целями противоборства мировому злу» в лице России, Запад не остановится ни перед чем, даже пойдет на применение военной силы, поэтому при реализации МТК «Север-Юг» нужно особое внимание уделять обеспечению военно-политической безопасности. В рамках этих мер Россия должна позаботиться об укреплении военно-политического сотрудничества стран-участниц проекта, способного противостоять этим вызовам.

На протяжении всей истории Европой и Америкой весьма эффективно использовалась стратегия, основанная на принципе «разделяй и властвуй», исключением не стал и весьма невыгодный европейскому и американскому сообществу проект МТК «Север-Юг», который Запад использует в качестве арены геополитического противоборства. Одной из провокаций, которую осуществили США и Великобритания, стал план создания «Лазуритового коридора», соединяющий Стамбул, Батуми, Тбилиси, Баку, Ашхабад, Герат. Этим проектом им удалось отвлечь Республику Азербайджан от проекта МТК «Север-Юг», тем самым отсрочив

его дальнейшее строительство. Также созданный в 2018 году «Лазуритовый коридор» был геополитически выгоден Америке, так как она получает независимый доступ к внутренним районам Евразии, а три крупнейших государства, таких как Россия, Китай и Иран, маршрут обходит стороной. «Лазуритовый коридор» отчасти напоминает по своим очертаниям маршрут снабжения расположенных в Афганистане военных баз США, который был создан американцами взамен прежнего южного маршрута через территорию Пакистана, отношения с которым у них испортились. После того, как из Афганистана были выведены войска, Америка потеряла интерес к проекту «Лазуритового коридора», и он так и не смог получить статус главного транспортно-логистического маршрута региона.

Следующим проектом, который затянул строительство МТК «Север-Юг», стала перспектива создания Зангезурского сухопутного транспортного коридора. Данный проект активно продвигался Азербайджаном и предполагал строительство маршрута, который соединил бы западные районы Азербайджана с его эксклавом Нахичеванью, обеспечив тем самым бесперебойное транспортное сообщение между двумя частями. Нет необходимости объяснять, почему этот проект имеет такое значение для Азербайджана, но, помимо очевидной причины, есть еще один весьма приятный бонус: с его открытием Азербайджан получает прямое сообщение с Турцией, которая граничит с Нахичеванской автономной республикой.

В процессе разработки планов Азербайджан пошел на укрепление отношений с Турцией. В декларации о союзнических отношениях, подписанной 15 июня 2021 г. между этими странами, говорилось «о намерении продлить коридор на запад путём строительства в Турции железной дороги от пограничного Дилуджу до Карса» [8].

Укрепление отношений между Азербайджаном и Турцией негативно отразилось на взаимоотношениях Азербайджана и Ирана. В связи с тем, что обе страны являются ключевыми участниками МТК «Север-Юг», это весьма негативно отразилось на реализации этого проекта. Враждебную реакцию со стороны Ирана вызвали планы о возможной экстерриториальности Зангезурского коридора и об обеспечении этой экстерриториальности турецкими войсками. Иран не мог допустить такого развития событий и стянул к границе крупную группировку своих войск.

Для смягчения возникшей напряженности вокруг реализации проекта МТК «Север-Юг» Россия предприняла ряд экономических и дипломатических шагов. На встрече премьер-министров России и Азербайджана Михаила Мишустина и Али Асадова, проходившей в июне 2023 г. в Сочи, обсуждались дальнейшие шаги по развитию транспортного коридора. Как отметил М. Мишустин, необходимо «... использовать выгодное географическое положение России и Азербайджана, активнее развивать транзитный потенциал ... Речь идёт об увеличении пропускной способности пограничных переходов, о развитии железнодорожной, автомобильной и морской инфраструктуры в рамках международного транспортного коридора «Север-Юг», который в будущем ... станет конкурентом Суэцкого канала» [9]. Али Асадов отметил значение для Азербайджана МТК «Север-Юг» и заявил: «Мы готовы и дальше прилагать необходимые усилия для развития нашего стра-

тегического партнёрства по всем направлениям, представляющим взаимный интерес» [9].

Помощник президента России Игорь Левитин за последние годы неоднократно наносил визиты в Тегеран с целью обсуждения российского участия в реализации проекта МТК «Север-Юг», а также обсуждения вопросов двухстороннего сотрудничества в вопросах развития этого проекта. Во время этой встречи, которая состоялась в апреле 2023 года, А. Шамхани, секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана, в разговоре с И. Левитиным отметил, что «любые препятствия на пути реализации решений руководства двух стран, связанных с этим стратегическим проектом, который играет ключевую роль в изменении системы транзита грузов в регионе, должны быть устранены в ближайшее время» [10].

Подводя итог, следует отметить, что одним из ключевых направлений адаптации российской транспортной системы к западным санкциям является ее развитие в тесной увязке с глобальными логистическими коридорами на юг и на восток, что привело к активизации работы по формированию МТК «Север-Юг».

Этот проект имеет огромный потенциал и огромное значение для нашей страны. Он не только обеспечивает транспортную доступность различных регионов, но и способствует развитию экономического сотрудничества, укреплению торговых связей и привлечению инвестиций. Также коридор позволит увеличить экспорт российских товаров в другие страны, поможет России укрепить внутренний рынок и поддержать развитие местных предприятий, развивать свою собственную экономику и не зависеть от импорта товаров и услуг, что особенно важно в условиях вызовов, которые ставят перед нами западные санкции.

На пути его реализации, конечно, имеется ряд существенных технических, экономических и геополитических проблем, без решения которых проект будет развиваться достаточно медленно либо вообще будет приостановлен. Причина этих проблем кроется в том, что МТК «Север-Юг» превратился в арену противоборства англосаксов со странами-участниками проекта, так как он представляет угрозу монополии США в сфере мировой торговли. Чтобы противостоять угрозам со стороны Англии и Великобритании, России и ее партнерам по формированию МТК «Север-Юг» необходимо сохранить суверенитет в международных отношениях, противодействовать вмешательству третьих стран в их планы и укреплять коллективную военную безопасность своих стран. Важно не забывать, что успех и скорость развития проекта МТК «Север-Юг» зависят прежде всего от тесной связи между всеми странами-участниками проекта, поэтому важно не поддаваться на провокации, проявлять гибкость и обоюдную готовность к сотрудничеству. Это поможет не только преодолеть преграды на пути к реализации проекта МТК «Север-Юг», но и продвинуться странам-участникам в вопросах интеграции, укрепив их отношения.

Ссылки

1. На Западе подсчитывают убытки от антироссийских санкций // News Front. 02.10.2023. URL: <https://news-front.su/2023/02/10/na-zapade-podschityvajut-ubytki-ot-antirossijskih-sankcij/?ysclid=luihcnf4wl321775642> (дата обращения: 18.03.2023).

2. Кто больше страдает от санкций: Запад или Россия? // Asia-Plus. 26.08.2022. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/world/20220826/kto-bolshe-stradaet-ot-sanktsii-zapad-ili-rossiya?ysclid=luihfuy6s5583207126> (дата обращения: 23.11.2022).
3. Казанцев С. В. Антироссийские санкции: оценка ущерба. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2021. 212 с.
4. Стратегическая сессия по транспорту // Правительство России. 19.07.2022. URL: <http://government.ru/news/46045/> (дата обращения: 19.07.2022).
5. На KazanForum 2023 обсудили развитие международного транспортного коридора «Север – Юг» // Пресс-центр РБК. 25.05.2023. URL: <https://presscentr.rbc.ru/tpost/uy2glmg0j1-na-kazanforum-2023-obsudili-razvitie-mez> (дата обращения: 12.03.2024).
6. Объем перевозок по всем направлениям МТК «Север-Юг» в 2022 году вырос на 64,6 % – до 8,4 млн тонн // ПортНьюс. 04.05.2023. URL: <https://portnews.ru/news/print/346959/?ysclid=lizsfchh5u530725440> / (дата обращения: 23.09.2023).
7. Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. 272 с.
8. Davtyan V. Armenia's transport security within the framework of ITC TRACECA and «North-South» // MATEC Web of Conferences. URL: https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/pdf/2018/71/mateconf_icre2018_05004.pdf / (дата обращения: 25.10.2019).
9. Встреча Михаила Мишустина с Премьер-министром Азербайджанской Республики Али Асадовым // Правительство России. 08.06.2023. URL: <http://government.ru/news/48698/> (дата обращения: 23.09.2023).
10. Помощник президента России и власти Ирана обсудили в Тегеране «Север-Юг» // ТАСС. 09.04.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17484555?ysclid=lpcits7vbs240128799> (дата обращения: 18.03.2023).

The evolution of political power legitimacy conceptions

O. A. Ignatjeva¹

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-152-163

Research article
Full text in Russian

The concept of the power legitimacy as one of the problems in the field of public administration was first mentioned by the German jurist G. Jellinek of the late 19th – early 20th century, then it was deeply developed in the theory of political domination by M. Weber. Realizing the importance of this issue, scientists from different countries one way or another turned to it and refined its various aspects. This article provides a critical analysis of the basic concepts of the legitimacy of power, based on the contribution to the development of this issue by M. Weber, D. Easton, I. Cerovac, J. Rawls, D. Estlund and J. Habermas. Since the problem of the legitimacy of power is directly related to the maintenance of a democratic regime, the declared concepts are considered in the context of the varieties of democracies for which they were created. The purpose of this study is not only to analyze successive concepts of the legitimacy of political power, but also to identify their relationship with the prevailing ideas about democracy in science and society at the time the concept appeared. The study was carried out within the framework of a systematic approach using general theoretical methods of analysis and synthesis, systematization and classification, as well as the case study method for country analysis.

Keywords: legitimacy of political power; plebiscitary democracy; epistemic democracy; deliberative democracy; structural legitimacy; procedural legitimacy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignatjeva, Olga A. | E-mail: olga7919@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

For citation: Ignatjeva O. A. The evolution of political power legitimacy conceptions // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 152-163. (in Russ.)

Эволюция концепций легитимности политической власти

О. А. Игнатьева¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-152-163
УДК 321.72

Научная статья
Полный текст на русском языке

Понятие легитимности власти как одна из актуальных проблем в области государственного управления было впервые упомянуто немецким правоведом Г. Еллинеком конца XIX – начала XX века, затем оно получило глубокую разработку в теории политического господства М. Вебера. Осознав важность данной проблематики, ученые из разных стран так или иначе обращались к ней и дорабатывали разные ее аспекты. В данной статье проведен критический анализ базовых концепций легитимности власти, основанный на вкладе в развитие данной проблематики М. Вебера, Д. Истона, И. Сировача, Дж. Ролза, Д. Эстлунда и Ю. Хабермаса. Поскольку проблема легитимности власти напрямую связана с поддержанием демократического режима, то заявленные концепции рассматриваются в контексте разновидностей демократии, для характеристики которых они создавались. Целью данного исследования является не только анализ последовательно сменяющих друг друга концепций легитимности политической власти, но и выявление их взаимосвязи с господствующими в период появления концепции представлениями о демократии в науке и обществе. Исследование выполнено в рамках системного подхода с использованием общетеоретических методов анализа и синтеза, систематизации и классификации, а также метода кейс-стади для странового анализа.

Ключевые слова: легитимность политической власти; плебисцитарная демократия; эпистемическая демократия; делиберативная демократия; структурная легитимность; процедурная легитимность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатьева, Ольга Анатольевна | E-mail: olga7919@mail.ru
Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
политического управления

Для цитирования: Игнатьева О. А. Эволюция концепций легитимности политической власти // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 152-163.

Введение

Проблема легитимации власти является одной из ключевых проблем для поддержания устойчивости современных демократических режимов. Данная проблема занимает умы ученых с начала XX века. Ее теоретическая разработка связана с именами таких ведущих ученых в области философии, политологии и социологии, как М. Вебер, Д. Истон, Дж. Ролз, Д. Эстлунд, Ю. Хабермас и многие другие. Проблемы демократического устройства современных государств и легитимации поли-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

тической власти в них взаимосвязаны, так как именно демократические режимы наиболее озабочены поддержанием солидарных отношений с обществом, его вовлечением в принятие и одобрением принимаемых элитой решений. Следовательно, целью данного исследования является не только анализ последовательно сменяющих друг друга концепций легитимности политической власти, но и выявление их взаимосвязи с господствующими в период появления концепции представлениями о демократии в науке и обществе.

Логика работы представлена последовательным анализом наиболее влиятельных в политической мысли концепций легитимности политической власти. В первом разделе предлагается анализ подхода к проблеме легитимации власти М. Вебера в контексте взаимосвязи данного подхода с идеями плебисцитарной демократии. Во втором разделе мы переходим к анализу работы по легитимности власти Д. Исто-на, которая была предложена им в середине XX века и, по сути, является более тщательной разработкой оснований легитимности, предложенных немецким ученым. В третьем разделе статьи приводится анализ концепции процедурной легитимности в контексте двух более современных форм эпистемической демократии. И, наконец, рассматривается концепция коммуникативной легитимности Ю. Хабермаса в контексте доминирующей сетевизации и горизонтализации властных отношений де-либеративной демократии. Исследование выполнено в рамках системного подхода с использованием общетеоретических методов анализа и синтеза, систематизации и классификации, а также метода кейс-стади для странового анализа.

Легитимность власти в подходе М. Вебера и плебисцитарная демократия

Макс Вебер первым поставил вопрос о том, что власть должна иметь некото-рые другие основания, отличающиеся только от возможности применять легитим-ное насилие, хотя он и определял государство как политический союз, основанный на возможности использования последнего [1, с. 486]. Термин «легитимность» был впервые использован Г. Еллинеком (немецким теоретиком в области права) и озна-чал доверие общества существующей системе властных отношений [2, с. 219]. Одна-ко заслугой Вебера является то, что он на большом массиве данных с момента обра-зования государств и до периода своей современности проанализировал варианты легитимации власти и выделил их основания. Легитимность в понимании Вебера связана с престижем власти и может быть основана либо на традиции, что свойствен-но разным видам патримониального господства, либо на харизме, к которой мы вер-немся при анализе плебисцитарной демократии, либо на законе, что характерно для легально рационального господства.

Сила традиции сохраняет свою значимость в легитимации властных отноше-ниях в некоторых политических системах и сегодня, например, в Великобритании, которую Вебер считал идеалом государственного устройства и пытался перенести его на политическое устройство современной ему Германии. В конституционной мо-нархии, каковой и является Великобритания, роль монарха вынесена из поля поли-тической борьбы. Его обязанностями являются представление государства на выс-шем уровне, функция морального ориентира и символического сплочения нации. События последних двух лет (похороны королевы Великобритании Елизаветы II и коронация нового короля Карла III) показали, что традиции как основа легитим-ности власти все еще сильны в британском обществе. «В Англии... реальная власть

находится у джентльменов в котелках, а в золоченой карете восседает символ величия страны» [3, с. 185].

Плебисцитарная демократия – разновидность демократии, введенная в научный оборот Максом Вебером. Данный вид демократии предполагает возможность использования двух оснований легитимности: харизмы и закона, но, в отличие от полноценной демократии, плебисцитарная демократия имеет только форму демократии, но по содержанию она ей не соответствует. Ее суть заключается в том, что избиратели участвуют в политическом процессе только на входе. После того, как выбор сделан, они должны замолчать и не вмешиваться в дела избранного политика. «В демократии народ выбирает вождя, в которого верит. Затем избранник говорит: «А теперь заткнитесь и подчиняйтесь!» Народ и партия не смеют и пикнуть» [4, с. 564–565]. Власть, основанная на харизме, проходит эволюцию в политических работах Вебера: от мощной и все преобразующей харизмы Христа и Наполеона до власти партийного лидера или главы государства (рейхспрезидента), выбранного на основании закона. Партийная харизма не является угрозой государственному устройству, как харизма лидеров прошлого. Она оттачивается в рамках политической борьбы и закона. В качестве примеров развития партийной харизмы Вебер опять обращается к опыту Великобритании. Партийная харизма позволяет прийти к власти в современном государстве, однако действие ее ограничено, и поэтому ее носитель должен успеть закрепить свои завоевания и позиции законодательно, в чем, естественно, заинтересована и харизматическая общность, которая помогла лидеру подняться на вершину олимпа. Одним из способов передачи харизмы преемнику является номинация нового лидера харизматической общностью с последующим плебисцитарным одобрением [5, с. 22].

Партийная харизма в поздних работах Вебера, таких как «Парламент и правительство в новой Германии» [6], «Будущая государственная форма Германии» [7], «Рейхспрезидент» [8] и «Политика как призвание и профессия» [1], раскрывает условия прихода к власти плебисцитарного лидера, который в результате политической борьбы занимает пост премьер-министра или рейхспрезидента. Однако исследователи пришли к выводу, что фигура рейхспрезидента генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга, выбранного плебисцитом Веймарской республики, сыграла плачевную роль в истории Германии, когда данный плебисцитарный лидер открыл дорогу к власти НСДАП и фюреру [9, с. 251].

Представитель веберизма Вильгельм Моммзен проводит сравнительный анализ работ М. Вебера и его ученика Р. Михельса по проблемам плебисцитарной демократии и бюрократизации политических партий. Так, Вебер положительно относится к формированию плебисцитарных демократий и бюрократизации партийных структур, поскольку работа с последними оттачивает характер и профессионализм будущих партийных лидеров, а сама плебисцитарная демократия и парламент могут противостоять доминированию административного аппарата исполнительной власти. Михельс же отрицательно относится к бюрократизации партий, так как она ухудшает качество партийных и государственных лидеров. Сама же плебисцитарная демократия, по мнению Михельса, является подменой реальной демократии, поэтому существование парламента в ней не требуется: «парламентские выборы являются актом фальсификации народной воли» [10, р. 134]. Анализ биографии и работ Вебера В. Моммзеном приводит последнего к выводу, что идеи плебисцитарной демократии открыли путь во власть фашистским режимам, а также способствовали их легити-

мации. Р. Михельс оправдывал свое решение поддержать Муссолини и итальянский фашизм ссылкой на Вебера [Там же].

Типы легитимности власти в системном подходе Д. Истона

Творческий период Д. Истона – канадского ученого, разработавшего совместно с Г. Алмондом системный подход к анализу политических систем, пришелся на середину XX – начало XXI века. В этот период уже не существовало плебисцитарных демократий, поэтому те политические системы, которые стали частью анализа в рамках системного подхода, более соответствовали реальным, а не фиктивным демократиям начала XX века. Однако поскольку сферой интересов Д. Истона были не только демократические, но и другие политические системы, то мы более подробно рассмотрим предложенный Д. Истоном подход к классификации оснований легитимности власти.

На первый взгляд, теория легитимности Д. Истона напоминает подход М. Вебера. Так, например, структурная легитимность может быть соотнесена с легитимностью на основании закона или традиции, а персональная легитимность напоминает легитимность харизмы в творчестве М. Вебера. Однако необходимо не забывать, что Вебер и Истон работали в разных теоретико-методологических парадигмах. И если первый выстраивал свою теорию, исходя из неокантианства и концепции понимающего социального действия, то второй находился на уровне Т. Парсонса и анализировал проблему легитимности власти схематически с точки зрения системного подхода. Таким образом, в случае с теорией легитимности Д. Истона мы имеем несколько обедненный с точки зрения исторических деталей подход, но при этом он претендует на большую универсальность с точки зрения характеристики видов легитимности власти в политической системе.

В своей работе Д. Истон выделяет два объекта, по отношению к которым могут проявляться чувства легитимности: это политическая власть и режим, а также основные источники легитимности, к которым относятся структурный, персональный и идеологический [11, р. 289–310]. Таким образом, источники легитимности по сути являются убеждениями в легитимности власти, ориентированными на тот или иной аспект политической системы (будь он структурный, персональный или идеологический) [12, р. 392].

Убеждение в легитимности того или иного аспекта политической системы предполагает поддержку власти среди членов общества. Истон объясняет значение поддержки следующим образом: «Мы можем сказать, что А поддерживает Б либо, когда А действует от имени Б, либо когда он ориентируется на Б. Б может быть человеком, группой; это может быть цель, идея, институт. Я буду обозначать поддерживающие действия как открытую поддержку, а поддерживающие отношения или настроения – как скрытую поддержку» [11, р. 15]. Истон проводит дифференциацию видов поддержки элементов системы со стороны общества на специфическую и диффузную. При этом специфическая поддержка является следствием удовлетворения результатами деятельности власти, в то время как диффузная поддержка представляет в целом общий благоприятный фон и принятие действия властей со стороны общества, даже если последнее не согласно с ним. «Привитие чувства легитимности, вероятно, является единственным наиболее эффективным средством для регулирования потока диффузной поддержки в пользу как властей, так и режима» [Там же. Р. 55]. Чувства легитимности, выраженные в доверии властям или режиму, могут проистекать

из глубоких идеологических принципов, привязанности структуре и нормам режима или безграничного доверия личности политического лидера. Истон указывает, что идеологические, структурные и персональные чувства легитимности прививаются с раннего детства в процессе социализации и являются надежной опорой для построения демократического государства. Такие базовые идеи, как народное правительство, конституционная система, права человека, служащие основой идеологической легитимности в США, являются частью мировоззрения школьников и надежным фундаментом политической системы.

Процедурная легитимность в концепциях эпистемической агрегированной и эпистемической делиберативной демократии

Если первые два подхода относятся к характеристике властных отношений, то следующий подход к легитимности характеризует способность процедуры принятия решений порождать легитимные политические решения. Данный подход приобрел особую значимость в нулевые годы XXI века и основан на работах Джона Ролза [13], Дэвида Эстлунда [14], Ивана Сиравача [15], Фабиенна Питера [16], Роберта Таллиса [17] и Миранды Фрикер [18]. Доверие власти и ее принятие может быть основано не только на престиже ее носителя или на силе правовой нормы или традиции, но и на уверенности в правомерности используемых процедур принятия политических решений. С точки зрения представителей данного направления политологической мысли, справедливая процедура принятия решений, обладающая потенциалом легитимности, должна, с одной стороны, быть не хуже любой другой справедливой процедуры (подбрасывание монеты, равная лотерея, королева на день), а с другой стороны, быть эпистемически правильной. «Для того, чтобы обладать потенциалом создания легитимности, процедура принятия решений должна быть справедливой (моральное требование) и должна производить существенно лучшие результаты, чем любая другая справедливая процедура принятия решений (эпистемологическое требование)» [15, p. 180].

С точки зрения процедуры принятия решения можно выделить несколько вариантов демократий: прагматическая делиберативная демократия, эпистемическая демократия вторых лиц, эпистократия, схолократия, эпистемическая агрегированная демократия и эпистемическая делиберативная демократия [15]. Две последние разновидности демократии наиболее близко подошли к выше обозначенным критериям процедуры (справедливости и эпистемологической правильности), обладающей потенциалом порождения легитимности. Мы остановимся на них подробнее.

Эпистемическая агрегированная демократия основана на идее о том, что эпистемический критерий легитимности реализуется через возможность объединить все предпочтения населения, и на том, что голосование на основе правила большинства позволяет принять наиболее справедливое решение. При этом справедливость в такой процедуре предполагает, что мнения не обсуждаются, а просто суммируются, и то, что получилось в результате, подается как наилучшее решение. Но можно ли считать такое решение наилучшим? Примером концепции агрегированной демократии служит теорема Кондорсе о присяжных. Но насколько решения, принимаемые в соответствии с логикой данной теоремы, соответствуют реальности и можно ли полагаться на нее в процессе принятия решений? Суть теоремы Кондорсе заключается в том, что поскольку избиратели с большей вероятностью проголосуют правильно, чем неправильно, то добавление большего количества избирателей уве-

личивает вероятность того, что решение большинства будет правильным. Следовательно, большая группа избирателей (при условии, что они чаще правы, чем не правы) может прийти к правильным решениям чаще, чем кто-либо из ее членов [19].

Теорема Кондорсе [Там же] соответствует первому критерию процедурной легитимности – справедливости, основанной на возможности участия в процессе принятия решений всех заинтересованных лиц, но в отношении второго критерия – качества принимаемого решения – возникают сложности. Во-первых, под вопрос ставится независимость избирателей как одного из основных требований данной теоремы. Дело в том, что в реальном обществе избиратели могут быть контекстуально нагружены общим образованием или социализацией в примерно одинаковых условиях, что вызывает предвзятость в их суждениях и выборе. Принадлежность к определенному страту или профессиональной группе создает основу для принятия решения, выгодного для данного сообщества, без учета мнения всех остальных. Одним из ключевых условий теоремы присяжных является независимость избирателей. Если люди склонны следовать за лидерами или экспертами в принятии решений, то теорема не поддерживает эпистемологическую агрегированную демократию.

Во-вторых, теорема Кондорсе основана на идее попарного сравнения альтернатив, и, когда таких альтернатив и участников много, как это и есть в реальности, принятие решения на основе данной теоремы становится затруднительным в силу большого объема информации или заикливания [20]. Еще одним минусом, влияющим на качество принимаемых участниками процесса политических решений, является их возможная предвзятость. Например, если в обществе преобладает количество людей, которые предвзято относятся к расовым или гендерным проблемам, то количество решений, отражающих эту предвзятость, будет преобладать [14]. Таким образом, разумные (квалифицированные) граждане вряд ли воспримут процедуру принятия решения в рамках агрегированной демократии как наилучшую процедуру принятия решений, так как она не свободна от вышеназванных рисков. Необходимо отметить, что теорема Кондорсе о присяжных создает идеальную модель принятия решения, которая в некотором смысле сближает процесс принятия решений в эпистемической агрегированной демократии с теорией процедурной справедливости Дж. Ролза. Конечно, лучше, чтобы в процессе принятия решения путем голосования участвовали независимые, объективные граждане, но граждане необразованные и плохо социализированные, скорее всего, примут худшее решение, чем граждане образованные, хотя и склонные к предвзятости под воздействием своей профессии и социализации.

Эпистемическая делиберативная демократия позволяет лучше решить проблему выполнения эпистемического критерия, отвечающего за качество принимаемых политических решений. Данное утверждение основано на содержательном и инструментальных аспектах принимаемых решений. В содержательном смысле принимаемое решение должно способствовать максимизации полезности базовых благ в обществе или преодолению наибольших из онтологических зол, таких как война, голод, эпидемия [13, с. 89]. В инструментальном смысле есть ряд формальных требований, которые делают решение, принимаемое в рамках данной демократии, лучше, чем в рамках агрегированной демократии. В отличие от последней эпистемическая делиберативная демократия предполагает возможность обсуждения и обдумывания, когда будущее решение складывается не как результат суммирования разных мнений, а как части головоломки, которые бережно стыкуются друг с другом. Очевидно,

что если в процессе обдумывания и обсуждения участвуют разумные (квалифицированные) граждане, то вместе они достигнут лучшего решения, чем совокупность случайно собранных и не взаимодействующих друг с другом в процессе принятия решений граждан. Здесь полезно вспомнить притчу о слепцах, которые пытались определить, что такое слон. Именно возможность делиберации и общность позволили им, наконец, представить это животное в целом. Демократия эпистемически ценна прежде всего потому, что она позволяет делиться и оценивать различные точки зрения [21]. Таким образом, можно утверждать, что процедура принятия политических решений также влияет на их восприятие гражданами как легитимных. И хотя пока не создано оптимальной процедуры, обладающей потенциалом легитимности, наиболее близко к критериям справедливости и эпистемической ценности подходит процедура принятия решений в рамках эпистемической делиберативной демократии.

Коммуникативная легитимность Ю. Хабермаса в условиях делиберативной демократии

Еще одним современным подходом к трактовке легитимности политической власти является подход, основанный на современном понимании политической власти, связанный с сетевизацией и горизонтализацией политических отношений [22]. Речь идет о концепции коммуникативной рациональности или коммуникативной легитимности, разработанной Юргеном Хабермасом, представителем Франкфуртской школы неомарксизма. Выдающийся немецкий философ, обращаясь к проблеме практического разума в практическом и моральном контексте, опирается на категорические императивы И. Канта, так как «лишь руководствующуюся моральной точкой зрения и потому целиком рациональную волю можно назвать автономной. Она очищена от всех гетерономных черт спонтанного действия (Willkür) или воли к специфической, всегда также аутентичной жизни» [23, с. 17]. Хабермас полагает, что рассматриваемые категорические императивы должны приниматься членами общества только после обсуждения, которое является своего рода тестом на универсальность, так как «пересмотр ценностей, дающих основание для интерпретации потребностей, не может быть делом, которым монологически распоряжались бы отдельные индивиды» [24, с. 107].

Чтобы провести моральную оценку терминальных целей и инструментальных средств, необходимо обращаться к действительно универсальным стандартам, которые берут в расчет интересы всех социальных групп, а не только разумных (квалифицированных) граждан. «Тот, кто во имя универсализма исключает Другого, кто остается чуждым для Других, предаёт саму идею универсализма» [Там же. С. 25]. При этом коммуникации поддерживают универсализм практического разума, так как именно коммуникации переводят его идеи в рациональную коллективную практику. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость» [Там же. С. 91].

Вводя концепт «делиберативности», Ю. Хабермас понимает под ним установку на социальное сотрудничество, открытость, готовность к дискуссии, где делиберативной средой является совокупность условий, создающих пространство для обмена мнениями и влияющих на процесс принятия решений [25, с. 81]. Концепт ком-

муникативной легитимности позволяет объединить жизненный мир, основанный на идеях интресубъективности (Дж. Мида и А. Шюца), и социальную систему в понимании Т. Парсонса. Таким образом, коммуникативная легитимность Ю. Хабермаса прокладывает мостик между микро- и макросоциальной теорией, что является его важной заслугой, поскольку предыдущие поколения социологов, политологов и философов так и не смогли преодолеть этот разрыв.

Концепция удачно вписывается в делиберативную трактовку демократического управления, так как предполагает восприятие законов и других нормативно-правовых актов как легитимных в процессе коммуникации между органами государственной власти, бизнесом и населением. Например, в работе Аниты Кельстрэм приводится случай из социальной практики, когда коммуникация между чиновниками и клиентами способствовала уменьшению недоверия последних и восприятию закона как легитимного [26, р. 4–7]. Согласно этому примеру, семейная ссора стала достоянием общественности, так как ребенок, обиженный на отца, обратился за помощью в службу социальной защиты. Отца пригласили на прием. Поначалу он также руководствовался эмоциями, но общение и обсуждение проблемы с представителем социальной службы и дочерью позволило ему лучше осознать свою неправоту и согласиться с нормами закона, которые регулировали данный случай. Так, данная коммуникативная рациональность позволила принять закон как легитимный не в момент его создания, а постфактум. Этот пример может показаться нетипичным для российской действительности, когда вмешательства в личное пространство семьи негативно воспринимается гражданами, однако в Швеции и Финляндии обращение детей в службу социальной защиты – это обычная практика. Также коммуникативная рациональность может работать и на входе, когда общество или бизнес привлекается к процессу выработки политического решения. Здесь в качестве примера можно привести метод оценивания политических решений, направленных на использование их результатов стейкхолдерами [27], или консенсус-конференции, проводимые в Европейском Союзе с привлечением заинтересованных лиц со стороны населения, при разработке законодательных актов.

Участие граждан в процессе формирования политической повестки является одной из характеристик зрелой демократии, создавая базис доверия институтам власти и проводимой ими политике. «Широкое участие общественности, в этом отношении, вносит как инструментальный, так и нормативный вклад в формирование демократической политики. Уменьшая количество конфликтов и увеличивая принятие или доверие к руководителям государственных органов, оно может предоставить гражданам возможность узнать о проблемах политики. Такое изучение может повысить вероятность того, что они поддержат принятые решения» [28, р. 206]. Кроме того, привлекаемое к решению социально-политических вопросов население может существенным образом повлиять на характеристику проблем, поскольку лучше владеет контекстуальными фактами, характерными для той или иной местности. Эти знания зачастую недоступны для политиков, чиновников и экспертов, но они могут внести неоценимый вклад при выработке конвенционального знания и принятии политических решений. Привлечение граждан к участию в процессе формулирования политики также может быть полезно при изучении и рассмотрении социальных и политических ценностей, которые нельзя рассмотреть исключительно аналитическими методами [29].

Зачастую делиберативные стратегии, направленные на привлечения граждан к формированию повестки дня и рассмотрению политических решений, входят в противоречие с экспертным знанием, так как последнее стремится найти единственно верное решение, исключая из процесса обсуждения понимание проблемы неспециалистами. В современных демократиях сформировались следующие формы делиберативных стратегий, способствующих вовлечению граждан в принятие политических решений. Это Q-методология [30], совещательный опрос и телеголосование [31], собрание по национальным вопросам [32], семинары по сценариям [33], гражданское жюри [34], консенсус-конференции [35] и оценивание, направленное на использование результатов политики стейкхолдерами [27].

Современные формы партисипативного анализа политики предполагают примирение позиции эксперта с заинтересованным населением, так как первый тоже участвует в обсуждении и предоставляет информацию, интересующую граждан. Основываясь на попытках расширить возможности обычных граждан принимать собственные решения, ориентированные на действия, партисипативные исследователи экспериментируют с новыми способами демократизации отношений между экспертом и гражданами [28]. Остановимся более подробно на двух инновационных формах партисипативного анализа политики с привлечением граждан: консенсус-конференциях и оценивании, направленном на использование результатов политических решений.

Консенсус-конференция является одной из наиболее используемых делиберативных стратегий в странах Западной Европы. Более подробный анализ данной стратегии представлен в работе С. Джосса [35]. Данная методика была разработана Датским советом по технологиям с целью привлечения неспециалистов к вопросам, относящимся к парламентскому уровню, для осуществления технологического и экологического расследования с вынесением вопросов непосредственно на обсуждение общества. Совет разработал структуру, которая позволяет преодолеть разрыв между экспертами, политиками и гражданами. Руководящий комитет совета собирает заявки от граждан, желающих принять участие в консенсус-конференции по той или иной важной социально-политической проблеме. Обычно в конференции участвуют от 10 до 25 граждан-неспециалистов, отобранных руководящим комитетом. После отбора непрофессиональных участников до момента проведения консенсус-конференции, которая длится три-четыре дня, проходит несколько месяцев, в течение которых граждане-участники встречаются с исследователями и экспертами, получают базовую информацию по теме конференции. Особую роль для преодоления разрыва между экспертами и участвующими гражданами играет фасилитатор, который также не является специалистом по теме конференции. Он направляет процесс знакомства с темой и взаимодействия друг с другом на основе организованного набора правил и процедур. Такие конференции позволяют лучше учитывать интересы населения в процессе рассмотрения проблемы, а следовательно, повышают доверие к принимаемым законодательным актам и решениям. В основе доказательной политики лежит оценивание регулирующего воздействия. Так, в Европейском Союзе ни один законодательный акт не может быть принят без предоставления результатов предварительного оценивания политики, проводимого привлекаемыми экспертами [36].

Заклучение

Таким образом, проблематика легитимности власти в условиях демократических режимов стала одной из ведущих тем в XX – первой четверти XXI века в политической науке и философии, поскольку позволяла выстроить дополнительный столп, на котором может устойчиво держаться политическая система. Возможность основывать власть на чем-то большем, чем просто применение легитимного насилия, стала фокусом исследовательского внимания для многих выдающихся ученых. Сразу необходимо отметить, что таких ученых и концепций гораздо больше, чем приведено в данной статье. Однако автор постарался сосредоточиться на наиболее известных и отражающих исторические вехи в развитии демократии и теории легитимности. Первые две концепции (М. Вебер, Д. Истон) касаются характеристики оснований доверия в отношениях господство-подчинения, т. е. властных отношениях. Третий подход направлен на анализ процедурной легитимности для выявления особенностей выработки политических решений, которые будут считаться и считаются легитимными в глазах большинства избирателей. Данный подход не особенно известен в отечественной литературе, хотя получил широкое распространение в политической науке на Западе. И, наконец, кульминацией анализа служит подход Ю. Хабермаса, кратко обозначенный как коммуникативная легитимность, который позволяет охарактеризовать, каким образом решения становятся легитимными в глазах всего общества с использованием делиберативных стратегий и практик.

Ссылки

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 485-528.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юр. Центр-Пресс, 2004. 191 с.
3. Матвеев В. А. Британская монархия: искусство выживания // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 156-185.
4. Вебер Марианна. Жизнь и творчество Макса Вебера / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007. 656 с.
5. Игнатъева О. А. Социология господства Макса Вебера: эвристический потенциал. СПб.: Архей, 2018. 171 с.
6. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии (май 1918) // Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 107-299.
7. Вебер М. Рейхспрезидент (январь 1919 года) // Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 399-403.
8. Вебер М. Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 343-393.
9. Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы / Пер. с нем. М.: Памятники исторической мысли, 1996. 316 с.
10. Mommsen W. Robert Michels and Max Weber: Moral Conviction versus the Politics of Responsibility // Max Weber and his Contemporaries / W. Mommsen, J. L. Osterhammel. HarperCollins Publishers Ltd., 1987. P. 134.
11. Easton D. A system analysis of political life. N.Y.: John Wiley & Sons, 1965. 507 p.
12. Muller E. Correlates and Consequences of Beliefs in the Legitimacy of Regime Structures // Midwest Journal of Political Science. 1970. Vol. 14, No. 3. P. 392-412.
13. Ролз Дж. Теория справедливости. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 536 с.

14. Estlund D. *Democratic Authority*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 312 p.
15. Cerovac I. *Epistemic democracy and political legitimacy*. London: Palgrave Macmillan, 2020. 242 p.
16. Peter F. *Democratic Legitimacy*. London: Routledge, 2011. 354 p.
17. Talisse R. *Democracy and Moral Conflict*. New York: Cambridge University Press, 2009. 206 p.
18. Fricker M. *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 188 p.
19. de Condorcet M. *Foundations of Social Choice and Political Theory*. Northampton: Edward Elgar, 1994. 384 p.
20. Arrow K. *Social Choice and Individual Values*. New Haven: Yale University Press, 1963. 144 p.
21. Bohman J. *Deliberative Democracy and the Epistemic Benefits of Diversity* // *Episteme* 3. 2006. No. 3. P. 175–191.
22. Кастельс М. *Власть коммуникации*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 935 с.
23. Назарчук А. В. *Этика глобализирующегося общества*. М.: ДиректМедиа, 2002. 378 с.
24. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука, 2001. 377 с.
25. Павлова Т. В. *Делиберация как фактор конструирования поля современной политики* // *Политическая наука*. 2018. № 2. С. 73–94.
26. Kihlstrom A. *Communicative Legitimacy: Habermas and Democratic Welfare Work*. London: Palgrave Macmillan, 2020. 101 p.
27. Patton M. *Utilization-focused evaluation: the new century text* / by Michael Quinn Patton. Newbury Park, CA: Sage Publications Inc., 1997. 431 p.
28. Fischer F. *Reframing Public Policy: Discursive Politics and Deliberative Practices*. N. Y.: Oxford University Press, 2003. 266 p.
29. Fiorino D. J. *Citizen Participation and Environmental Risk: A Survey of Institutional Mechanisms* // *Science, Technology, and Human Values*. 1990. No. 15. P. 226–243.
30. Dryzek J. S. *Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations*. N. Y.: Oxford univ. press, 2002. 195 p.
31. Lindeman M. *Building Diversified Deliberative Institutions: Lessons from Recent Research*. Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, DC. 28 August 1997.
32. Fishkin J. S. *The Voice of the People: Public Opinion and Democracy*. New Haven, CT: Yale University Press, 1996. 204 p.
33. Andersen I. and Jaeger B. *Scenario Workshops and Consensus Conferences: Towards More Democratic Decision-Making* // *Science and Public Policy*. 1999. Vol. 26. P. 331-340.
34. Crosby N. *Citizens Juries: One Solution for Difficult Environmental Problems* // *Fairness and Competence in Citizen Participation: Evaluating Models for Environmental Discourse* /eds. O. Renn, T. Webler, and P. Wiedermann. Dordrecht, Netherlands: Kluwer, 1995.
35. Joss S. *Evaluating Consensus Conferences: Necessity or Luxury?* // *Public Participation in Science: The Role of Consensus Conferences in Europe* / eds. S. Joss and J. Durant. London: Science Museum, 1995. 144 p.
36. Eymer-Douzans J.-M. *NPM reforms legacy: a common praxeology, a variety of acclimatization, a renewed bureaucratization* // *Administrative Reforms and Democratic Governance* / eds. By Jean-Michel Eymer-Douzans and Jon Pierre. London, New York: Routledge/ECPR Studies in European political science, 2011. 272 p.

Fostering family values and norms among students as a prerequisite for preventing an axiological crisis in society

I. E. Strelets^{1,2}, D. S. Mukhortov^{1,2}, Y. S. Markova³

¹MGIMO, Moscow, Russian Federation

²Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation

³Perm State University, Perm, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-164-175

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a series of focus groups with Perm University students (n=36) on «Searching in optimal practices for promoting family values and norms among students». Analysis showed, inter alia, that 1) growing distrust of students towards the state, as well as schools and universities as conductors of state policy, weakens the disciplinary function of these institutions, yet 2) it is from schools and universities that students expect effective help in terms of sex education, and from the state they expect the suppression of «digital uncared-for-ness», which gives rise to sexual promiscuity and lack of cultural norms; 3) adults as agents of socialization are required to increasingly engage the students in socially significant activities and events, which would ultimately boost the level of his/her responsibility for his/her nears and dears, including future children; 4) it is essential to use game-like approaches to helping students solve their psychological issues by involving graduates of drama schools and/or psychology departments, 5) all activities at school, including academic disciplines of the arts and humanities cycle, should influence the teenager's consciousness in terms of adopting models of successful interpersonal, and intergender, relationships; 6) it is advisable to fully support the projects of bloggers who are student opinion leaders and actively engage bloggers in the development of government initiatives. The article contributes to the plans by axiologists and the government to elaborate effective methods for regulating family relationships among students and maintaining traditional values in society.

Keywords: family values; students; family studies; marriage; childbirth; education; parenthood

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Strelets, Ilya E. | E-mail: sagitol@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-3520-2502
Cand. Sc. (Politics)

Mukhortov, Denis S. | E-mail: dennismoukhortov@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-8174-7055
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Markova, Yulia S. | E-mail: julyamarkova@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-6271-9403
Cand. Sc. (Sociology)

Funding: The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation & The Expert Institute for Social Research (Project 123091200058-5).

For citation: Strelets I. E., Mukhortov D. S., Markova Y. S. Fostering family values and norms among students as a prerequisite for preventing an axiological crisis in society // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 164-175. (in Russ.)

© Yaroslavl State University, 2024

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Отстраивание семейных ценностей и норм в студенческой среде как залог предотвращения аксиологического кризиса в обществе

И. Э. Стрелец^{1,2}, Д. С. Мухортов^{1,2}, Ю. С. Маркова³

¹МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

²Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

³Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-164-175

Научная статья

УДК 32.019.52, 323.2

Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты серии фокус-групп со студентами Пермского государственного университета (n=36) по теме «Поиск оптимальных практик продвижения семейных ценностей в студенческой среде». Среди прочего анализ показал, что 1) в связи с ростом недоверия студентов к государству, а также школе и вузу как проводникам государственной политики происходит ослабление воспитательной функции данных институтов, однако 2) именно от школы и вуза студент ждет действенной помощи в плане полового воспитания, а от государства – пресечения «цифровой безнадзорности», порождающей сексуальную распущенность и бескультурие; 3) от взрослых агентов социализации требуется чаще привлекать студента к общественно значимым мероприятиям, что в итоге повысит уровень его ответственности за своих близких и в перспективе за своих детей; 4) необходимо разрабатывать игровые подходы к решению психологических проблем, причем путем привлечения к работе с подростками и студенческой молодежью выпускников театральных вузов и психологических факультетов, 5) все мероприятия в школе, включая учебные дисциплины гуманитарного цикла, должны постепенно влиять на сознание подростка в плане выработки успешных моделей межличностных и особенно межполовых отношений; 6) необходимо всемерно поддерживать проекты блогеров-лидеров студенческого мнения и активно включать блогеров в разработку государственных инициатив. Данная статья вносит вклад в намечаемый аксиологами и правительством курс на выработку эффективных методов регулирования семейных отношений в студенческой среде и поддержание традиционных ценностей в обществе.

Ключевые слова: семейные ценности; студенчество; семьеведение; брак; семья; деторождение; воспитание; родительство

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стрелец, Илья Эрнстович	E-mail: sagitol@mail.ru ; ORCID iD: 0000-0003-3520-2502 Кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии (МГИМО МИД России), научный сотрудник отдела политической науки (ИНИОН РАН)
Мухортов, Денис Сергеевич	E-mail: dennismoukhortov@mail.ru ; ORCID iD: 0000-0002-8174-7055 Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 (МГИМО МИД России), научный сотрудник отдела политической науки (ИНИОН РАН)
Маркова, Юлия Сергеевна	E-mail: julyamarkova@gmail.com ; ORCID iD: 0000-0002-6271-9403 Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Финансирование: Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертный институт социальных исследований (проект № 123091200058-5 «Оптимальные практики продвижения традиционных семейных ценностей в студенческой среде»).

Для цитирования: Стрелец И. Э., Мухортов Д. С., Маркова Ю. С. Отстраивание семейных ценностей и норм в студенческой среде как залог предотвращения аксиологического кризиса в обществе // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 164-175.

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Среди аксиологических оснований российской государственности, обеспечивающих стратегическую безопасность страны в условиях отсутствия государственной идеологии, одним из системообразующих факторов являются традиционные семейные ценности.

Несмотря на турбулентность последних тридцати–сорока лет, идеал семьи сохраняется практически неизменным, о чем свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ от 6 июля 2023 г. Причем за последние десять лет в качестве главных составляющих «идеальной семьи» россияне стали выделять духовные и психологические аспекты, не умаляя значения материальной стороны жизни [1, с. 285].

Не в последнюю очередь указанная тенденция может быть связана с расширением поддержки семей с детьми в рамках Национального проекта РФ «Демография», предусматривающего материальную и социальную помощь молодым семьям, спектр которой постоянно расширяется [2, с. 577].

Между тем результаты вышеуказанного опроса фиксируют два существенных обстоятельства. Во-первых, главным условием семейного благополучия (при жилищной и финансовой независимости от родителей) россияне называют взаимоотношения в паре – во всем их многообразии [также см. 3, с. 198; 4, с. 61–61; 5, с. 79]. Во-вторых, чаще всего свою половину опрошенные в подавляющем большинстве находят среди коллег, общих друзей, товарищей по учебе [также см. 6, с. 116].

Интерпретация опросов ВЦИОМ (в 2019 и 2020 гг.) [7, с. 192] и выводы по проведенному нами в сентябре–марте 2022/23 гг. исследованию указывают, что семья для представителей студенчества не только не утратила фундаментального значения, но и осталась чуть ли не единственным «островком стабильности» в современном перенасыщенном информацией беспокойном мире. Более того, семья воспринимается молодежью как зона личного комфорта, сфера безопасности, способная обеспечить удовлетворение базовых запросов молодого «потребителя». Вместе с тем под «семьей» и «семейными традициями» понимается «отчий дом, родители», но никак не «собственная семья».

В связи с этим было решено реализовать научный проект, направленный на изучение роли основных агентов социализации в процессе формирования семейных ценностей в студенческой среде. Предварительный анализ литературы показал, что требуется систематический поиск эффективных практик по продвижению не только традиционных семейных ценностей, но и ценности семьи как таковой. Студенчество как демографически перспективная страта общества, отличающаяся полноценной фертильностью, коммуникативной активностью и высокой мобильностью, на современном этапе развития общества остаётся маргинальной, недооцененной субэлитной группой.

Обзор литературы

К факторам, затрудняющим процесс образования семьи, исследователи традиционно относят:

экономические вопросы (зависимость от финансовой поддержки родителей, недостаток жилищных условий, отсутствие высокооплачиваемой и стабильной работы) [8, с. 33; 9, с. 104; 10, с. 71];

социальные аспекты (недоступность материальных стимулов или отсутствие знаний о существовании различных форм социальной поддержки) [11, с. 71; 12, с. 211];

психофизиологические факторы (главным из которых является здоровье, ослабленное многочисленными стрессами, неправильным питанием и малоподвижным образом жизни) [13, с. 35; 14, с. 1566];

вопросы духовно-нравственного развития (молодежь все больше понимает значимость духовно-культурной близости супругов, ибо она является залогом здоровых супружеских отношений [15, с. 137], однако ей тяжело менять укоренившиеся модели бескультуры [16, с. 83, 87]),

и, как следствие, сопутствующие им *социально-психологические факторы* (у юношей и девушек формируются психотипы с набором трудно преодолимых поведенческих стереотипов) [17, с. 78].

Особую тревогу вызывают исследования, в которых доказывается снижение роли института родительской семьи в формировании системы ценностей у представитель молодого поколения.

Так, например, Е. В. Андрюшина и Е. А. Панова указывают на то, что «студенчество <...> не склонно рассматривать модель семейного поведения своих родителей как идеальную или желаемую. <...> Лишь 13 % респондентов хотели бы воспроизвести модель поведения родителей в собственных семьях, 20 % не сделают этого ни в коем случае, а 30 % готовы позаимствовать лишь некоторые элементы модели семейных отношений своих родителей. Примером для многих студентов является семья не предыдущего поколения (родителей), а прародителей – студенческие семьи бабушек и дедушек» [12, с. 211].

Т. К. Ростовская и Е. А. Князькова отмечают еще одну парадоксальную вещь: «[молодежь и подростки] гораздо чаще, чем родители, отвечают, что залогом успеха выступает умение приспособливаться (27,8 % молодежи, 29,5 % подростков и лишь 15,7 % родителей). <...> С другой стороны, [они] гораздо меньше родителей обращают внимание на роль семьи в достижении жизненного успеха, несмотря на активизирующуюся в последние годы семейную политику в России и довольно активный общественный дискурс о традиционной модели российской семьи» [18, с. 85].

Однако без преувеличения можно признать, что студенческая семья давно существует как отдельный институт, и озабоченность вопросами его развития подталкивает отечественных ученых вновь и вновь возвращаться к этой теме. Так, на сегодняшний день среди прочего критически оценивается дискретность политики в отношении студенческих семей на региональном и федеральном уровне¹, скептически оцениваются условия, созданные для реализации семейной жизни

¹ Например, «19 февраля 2019 года в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О социальной поддержке семей, имеющих детей», в котором было предложено определение студенческой семьи – семья, в которой оба родителя либо одинокий родитель являются студентами (курсантами) государственных организаций профессионального или высшего образования, проходят очное обучение, проживают в России и имеют одного или несколько несовершеннолетних детей. В качестве мер социальной поддержки таких семей предлагалось предоставление следующих видов помощи: единовременная выплата при рождении ребенка в размере 57438 рублей; ежемесячная выплата в размере величины регионального прожиточного минимума для детей на каждого ребенка; ежемесячная выплата материальных средств студенческим семьям с уровнем доходов, не превышающим величины регионального прожиточного минимума (на оплату жилого помещения, коммунальных услуг, утилизацию бытовых отходов, топлива и транспортных услуг по его доставке). Комитет по вопросам семьи, женщин и детей рекомендовал Государственной Думе отклонить проект закона на том основании, что он нуждается в существенной юридико-технической и лингвистической доработке, и проект был отклонен постановлением Государственной Думы от 16 октября 2019 года» [20, с. 43].

в вузе [6, с. 120], с осторожностью указываются предпринимаемые шаги в формировании института на уровне детского сада и средней школы [19, с. 84].

Отсутствие правового статуса у «студенческой семьи», по-видимому, ведет к смешению и подмене понятий «студенческая семья», «молодежная семья», «молодая семья» [18, с. 105–106; 8, с. 33]. Нет единого мнения относительно возрастных рамок «студенческой семьи», делается акцент на сборе статических данных общего плана, который, как правило, блокирует углубленное рассмотрение проблем, возникающих на уровне функционирования институтов и агентов социализации, установление взаимосвязи между ними и поиск компромиссных решений по преодолению аксиологического кризиса.

Вместе с тем наблюдаются позитивные сдвиги в этом направлении. Так, под руководством проф. Т. К. Ростовской разрабатывается концепция семейного благополучия и уже выделены параметры благополучной семьи, в том числе студенческой. Примечательно, что в рамках комплекса мероприятий, проводимых коллективом Т. К. Ростовской, была организована серия глубинных интервью, информантами в которых стали 80 членов студенческих семей (с детьми и без детей) из десяти регионов РФ возрастом от 18 до 25 лет включительно. Из сделанного ряда наблюдений [10, с. 71–78] наиболее актуальными являются следующие:

а) «ценность детей в студенческих семьях довольно высокая, но высокий репродуктивный потенциал студенческой семьи не может быть реализован в связи с ограниченностью ресурсов и нерешенностью жилищных вопросов», более того, молодые супруги «ориентированы на удовлетворение потребности в интересном досуге (путешествия, хобби и т. д.)», поэтому «необходимо разработать на федеральном уровне меры материальной поддержки студенческих семей»;

б) «идеальный тип семьи для информантов – партнерская семья»;

в) угрозой браку является неумение распределять обязанности в семье, для урегулирования внутрисемейных взаимоотношений требуется помощь психолога;

г) те, у кого пока нет детей, «не информированы о том, что им полагается какая-либо помощь от государства, а те, кто уже имеет детей, отмечают, что помощь получают, однако не все готовы принять поддержку, оценивая негативно бюрократические процедуры»;

д) «наиболее оптимистично говорят о реализации планов по рождению детей в семьях, где супруга – студентка, а супруг более старшего возраста и уже обеспечивает семью»;

е) «часть проблем можно решить с помощью ресурсов образовательных учреждений – индивидуальные планы обучения для семей с детьми, выделение мест в общежитии, информирование о программах поддержки, организация стажировок у крупных работодателей и др.».

Следует признать, что подобные работы единичны, поскольку трудоемки.

Методы

На промежуточном этапе научного проекта была проведена серия из пяти фокус-групп со студентами Пермского государственного университета.

Магистральными направлениями обсуждения стали:

1) как важность семьи формируется у студентов: а) родителями и родственниками, б) в период школьного обучения, в) в вузе, г) государством и информационной средой;

2) какие оптимальные практики поддержки студенческих семей нужно внедрять указанным институтам социализации.

По критериям отбора участниками фокус-групп стали 36 студентов, сгруппированные по уровням обучения (1–2 курс, 3–4 курс бакалавриата, 1–2 курс магистратуры), специальностям (гуманитарные или естественно-научные), сбалансированные по полу и возрасту (юноши и девушки 18–20 лет, 21–22 года, 23–24 года).

Результаты

По мнению большинства студентов, государство, вузы и школы не должны участвовать в воспитательном процессе, поскольку это не является их задачей.

В целом тема семейного воспитания неоднозначно, а зачастую и критично воспринимается студентами. Воспитание, в том числе семейное, тесно связано со словами «пропаганда» и «навязывание», поэтому является проявлением посягательства на права студента, в частности свободу выбора. Воспитание и просвещение нередко отождествляются с применением методов «жесткой силы» и нетерпимостью к инакомыслию. Использование государственными СМИ слов «государственная» и «государственность» в процессе продвижения каких-либо ценностей производит негативный эффект: эти идеи мгновенно становятся непопулярными, поскольку ассоциируются с понятиями «навязано сверху», «бюрократизировано», «некачественно».

Следует также отметить, что красной линией в обсуждении тематики родительства проходит понятие «ответственности». Студенты задаются вопросами о том, «что в своем молодом возрасте они могут предложить ребенку?», ведь у них пока нет ни самостоятельно располагаемых средств к существованию, ни отдельного жилья, кроме того, они нередко сами до конца не понимают своих смысловых целей.

Понятие «семья» интерпретируется как наличие двух родителей и ребенка, но в то же время понимание «семьи» иногда сводится и к семье без детей.

Родительство и родительская семья

Единогласно студенты пришли к мнению о том, что родители являются важнейшими агентами социализации, закладывающими основы восприятия нормы в родительстве и супружестве. Родители являются идеалом поведения, который заимствуется и транслируется в жизни и в воспитании своих детей. Студенты полагают, что личный пример – это основной способ формирования принципов родительства.

Наиболее распространенной проблемой, с которой сталкиваются студенты, является перекладывание функции родительства на них, старших детей, что, в свою очередь, может способствовать возникновению определенного негатива к родительству в будущем, поскольку для кого-то это стало травматичным опытом. В этом случае хорошим подспорьем молодым родителям, да и в целом родителям, могут стать няни, однако здесь встает вопрос, с одной стороны, квалификации, а, с другой стороны, доступности цены.

«Горячая линия по проблемам родительства» получила неоднозначную оценку: с одной стороны, студентки полагают, что она не будет работать, поскольку в обществе не принято признавать свои проблемы и обращаться за консультативной помощью, с другой стороны, в качестве помощи в экстренных ситуациях это может быть хорошей помощью, конечно, при условии компетентности работающих там специалистов.

По мнению студентов, семья должна строиться на принципах взаимопонимания, взаимоуважения, честности, доверия и взаимного сбережения супругами психологического здоровья друг друга.

Среди студентов преобладают прагматические ценностные установки, в соответствии с которыми до появления детей молодая семья должна достичь определенного материального и финансового обеспечения, достаточного для организации оптимального процесса воспитания. Критериями, отражающими готовность к созданию собственной семьи, являются не только устойчивое финансовое положение, но и достижение определённого уровня социально-психологической зрелости, подразумевающего рациональность и практичность обоих родителей, их осознанность и ответственность перед появлением ребенка.

Выделяются две группы мнений относительно того, необходимо ли в родительской семье разговаривать с детьми на темы создания семьи, полового воспитания и т. п. Одна часть студентов полагает, что этого не требуется, поскольку в условиях доступности информации вполне возможно получать такого рода знания из имеющихся открытых источников. Другая считает, что передача этих знаний через родительскую семью важна, а возраст детей, по достижению которого следует начинать вести с ними подобные беседы, называется разный (от 14 до 20 лет).

Об институте сватовства многие современные студенты не знают или имеют очень слабые представления. Данная социальная практика не является востребованной, рассматривается как усложненная, ограничивающая свободу выбора, а также побуждающая входить за границы приватного. Более эффективным видится налаживание матримониальных отношений через интернет (например, сайты знакомств). Также, обговаривая идею внедрения института сватовства, студенты пришли к выводу о том, что семья не может строиться на принуждении, поскольку наиболее важной ценностью семьи является ее счастье, а семья по принуждению является несчастливой семьей. Однако если последнее слово остается за самой парой, то это может быть реализовано.

По результатам бесед со студентами отмечается постепенное формирование запроса на экспертное сопровождение процесса подготовки к родительству и собственно родительства (потребность в получении помощи психолога, посещения консультационных служб).

Школа как институт социализации

Введение каких-либо уроков по половому воспитанию необходимо с 13–14 лет. К такому мнению приходят преимущественно девушки. Однако здесь, как полагают студентки, необходимо использование подходящих возрасту подростка тем и методов, с постепенным усложнением их по мере взросления, поскольку дети воспринимают темы сексуального воспитания несерьезно, и есть риск, что важная для них информация не будет усваиваться. Среди тем, по которым студенты хотели бы слушать лекции в школе, особенно выделяются темы, посвященные сексуальному воспитанию, личностным особенностям партнера и проблемам родительства.

Одной из методик преодоления несерьезного отношения со стороны школьников к темам полового воспитания является возможность затрагивания этих тем в рамках литературы с переносом на личности героев и анализом их проблем, таким образом, произведения классической литературы могут использоваться в качестве материала для обсуждения и научения школьников этике поведения с партнером, выстраивания взаимоотношений и формирования семейной жизни. Такой подход являет-

ся примером использования принципов «мягкой силы» в воспитательном процессе и эффективнее формирует понимание ролей у школьников.

В противовес женской позиции юноши, наоборот, полагают, что сексуального воспитания в школе не должно быть, это еще слишком ранняя для них тема, которая может быть освещена в техникумах или вузах, но не в школах. Кроме того, парни переживают, что возникнет проблема ролевого конфликта при усвоении устава родительства. Они предполагают, что принципы, транслируемые в школе, будут находиться в противоречии с устоями внутри семьи, и это станет причиной новых семейных конфликтов и отчуждения ребенка от родителей. В связи с этим может потребоваться структура, которая бы оказывала консультативную помощь в решении межпоколенческих проблем и регулировании этих споров.

Из возможных сценариев развития воспитательной деятельности внутри школы студенты видят работу психолога, но опасаются, что она будет связана исключительно с вопросами посещения занятий и успеваемости. Они опасаются, что поставленный государством психолог будет выполнять свои обязательства лишь формально, а реальные, глубинные, проблемы школьников будут оставаться нерешенными и, следовательно, все более укореняющимися.

Колледжи и вузы

Среди систем поддержки со стороны вуза информанты выделяют необходимость предоставления стипендий, построения семейного общежития (однако опасаются, что оно будет мало востребовано и выделяться только студенческим парам, которые обучаются в одном и том же вузе).

Некоторые студенты неоднозначно воспринимают идею разработки стипендиальных программ поддержки студентов, собирающихся зарегистрировать брак. Высказываются опасения и отмечают риски, связанные с появлением определенного рода «мошенничества», когда отдельные студенты будут создавать фиктивные браки исключительно с целью получения денежных средств. Поэтому более целесообразным видится разработка стипендиальных программ для тех студентов, которые создают семьи во время обучения в вузе и у которых появляются дети.

Идеи переноса дат сдачи зачетов и экзаменов, выделения дополнительных бюджетных мест для студентов с детьми, поощрения дополнительными баллами по ЕГЭ школьников, имеющих ребенка, как правило, остаются без отклика у студентов, которые не находятся в семейных отношениях. Они считают это несправедливым и задаются вопросом: «Почему я, потративший так много усилий на обучение, должен отдавать бесплатное место кому-то, кто не умеет распределять свое время и скорее всего так и не доучится до конца?». Некоторые информанты крайне негативно отзывались о студентах, которые, обучаясь в вузе, совмещают социальные роли родителя и студента. По их мнению, так делать нельзя, поскольку тогда не получается ни хорошего воспитания, ни качественного обучения.

Среди мероприятий в учебной и внеучебной сферах жизни, которые могли бы способствовать улучшению качества жизни молодых студенческих семей, отмечается:

во-первых, возможность построения более индивидуализированных образовательных маршрутов (перенос сессии, академические отпуска и т. п.);

во-вторых, внедрение в образовательные дисциплины специализированных знаний по тематике семейной жизни (например, особо отмечается формирование бюджета семьи);

в-третьих, организация психологических консультаций для студенческих семейных пар.

При этом часть студентов полагает, что подобные факультативы/элективы должны быть необязательны и выбираться студентами по желанию. В то же время другая часть ребят высказывает противоположное мнение, аргументируя это тем, что студенты при выборе курсов могут не осознавать важность и роль данных знаний, а потому обязательность изучения соответствующей дисциплины будет служить своеобразной «страховкой» в предупреждении данного риска.

Было выдвинуто предложение сделать единый портал поддержки семьи, где были бы выложены обучающие лекции.

Государственная поддержка

Среди мер поддержки были предложены следующие: разработка единого информационного ресурса, аккумулирующего информацию о семейной жизни, как государственного, так и частного характера; создание хороших фильмов или мини-сериалов (основанных на реальных событиях и отражающих позитивные практики воспитания, заботу о ближнем), мультфильмов; задействование блогеров, которым доверяют студенты.

Отсутствие регулирования СМИ и популяризация телевизионных программ, таких как «Беременная в 16», обладают обратным эффектом, приводя студентов к выводу о том, что подобного развития событий своей жизни они не хотят, поскольку репрезентация родительства в этих передачах нередко связана с лишениями и отсутствием морально-нравственных принципов у главных героев. Целесообразно использовать детские передачи в качестве умной пропаганды родительства и даже некоторых элементов сексуального воспитания.

Предложения в сфере создания сети государственных агрегаторов услуг сертифицированных нянь по стране включали следующее: во-первых, создание специального мобильного приложения, при регистрации в котором обязательным подтверждением должны служить сертификаты нянь о прохождении обучения; во-вторых, предоставление студентам, нуждающихся в услугах нянь, льгот или скидок; в-третьих, преобразовать хорошо зарекомендовавших себя компаний на рынке бэби-ситтеров и гувернантов в единый центр оказания соответствующих услуг; в-четвертых, внедрение на старших курсах педагогических университетов соответствующей практики по воспитанию детей с целью расширения сети нянь.

Обсуждение

Все высказанное студентами в итоге сводится к необходимости поиска формата Семействования, только не учебного предмета, а программы мероприятий, или шире – событий, которые должны подаваться комплексно, и в ее подготовке должны участвовать все институты социализации. И если она будет планомерно отслеживаться всеми и сразу, то есть надежда, что через несколько лет мы получим молодежь, в большинстве своем ориентированную на брак и деторождение.

1) Воспитательная функция, традиционно реализуемая тетradой школа-вуз-семья-государство, максимально ослаблена, доверие со стороны студентов к институтам социализации минимально, в связи с чем констатируем обострение институционального кризиса. Поэтому становится важным менять подходы к воздействию на аксиологическую сферу представителей молодого поколения.

2) Выявляется проблема неумения студента брать на себя ответственность не только за коллектив (микрогруппу), но и за себя лично. Она коренится в несформированности смысложизненных целей. От взрослых требуется чаще привлекать студента к общественно-значимым мероприятиям (помощь в детских домах, домах малютки, детских хосписах, интернатах, домах престарелых, в благотворительных фондах помощи матерям-одиночкам, кризисным центрам типа «Мамин дом» и проч.). Приоритетной задачей является развитие эмпатии. Только через деятельностный подход может появиться навык, который у студента не был сформирован в свое время, и только от парной работы в таких проектах может возникать чувство дружбы, или «локтя», которое со временем способно перерасти в более тесные отношения. Возможно, необходимо пробовать возвращать практику ЛТО (летних трудовых лагерей) и стройотрядов.

3) Школам и вузам как институтам социализации можно и нужно доверять полное воспитание, поскольку к родителям доверия в этих вопросах нет. При этом требуется разработка эффективных методов для подачи специфичной информации и подготовка специально обученных кадров. Из-за чрезмерной загруженности учителей и просто по этическим соображениям Минобрнауки и Минпросу необходимо начать готовить специалистов по этому профилю, например, в театральных училищах, медколледжах, на психфаках. Посредством методов и приемов театральной педагогики можно помочь школьнику и студенту преодолеть психологические комплексы, найти способы выхода на разговор по особой тематике.

Специалисты по актерскому мастерству могут способствовать усвоению социокультурных норм, повышению общего культурного уровня, а также формированию и развитию внутреннего духовного мира индивида.

В связи с тем, что к институту психологов отношение настороженное, необходимо развивать институт наставников, например, из старшекурсников педагогических вузов и особенно студентов психологических факультетов. Так, за классом (в школе) или курсом (в вузе) на весь учебный год может быть закреплена пара студентов из указанных заведений, которой поручено отслеживать настроения молодежи и грамотно помогать в формате педагогики и психологии экстремальных ситуаций. Также необходимо разрабатывать игровые подходы к решению психологических проблем. Более того, все мероприятия в школе, включая учебные дисциплины гуманитарного цикла, должны постепенно влиять на сознание подростка в плане межличностных отношений, отношений между полами, процесса взросления.

4) Учитывая ставшую нормой практику раннего доступа к сексуальному контенту и, следовательно, ранний порог вхождения в эту тему, можно с уверенностью прогнозировать произошедшие и происходящие деструктивные изменения в подростковом сознании, которые проявляются в том числе на уровне роста половой неразборчивости, парафилии, предпочтений в пользу моделей «гостевых браков». В связи с этим необходимо незамедлительное вмешательство со стороны государства. Целесообразно Минцифры совместно с Минпросом и Минобрнауки разработать систему мониторинга социальных сетей в условиях «цифровой безнадзорности» [16, с. 85–87]. Требуется осуществлять тотальный контроль в социальных сетях с системой поощрения или штрафования за посещение определенных порталов, просмотр конкретного контента – при учете интервала времени просмотра той или иной страницы. Все СМИ должны быть национализированы, чтобы осуществлялось цензурирование выпускаемого контента.

Вопрос о введении единого приложения, подобного WeChat (всекитайской системы для мобильных приложений и персональных компьютеров, объединяющей в себе функции поисковика, мессенджера, сервиса видеоконференций, платежной системы, браузера, почтового сервиса, экосистемы, службы электронной безопасности и пр.), в России пока остается дискуссионным. Но для детей и подростков следует разработать и распространить подобное приложение в ближайшее время. Минцифры целесообразно объявить тендер на разработку подобного приложения и установить его на смартфоны, продаваемые для детей.

5) Выделение родителей в качестве важнейших агентов социализации, идеалов поведения отражает намечающуюся в обществе тенденцию к распространению феноменов «интенсивного» и «ответственного» родительства, опирающегося на экспертное знание о воспитании. В качестве примера успешного взаимодействия учителей, школьников и родителей является работа администрации МАОУ «Лицей № 146 «Ресурс» и Школы № 81 им. В. А. Григорьева г. Казани.

6) Требуется сознание единого портала поддержки (молодой) семьи, где, помимо прочего, выкладывались бы обучающие лекции по разным аспектам брачных отношений и семейведения. В данной связи примером является Общество «Знание», которое активно включилось в пропаганду принципов государственности для проекта «ДНК России». Необходимо всемерно поддерживать инициативы блогеров-лидеров студенческого мнения и включать блогеров в разработку государственных инициатив.

7) Целесообразно создать сеть государственных агрегаторов услуг сертифицированных нянь, а подготовку квалифицированных и сертифицированных нянь необходимо поручить педагогическим училищам и университетам.

Заключение

Проведенное исследование вносит вклад в намеченный аксиологами и правительством курс на выработку эффективных методов регулирования семейных отношений в студенческой среде. Основной предпосылкой результативности семьецентричной модели развития российского общества в итоге является активное взаимодействие ключевых агентов и институтов социализации государства (с государственными и коммерческими СМИ), семья, школа и вуз. Для изучения продуктивности их деятельности и во избежание появления аксиологического разрыва требуется продолжать систематически изучать отношение к ним целевой аудитории, студенчества.

Ссылки

1. Вепрева И. Т. Система ценностей современного студенчества: от семейного благополучия до самореализации // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 1. С. 277–288.
2. Стрелец И. Э. Государственная поддержка семей с детьми и студенчество: аксиологические, информационные и практические аспекты // *Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск. Материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием*. Москва, РУДН, МГИМО МИД России, 1–2 декабря 2023 г. М.: РУДН, 2023. С. 576–578.
3. Саралиева З. Х., Егорова Н. Ю., Рябинская Е. С. Брак и семья студентов в условиях трансформации // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета*. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 193–208.

4. Горбунова Н. В., Вишневецкий В. А., Фетисов А. С. Формирование готовности студенческой молодежи к созданию семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 57–67.
5. Иванишко А. М. Семейные ценности молодежи Пензенской области: супружество и родительство // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 75–84.
6. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 2. С. 112–126.
7. Панкратова Л. Общественное мнение молодежи о семье как институциональной поддержке в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 189–196.
8. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31–42.
9. Ростовская Т. К., Князькова Е. А., Кучмаева О. В. Студенческая семья в России: проблемы, перспективы, стратегия поддержки // Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году. М.: Проспект, 2023. С. 86–111.
10. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 67–80.
11. Денисов С. Б. Социальная помощь студенческой семье в СССР: историко-правовой анализ // Вестник МГУ. 2012. №1. С. 67–72.
12. Андрушина Е. В., Панова Е. А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Том 11. № 2. С. 200–219.
13. Чернышева Е. Л. Особенности представлений о семье современной студенческой молодежи // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 35–39.
14. Сафарова А. К., Трещёва Е. С., Ермолаева Е. В. Студенческая семья в современном обществе // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5, № 12. С. 1566.
15. Вишневецкий Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125–141.
16. Стрелец И. Э., Мухортов Д. С. Эффективность институтов социализации как фактор духовной безопасности России // 550-летие Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря «Духовная безопасность и проблемы современного образования». Сборник материалов X Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции. Псков: Псковский государственный университет, 2023. С. 77–91.
17. Вержибок Г. В. Семейные ценности студенческой молодежи как матрица построения будущего // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 75–95.
18. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Государственное регулирование поддержки молодой детной семьи в странах ЕАЭС // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 102–107.
19. Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N., Kholina V. N. Factors shaping the reproductive behavior of young families in Russia: data triangulation // Changing Societies & Personalities. 2023. Vol. 7, No. 1. P. 72–87.
20. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Ценность семьи глазами россиян: социологический анализ // Демис. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 59–71.

The Russian labor market in the context of external and internal challenges

N. N. Bureeva¹, I. V. Guskova¹, N. E. Serebrovskaya¹

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-176-187

Research article
Full text in Russian

In a rapidly changing world, a situation of foreign political tension, informatization and technologization of the life of our state in all spheres of life, it is the labor market that is a kind of social indicator reflecting current problems, demands and trends in the development of Russian society. The labor market allows you to assess the size and structure of the country's population, to give characteristics of the working population, to assess the level of unemployment, health and prosperity of each family, etc. The active use of digital technologies and the use of artificial intelligence create new conditions for human life and work, while defining new requirements for it. The labor market is responsive to these changes. The article is devoted to the analysis of the current state of the labor market caused by changes in the external and internal living conditions of the Russian state. The purpose of the study is to identify and substantiate the directions of transformation of the Russian labor market as a social and economic tool for the development of the economy and the social sphere. The article presents a quantitative and qualitative analysis of statistical information and analytical indicators of the labor market over the past 33 years (from 1990 to 2023), as well as summarizes and substantiates current problems and difficulties in the development of the labor sector in today's difficult realities. The significance of the research lies in the possibility of using the results of quantitative and qualitative analysis of the current state of the labor market, its demands and new development trends to train qualitatively new personnel, increase the competitiveness of employees and employers, and therefore to reduce social tension in society and economic growth in Russia.

Keywords: labor market; socio-economic conditions; qualified personnel; human capital; population; challenges

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bureeva, Natalia N., | E-mail: bureeva@unn.ru
Cand. Sc. (Physics and Mathematics), Assotiate Professor

Guskova, Irina V. | E-mail: guskova545@yandex.ru
D. Sc. (Economics), Professor

Serebrovskaya, Natalia E. | E-mail: serebrovskaya@iee.unn.ru
D. Sc. (Psychology), Assotiate Professor

For citation: Bureeva N. N., Guskova I. V., Serebrovskaya N. E. The Russian labor market in the context of external and internal challenges // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 176-187. (in Russ.)

Российский рынок труда в условиях внешних и внутренних вызовов

Н. Н. Буреева¹, И. В. Гуськова¹, Н. Е. Серебровская¹

¹Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород,
Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-176-187
УДК 316.334

Научная статья
Полный текст на русском языке

В условиях быстро меняющегося мира, ситуации внешнеполитической напряженности, информатизации и технологизации во всех сферах жизнедеятельности именно рынок труда является своеобразным социальным индикатором, отражающим актуальные проблемы, запросы и тенденции развития российского общества. Рынок труда позволяет оценить численность и структуру населения страны, дать характеристики работающего населения, оценить уровень безработицы, здоровья и достатка каждой семьи. Активное использование цифровых технологий и применение искусственного интеллекта создают новые условия жизни и труда человека, при этом определяя и новые требования к нему. Рынок труда чутко реагирует на эти изменения. Статья посвящена анализу современного состояния рынка труда, обусловленного изменениями внешних и внутренних условий жизни российского государства. Целью исследования является выявление и обоснование направлений трансформации российского рынка труда как социального и экономического инструмента развития экономики и социальной сферы. Представлен количественный и качественный анализ статистических информационно-аналитических показателей рынка труда за последние 33 года (с 1990 по 2023 гг.), а также обобщены и обоснованы актуальные проблемы и трудности в развитии трудовой сферы в сегодняшних непростых реалиях. Значимость исследования заключается в возможности использования результатов количественного и качественного анализа современного состояния рынка труда, его запросов и новых трендов развития для подготовки качественно нового персонала, повышения конкурентоспособности работников и работодателей, а значит, и для снижения социальной напряженности в обществе и экономического роста России.

Ключевые слова: рынок труда; социально-экономические условия; квалифицированные кадры; человеческий капитал; население; вызовы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Буреева, Наталья Николаевна | E-mail: bureeva@unn.ru
Кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры
университетского менеджмента и инноваций в образовании

Гуськова, Ирина Владимировна | E-mail: guskova545@yandex.ru
Доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры
университетского менеджмента и инноваций в образовании

Серебровская, Наталья Евгеньевна | E-mail: serebrovskaya@iee.unn.ru
Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры
университетского менеджмента и инноваций в образовании

Для цитирования: Буреева Н. Н., Гуськова И. В., Серебровская Н. Е. Российский рынок труда в условиях внешних и внутренних вызовов // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 176-187.

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Сегодняшние непростые социально-экономические реалии характеризуются многочисленными вызовами для нашей страны, как внешними, так и внутренними. Распространение в современном мире, в том числе и в России, цифровых технологий и применение искусственного интеллекта все больше в ускоряющейся прогрессии кардинально меняют экономическую и социальную ситуацию, повышая роль технологических и организационных инноваций в целях роста конкурентоспособности как отдельного предприятия, так и всей экономики. Необходимо отметить изменения функционирования рынка труда, вызванные не только технологическими изменениями, но и объективными внешними факторами: пандемией коронавируса, СВО, нарушением торговых и хозяйственных связей между странами, геополитической турбулентностью. Сегодня в условиях внешних военно-политических угроз и необходимости развития сферы кибер-безопасности на повестке дня стоит проблема укрепления национального суверенитета нашего государства, в том числе экономического.

Именно качество трудовых ресурсов составляет основу конкурентоспособности современного предприятия, его капитал. Повышение интенсивности, активная технологизация производственных и организационных процессов требуют от людей не только физического и психологического здоровья, но и высокого уровня знаний, сформированных профессиональных компетенций, готовности к самообразованию и саморазвитию.

В сложившейся ситуации особую роль играют требования, предъявляемые к работникам. Для работодателя важны не только профессиональные, но и личностные качества, без которых о каких-то реальных инновациях и создании национального технологического суверенитета говорить крайне сложно. Работники в современных условиях должны быть способны осваивать новые виды деятельности, расширять и развивать сферу своих профессиональных знаний и навыков. Современный работодатель ищет людей, готовых прилагать усилия, необходимые для овладения новыми профессиональными компетенциями, позволяющими участвовать в разработке и внедрении инновационных технологий, уметь работать в команде и разделять коллективную ответственность за результат трудовой деятельности.

Распространение в современном мире, том числе в России, цифровых технологий и активное внедрение искусственного интеллекта кардинально изменили ситуацию, усилив роль технологических и организационных инноваций в повышении конкурентоспособности современного предприятия [1].

Рынок труда является важнейшим инструментом развития экономики, функционирование которого непосредственным образом связано с благосостоянием общества и российских граждан. В свою очередь, наличие необходимых человеческих ресурсов способствует росту производства, обеспечивает устойчивое экономическое развитие и благополучие российского общества. Именно рынок труда в первую очередь реагирует на изменяющиеся социально-экономические и внешнеполитические условия, создает новые тенденции в спросе и предложении трудовых ресурсов в условиях внешних и внутренних вызовов.

Разработанность темы исследования

Проблемами трансформации рынка труда раньше и сейчас занимаются многие зарубежные и отечественные исследователи. Значительное место занимают рабо-

ты, посвященные реакции рынка труда на изменение внешних и внутренних условий труда общества, социально-экономические реформы в разные периоды времени. Например, развитие технологий и экономики знаний диктует необходимость получения диплома о высшем образовании [2]. Вопросами эволюции рабочих мест, формирования спроса на труд, взаимосвязи с факторами технологического сдвига занимается В. Е. Гимпельсон [3] и Р. И. Капелюшников [4]. Влияние качества образования на успешность выпускника не теряет своей актуальности, например, проблемами вознаграждения качества образования на рынке труда занимались еще с 70-х гг. [5]. Влияние качества образования на стартовые возможности в профессии анализируется в работах С. Ю. Рощина [6; 7], И. В. Гуськовой [8].

Немаловажное значение имеет вопрос постоянного профессионального развития, в том числе через систему внутрифирменного обучения. Такая проблематика отражена в работах Е. Я. Варшавской [9].

Социальные проблемы обеспечения достойного уровня жизни и качества трудовой жизни отражаются в исследованиях И. В. Гуськовой, А. П. Егоршина [10], А. Л. Мазина [11].

Анализ современного российского рынка труда в цифрах и фактах

Индикатором рынка труда является численность занятых. Этот показатель уменьшился с 1990 по 2022 гг. на 3,3 млн чел. (см. табл. 1). Существенное снижение численности занятых спровоцировал экономический кризис за период трансформационных изменений российской экономики, демографические волны, санкции, массовый выезд людей за границу с февраля 2022 года, постоянная изменчивая бизнес-среда, осуществляемые социально-экономические реформы. При этом стоит отметить, что численность экономически активного населения (занятые + безработные) остается в пределах 75 млн чел. долгие годы. Этот факт можно объяснить активным вовлечением учащихся и пенсионеров в трудовую деятельность как следствие необходимости увеличения и сохранения уровня жизни и доходов граждан. Решение обеспечения себя необходимыми товарами и услугами ложится на плечи как молодых, так и пожилых людей, первые работают, чтобы была возможность получить образование, вторые – содержать жилье, получить медицинское обслуживание. Численность занятых на государственных и муниципальных предприятиях снизилась на 45,7 млн чел., а на частных предприятиях – увеличилась на 30,1 млн чел. [12], что объяснимо увеличением доли частного сектора. Но в настоящее время экономический рост поддерживается государственными бюджетными инвестициями, это может вызвать отток рабочей силы из частного сектора в государственный в ближайшее время, особенно в оборонно-промышленный комплекс.

Приведем некоторую статистику аналитических данных показателей рынка труда за период с 1990 по 2022 гг. в таблице 1.

В среднем работники повзрослели, их возраст вырос за 22 года с 38,3 до 42,1 лет. Налицо старение усредненного работника. Вызвано это, к сожалению, не увеличением трудовой активности, а сокращением молодого поколения, которое входит в трудоспособный возраст. Тем более во многих отраслях средний возраст составляет 47–50 лет, что является серьезной проблемой для многих организаций и не только в сфере производства, но и в сферах образования, здравоохранения, науки (см. табл. 1) [12].

Основные показатели человеческих ресурсов России¹

№	Показатели	1990	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2015	2020	2021	2022
1. Численность и структура населения												
1.1	Численность населения, млн чел.	147,7	147,6	144,8	143,5	142,0	141,9	142,9	146,5	146,7	146,2	145,6
1.2	Среднегодовая численность занятых в экономике, млн чел.	75,3	66,4	64,3	68,6	70,6	69,3	69,8	72,3	70,6	72,4	72,0
1.3	Численность безработных, млн чел.	-	6,7	7,0	5,3	4,8	6,4	5,6	4,3	4,3	3,2	2,8
1.4	Численность экономически активного населения, млн чел.	75,3	70,8	71,4	73,8	75,9	75,7	75,4	76,6	74,9	75,2	74,82
1.5	Среднегодовая численность работников, занятых в экономике по формам собственности, млн чел.: государственная и муниципальная частная	62,2 9,4	22,7 23,5	24,4 29,7	22,5 36,2	21,5 39,3	21,3 39,3	20,9 39,5	18,6 42,1	16,9 21,3	16,8 21,3	16,5 21,2
1.6	Средний возраст работников, занятых в экономике, лет	38,3	38,3	39,2	39,6	39,7	39,8	39,9	40,6	41,6	41,8	42,1
1.7	Средний возраст безработных, лет	32,7	33,7	35,1	34,8	34,9	35,0	35,2	35,7	36,6	36,9	36,3
1.8	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	69,2	64,6	65,3	65,3	67,5	68,7	68,5	71,39	70,1	71,5	72,8
1.9	Естественный прирост (+), убыль (-) на 1000 чел., %	+2,2	-5,7	-6,7	-5,9	-2,6	-1,8	-1,7	0,3	-4,8	-7,1	-5,3
1.10	Коэффициент демографической нагрузки на 1000 населения (лиц моложе и старше трудоспособного возраста), чел.	764	753	663	590	582	590	334	365	338	406	409
2. Характеристика человеческих ресурсов												
2.1	Объем ВВП на душу населения в текущих ценах, тыс. руб./чел.	4,3	10,4	48,53	151,1	293,5	273,3	314,5	567,5	734,2	896,7	1040,2
2.2	Объем ВВП на одного работника, занятого в экономике, тыс. руб./чел.	7,9	23,2	111,9	315,2	590,2	559,7	643,8	1149,2	1520,0	1816,6	2103,6
2.3	Среднедушевые денежные доходы населения в ценах 1991 г., руб.	466	246	117	238	342	339	320	344	428	435	441
2.4	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, тыс. руб.	0,303	472,4	2223	8555	17 226	18 637	21 193	34030	51344	56545	64191
2.5	Оплата труда наемных работников, % к ВВП	49	45	40	43,8	45,6	52,8	50,4	48,2	45,2	40,1	39,6

¹ Источник: Россия в цифрах. 2022: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2022.

Российский рынок труда...

2.6	Удельный вес занятых в экономике, имеющих высшее профессиональное образование, %	16,1	18,8	21,6	24,7	27,9	29,0	28,9	32,2	35,4	34,7	34,9
2.7	Удельный вес занятых в экономике, имеющих среднее профессиональное образование, %	31,6	33,3	28,7	25,4	26,5	27,5	27,1	25,8	25,6	26,1	29,2
2.8	Численность студентов государственных вузов на 10 тыс. населения, чел.	190	179	294	419	438	432	409	144	277	277	278
2.9	Общая численность учащихся (школы, техникумы, вузы), млн чел.	27,3	28,4	29,3	26,8	24,7	24,3	23,8	14,4	16,6	16,9	17,3
2.10	Площадь жилищ, приходящихся в среднем на одного жителя, м ²	16,4	18,0	19,2	20,9	22,0	22,4	22,8	24,4	26,9	27,8	27,9
2.11	Зарегистрировано больных с впервые установленным диагнозом на 1000 населения, чел.	651	679	736	745	772	802,5	1538	1876	2792	3456	-
2.12	Численность лечившихся и отдыхавших в санаторно-курортных организациях и выезжавших за границу с целью туризма, млн чел.	32,7	11,4	11,2	25	31,1	-	-	23,9	31,0	37,0	45,2
2.13	Коэффициент смертности от самоубийства на 100 тыс. населения, чел.	14,3	31,1	28	25	17	15	13	15,8	11,3	10,7	20,0

Уровень безработицы является очень низким, и многие трактуют это как экономическое достижение. Однако наблюдается очевидная нехватка кадров во многих отраслях. Работодатели не успевают находить «своего идеального работника», так как другие успевают его «перехватить». Некоторые категории работников, например, высококвалифицированные рабочие, инженерные и технические работники, IT-специалисты, являются дефицитными на рынке труда. Необходимо срочно создавать возможности для переобучения и переквалификации не только молодого, но и взрослого населения, вести работу по адаптации к внедрению современных технологий, что позволит сгладить надвигающуюся проблему.

Убыль населения в последние годы вызвана сокращением рождаемости и увеличением смертности населения. Показатель ожидаемой продолжительности жизни населения России за последние 60 лет значительно не изменился: в 1959 г. – 67,9 лет, в 2008 г. – 67,5 лет, в 2022 г. – 72,8 года [12]. В развитых странах люди живут на 12–15 лет дольше. Таким образом, нынешняя демографическая ситуация России очень сложная, именно она может быть причиной торможения экономического роста в России, необходимо привлечение трудовых ресурсов и повышение производительности труда за счет грамотной организации труда и применения новых технологий.

Несмотря на имеющиеся экономические проблемы, наблюдается рост ВВП на душу населения в текущих ценах с 4,3 тыс. руб. в 1990 г. до 1040,2 тыс. руб. в 2022 г. ВВП на одного занятого в экономике в 1990 г. составлял 7,9 тыс. руб., а в 2022 г. – 2103,6 тыс. руб. [12].

Денежные доходы населения сокращались до 2005 г., как и их доля в структуре ВВП, затем начался их рост. Среднедушевые денежные доходы населения в ценах 1991 г., которые с 466 руб. снизились до 117 руб. в 2000 г. и повысились до 444 руб. в 2022 году, что ниже уровня 1991 года. Существенного роста так и не удалось достичь. Рост зарплат не компенсирует снижения доходов населения, а значит, это приводит к сокращению платёжеспособного спроса, в первую очередь на дорогие технологичные товары. Оплата труда наемных работников в процентах к ВВП снизилась с 49 % в 1990 г. до 39,6 % в 2022 г., то есть доля прибыли увеличилась соответственно с 40,8 до 53,8 % в тот же период.

Такая же отрицательная динамика присутствует в развитии технологий и инновационной экономики: удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг сократился с 8,5 % до 5,1 % за тот же период [15]. Это может быть объяснено тем, что работники с низкой квалификацией не способны производить инновационные товары, а снижение реальных доходов не способствует росту спроса на дорогие инновационные продукты. Получается замкнутый круг: дешевая рабочая сила мигрантов вытесняет национальную рабочую силу из экономики, снижает уровень оплаты труда и сокращает инновационное развитие страны. Таким образом, роста реальных доходов населения не наблюдается, перераспределение национального богатства очень неравномерно, что может стать причиной социальной дестабилизации.

Очевиден рост удельного веса лиц с высшим профессиональным образованием, занятых в экономике: если в 1990 г. данный показатель составлял 16,1 %, то в 2022 г. – 34,9 %. С одной стороны, экономика знаний требует более высокого уровня образования, высшее образование становится сегодня практически нормой, и в вузы поступает большинство выпускников школ. С другой стороны, российская экономика нуждается и в квалифицированных специалистах со средним профессиональным образованием и рабочих, способных наращивать производство и производить высокотехнологичную продукцию.

Основные проблемы и трудности развития рынка труда в России

Обозначим актуальные проблемы и трудности в развитии российского рынка труда в сегодняшних непростых реалиях.

Дефицит квалифицированных кадров. Свидетельством и даже следствием нехватки кадров является очень низкий уровень безработицы. Согласно последним данным Росстата, уровень безработицы за 2023 год составил 3,9 % [15].

Особенно наблюдается рекордный кадровый голод в промышленности [13].

Нехватка кадров вызвана оттоком кадров в результате как призыва, так и уклонения от мобилизации. Серьезный дефицит кадров, как указывают авторы доклада, был зафиксирован на предприятиях легкой промышленности (-70 %), в машиностроении (-35 %) и на пищевых производствах (-25 %). Больше всего уехали за рубеж специалисты IT-отрасли, где, по оценкам экспертов, не хватает около 1 млн специалистов.

Структура занятого населения по категориям занятий на основной работе представлена в таблице 2 [14].

Структура занятого населения в возрасте 15 лет и старше по занятиям на основной работе, полу и типу поселения, %

Позиции занятого населения	Всего	мужчины	женщины	город	село
III квартал 2023					
Всего	100	100	100	100	100
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей, учреждений, организаций и предприятий	4,8	5,2	4,4	5,0	4,0
Специалисты высшего уровня квалификации	27,0	19,5	34,9	29,6	18,3
Специалисты в области науки и техники	4,8	6,6	2,9	5,6	2,2
Специалисты в области здравоохранения	2,6	1,7	3,5	2,9	1,5
Специалисты в области образования	6,5	2,2	11,1	6,5	6,8
Специалисты в сфере бизнеса и администрирования	6,7	3,3	10,3	7,4	4,5
Специалисты по (ИКТ)	1,7	2,7	0,6	2,0	0,7
Специалисты в области права, гуманитарных областей и культуры	4,7	3,0	6,5	5,3	2,6
Специалисты среднего уровня квалификации	13,9	11,8	16,2	14,7	11,1
Специалисты-техники в области науки и техники	4,6	7,8	1,2	4,8	3,9
Средний медицинский персонал здравоохранения	3,7	0,6	7,0	3,8	3,3
Средний специальный персонал по экономической и административной деятельности	4,1	2,4	5,9	4,6	2,4
Средний специальный персонал в области правовой, социальной работы, культуры, обучения, спорта и родственных занятий	1,2	0,5	2,0	1,2	1,4
Специалисты-техники в области ИКТ	0,2	0,4	0,1	0,3	0,1
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	3,4	1,2	5,8	3,5	3,0
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	16,3	9,8	23,1	16,3	16,2
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	2,3	2,2	2,3	0,9	6,8
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	12,5	20,4	4,2	12,6	12,1
Рабочие, занятые в строительстве, и рабочие родственных занятий (за исключением электриков)	3,4	6,1	0,5	3,3	3,8
Рабочие, занятые в металлообрабатывающем и машиностроительном производстве, механики и ремонтники	5,2	9,9	0,3	5,4	4,6
Рабочие, занятые изготовлением прецизионных инструментов и приборов, рабочие художественных промыслов и полиграфического производства	0,3	0,4	0,3	0,4	0,2
Рабочие в области электротехники и электроники	1,3	2,4	0,2	1,4	1,1
Рабочие пищевой, деревообрабатывающей, текстильной и швейной промышленности и рабочие родственных занятий	2,2	1,5	3,0	2,2	2,4
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	12,3	21,6	2,5	11,2	16,0
Неквалифицированные рабочие	7,5	8,3	6,7	6,1	12,4

Согласно данным таблицы, удельный вес квалифицированных рабочих в промышленности, строительстве, транспорте составляет 12,5 % в 2023 году, если добавить удельный вес неквалифицированных рабочих в размере 7,5 %, получим 20 %. Только удельный вес специалистов высшего уровня квалификации составляет 27,0 %, без учета обслуживающего персонала. Такая структура может быть характерна для экономики знаний или для экономик, основные производства которой сосредоточены на другой территории.

Очевидно, что Россия пока не относится ни к первой, ни ко второй категории, поэтому в условиях импортозамещения, когда необходимо открывать именно промышленные предприятия, наблюдается крайний дефицит рабочих кадров.

Рост скрытой безработицы. С февраля 2022 года до настоящего времени вводятся санкции, многие западные компании уходят из России или приостанавливают свою деятельность, им приходится соблюдать российское законодательство, люди получают выходное пособие, но это потенциальная скрытая безработица, которая должна еще вырасти. Этот кадровый резерв поможет восполнить дефицит там, где он действительно существует. Этот факт тоже снижает уровень безработицы. Люди ожидают возвращения компаний и находятся в активном поиске работы. Часть уходит в самозанятость, причем зачастую неофициальную, в надежде переждать трудные времена.

Еще одним косвенным показателем является средняя продолжительность рабочей недели, а она не растет, колеблется в районе 38,3–38,5 часов в неделю.

3. Старение населения и сокращение численности экономически активного населения. В России наблюдается рекордно низкий уровень рождаемости. В целом по России численность людей пенсионного возраста на 7,7 млн человек (на 28 %) больше численности детей 0–15 лет. Превышение численности людей пенсионного возраста над численностью детей наблюдается в 70 субъектах РФ [15]. Повышение пенсионного возраста в ближайшие годы исчерпает свой потенциал. Необходимым является использование труда возрастных сотрудников. Организация программ по адаптации и обучению взрослых людей условиям работы в цифровом формате представляет актуальную проблему в ближайшее время.

4. Отток мигрантов. Миграционный прирост в 2022 году составил 61 917 человек, в то время как в 2021 был равен 429 902 человек [15]. Это обусловлено начавшейся СВО, девальвацией рубля, ужесточением миграционной политики. Проблема миграции является крайне непростой, она связана не только с компенсацией трудовых ресурсов, что можно смягчить переобучением, перераспределением кадров, внедрением новых технологий и ростом производительности труда. Миграция представляет собой социальное явление, непосредственным образом зависящее от экономических реалий, а также напрямую влияющее на состояние национальной экономики. Взвешенный и разумный подход к использованию труда мигрантов, осознанная законодательная политика по отношению к ним помогут снижению проблемности в этой сфере.

5. Неравенство в доходах и низкая заработная плата в разных отраслях экономики и регионах страны. Согласно данным Росстата за 2022 г., средний доход наиболее обеспеченных россиян, входящих в первую группу 20 % населения, достигал 103 519 руб. Это в 8 раз выше, чем средний доход в беднейшей (20-процентной) группе [12]. В последней он составил только 12 946 тыс. руб. и оказался почти на 16 % ниже прожиточного минимума, составляющегося в 2022 г. 15 279 тыс. руб. [15]. В ос-

новном это касается социальных сфер (медицины, образования, культуры). Немаловажным для развития национальной экономики и обеспечения технологического суверенитета сегодня является состояние здоровья людей, их ответственность перед обществом, патриотизм и преданность своему делу. А это как раз формируется и развивается социальными институтами, где работают педагоги, врачи, воспитатели, культурные работники.

6. Несбалансированность спроса и предложения рабочей силы в целом и на региональных рынках труда. Например, Москва как деловой, финансовый и культурный центр имела безработицу в 2,2 % в 2022 году, а Республика Ингушетия – 28,7 %. Серьезная дифференциация уровня развития регионов приводит к отсутствию инвестиций в некоторые регионы страны.

7. Слабая адаптация системы профессионального образования к требованиям рынка труда. В настоящее время значительное количество выпускников не трудоустроивается по полученной профессии. Например, из 813,3 тыс. выпускников вузов в 2022 году 28,8 % получили квалификацию по специальностям «Инженерное дело, технологии и технические науки», уже из их числа только 3,8 % пошли работать в сферу информатики и вычислительной техники. Такая тенденция является порочной и требует изменений. Необходимо пересмотреть имеющуюся сегодня систему профессиональной ориентации выпускников школ. Профессиональную мотивацию и ориентацию на конкретную профессиональную практику необходимо формировать и в школе, и в вузе [16].

8. Недостаточное развитие внутрифирменного обучения персонала. Лишь крупные компании и корпорации в России имеют свои системы внутрифирменной подготовки и обучения кадров. Подавляющее большинство организаций не уделяет должного внимания профессиональному развитию, повышению квалификации своих сотрудников. Часто это ложится на плечи самого работника, вследствие чего увеличивается фрикционная безработица и сдерживается мобильность рабочей силы. В 2021 году на курсах повышения квалификации обучалось лишь 292,3 тыс. чел, по программам переподготовки – 669,7 тыс. чел, из них 56 % очно-заочно или заочно [17].

9. Рост нестандартной занятости и использование труда самозанятых. Это, конечно, обострит проблемы пополнения и рационального распределения Социального фонда, что связано с высокой разницей между уровнем налогообложения наемных работников и самозанятых (43,2 % (НДФЛ + страховые взносы) и 4 % соответственно). Официальная численность занятых в неформальном секторе в 2022 году составляла 13 385 тыс. человек, и это значимая численность и, по сути, потенциал для покрытия дефицитов на рынке труда [14].

10. Замена рутинного труда технологиями с использованием искусственного интеллекта. Искусственный интеллект оказывает существенное влияние на все сферы жизни и деятельности страны. Автоматизируются рутинные задачи, упрощается взаимодействие с клиентами, появляются удобные и простые в использовании сервисы. Искусственный интеллект облегчил работу с большими объемами данных и глобальной информацией. Эти процессы непосредственно влияют и на рынок труда. По данным «Авито Работа», количество вакансий для специалистов в сфере ИИ за год (октябрь 2022 – октябрь 2023 гг.) увеличилось в 2,7 раза.

Выводы

Состояние российского рынка труда отражает сегодняшнее состояние национальной экономики, являясь индикатором тех проблем, которые переживало и переживает наше государство.

Введение санкций, уход западных работодателей, как минимум две волны релокации стали серьезными испытаниями для российской экономики. Острога кризиса удалось избежать: безработица в конце прошлого года и начале нынешнего находилась на рекордно низких уровнях. Однако эти показатели не стоит рассматривать исключительно как положительный фактор, зачастую он сдерживает перемещение рабочей силы от неэффективных собственников к эффективным, из деградирующих отраслей в динамично развивающиеся, из трудоизбыточных регионов в другие, где плотность населения низкая.

Проявляются эффекты, связанные с релокацией и необходимостью срочной подготовки выбывших кадров, нужна серьезная и продуманная политика по возвращению уехавших квалифицированных специалистов, а также переосмысление миграционной политики.

Импортозамещение способствует серьезной трансформации отечественной экономики в пользу наращивания собственных производств, что приводит к изменению структуры и модели занятости населения. Применение новых современных технологий позволит компенсировать нехватку трудовых ресурсов. Однако кадры для этого нужно готовить. Необходимо совершенствовать системы среднего профессионального образования, внутрикорпоративных институтов и университетов. Требуется серьезного переосмысления и реорганизации системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов.

С развитием искусственного интеллекта будет повышаться спрос на «креативность», и рутинные трудовые процессы будут заменяться высокими технологиями. А значит, повысятся требования и к человеческому капиталу, что означает наличие у работника креативности, умения мыслить нетривиально, создавать новые творческие продукты и решения. Системы искусственного интеллекта становятся более сложными, а, следовательно, для их разработки и обслуживания потребуются квалифицированные специалисты, новые профессии и новые рабочие места.

Можно предположить, что рынок труда в России ждет серьезная перестройка в ближайшее время.

Ссылки

1. Гуськова И. В. Формирование креативного класса как движущей силы экономического роста России // Инновационная экономика: глобальные и региональные тренды. Материалы XI Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 31 мая – 1 июня 2019 г.). Нижний Новгород, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 39–45.
2. Scott P. The Meanings of Mass Higher Education (Society for Research into Higher Education). Buckingham, 1995. 198 с.
3. Гимпельсон В. Е., Зинченко Д. И., Чернина Е. М. «Цена» инженера // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 28–50.
4. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 59–85.
5. Solmon L. C. The Definition of College Quality and Its Impact on Earnings // Explorations in Economic Research. 1975. Vol. 2, No. 4. P. 537–587.

6. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России / К. В. Рожкова, С. Ю. Рошин, С. А. Солнцев, П. В. Травкин // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190.
7. Выпускники среднего профессионального образования на российском рынке труда: доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / К. В. Анисимова, А. А. Владимирская, Ф. Ф. Дудырев и др. М., 2023. 148 с.
8. Гуськова И. В. Трансформация рынка труда России. Нижний Новгород: Нижегородский институт менеджмента и бизнеса, 2010. 288 с.
9. Варшавская Е. Я. Практики внутрифирменного обучения выпускников вузов: масштабы и детерминанты // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 94–105.
10. Егоршин А. П., Гуськова И. В., Елисеев Ю. А. Экономика России и пенсионная система за 30 лет: Сер. Научная мысль. М., 2023. 337 с.
11. Мазин А. Л. Социальное самочувствие работников на рынке труда: старые проблемы и новые вызовы // Российское государство и общество в новых исторических условиях. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2022 г. Сборник научных статей научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 13–22.
12. Егоршин А. П., Гуськова И. В. Управление социальным развитием персонала. М.: ИНФРА-М, 2024. 336 с.
13. Почему в России не хватает кадров на фоне безработицы? // Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. 19.01.2022. URL: <https://www.iep.ru/ru/smi-o-nas/pochemu-v-rossii-ne-khvataet-kadrov-na-fone-bezrabotitsy.html> (дата обращения: 26.04.2023).
14. Итоги выборочного обследования рабочей силы. III квартал 2023 // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 04.03.2024).
15. Демография // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 04.03.2024).
16. Индикаторы образования: 2023: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023. 432 с.
17. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. Росстат // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 04.03.2024).

Distant education period during the COVID pandemic: a hindsight study

S. S. Ivanov¹

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-188-201

Research article
Full text in Russian

A combined approach to analyze distant education period during the COVID-pandemic is presented in the article: it is viewed from the point of view of sociology, pedagogics and psychology. Comparative analysis revealed that compulsory distant education period of the educational process participant concerned is comparable to a drinking-bout of the substance-addicted individual. Consequently, this period is called distant-education-bout in the article. According to observations and experimental results, technologically addicted and substance-addicted individuals over the period experience similar deformation of social, emotive, physiological and cognitive aspects. Over the long distant education period teachers, students and schoolchildren experienced sufferings in social sphere, developed the feeling of loneliness and anhedonia; their empathy and cognitive abilities declined and physique deteriorated. Going back to classroom studies is characterized by «recovery stress», this process appearing as complicated and lengthy as entering total distant education mode, with its consequences still haunting many of us. The problems of genetic predisposition to developing Internet addiction, legal and political regulation of digital learning environment are dealt with in the final parts of the article, providing ground for further research.

Keywords: technological addiction; substance addiction; social pathologies; distant-education-bout; digital dementia; deformation; empathy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivanov, Sergey S. | E-mail: s.san@mail.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Ivanov S. S. Distant education period during the COVID pandemic: a hindsight study // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 188-201. (in Russ.)

Период дистанта во время коронавируса: ретроспективный взгляд

С. С. Иванов¹

¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-188-201
УДК 316; 371; 379

Научная статья
Полный текст на русском языке

Осуществляется комплексный подход к рассмотрению периода дистанта во время пандемии коронавируса с точки зрения социологии, педагогики и психологии. Путём сравнительного анализа было выявлено, что период вынужденного тотального дистанта у участника образовательного процесса во многих аспектах сравним с периодом запоя у индивида, употребляющего психоактивные вещества. В связи с этим данный период получил в работе название дистант-запой. Наблюдения и результаты экспериментов показывают, что со временем у техnozависимой и у наркозависимой личностей происходит зеркальная деформация таких аспектов, как социальная, эмотивная, физиологическая и когнитивная сферы. Во время длительного периода дистанта у преподавателей, студентов и школьников страдала социальная сфера, получили развитие чувство одиночества и ангедония; наблюдалось снижение эмпатии и когнитивных способностей; имело место ухудшение общефизического состояния. Возвращение к очному формату обучения характеризуется «стрессом выздоровления», поскольку этот процесс оказался не менее сложен и длителен, чем вхождение в тотальный дистант, и его последствия многими ощущаются до сих пор. В заключительных разделах работы затрагиваются проблемы генетической предрасположенности к формированию интернет-зависимости, правового и политического регулирования цифровой образовательной среды, которые остаются открытыми для обсуждения.

Ключевые слова: техnozависимость; зависимость от психоактивных веществ; социальные патологии; дистант-запой; цифровая деменция; деформация; эмпатия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов, Сергей Сайярович	E-mail: s.san@mail.ru
	Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей института филологии и журналистики

Для цитирования: Иванов С. С. Период дистанта во время коронавируса: ретроспективный взгляд // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 188-201.

Введение

Резкий вынужденный переход на дистанционный формат обучения явился сильным фактором стресса как для учителей, так и для обучающихся на всех уровнях образования, о чём свидетельствуют многие исследования [1; 2; 3; 4; 5]. В период пандемии люди с нетерпением ждали возвращения к нормальному формату обучения, рассматривая дистант как вынужденную меру, выражая (ещё в 2020-м году) такие чаяния, что «пройдёт время, и мы будем вспоминать об этом периоде как о новом необычном опыте, как об испытании, которое мы с честью выдержали!» [3]. Однако возврат к очному формату, в свою очередь, явился фактором стресса, поскольку за длительное время пандемии все уже успели привыкнуть к дистанту, и пусть далеко не всех устраивающий, но «устоявшийся образ жизни неожиданно и резко изменился» [5, с. 145]. Таким образом, несмотря на степень осознания этого, «резкий возврат к старому порядку оказался травмирующим как для учителей, так и для студентов» [4, с. 189].

В данной работе рассматривается период всеобщего дистанта с позиций сегодняшнего дня, когда уже прошёл немалый срок с окончания пандемии, чтобы иметь возможность изучить этот период более объективно, без сильных эмоций, которыми он сопровождался; когда возврат к очному обучению уже произошёл в полной мере и учебный процесс может характеризоваться как стабильный и сбалансированный.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении периода всеобщего дистанта с позиции целостного подхода, то есть глазами не только педагога, но и социолога и психолога.

Методы исследования

Использовалась комплексная методология, включающая сравнительный контекстуальный анализ когнитивных, физиологических и психических характеристик личности, попавшей в интернет-зависимость, шире – в зависимость от того, что М. Шпитцер назвал зависимостью от СМИиК (средств массовой информации и коммуникации), – и аналогичных характеристик личности, имеющей наркотическую или алкогольную¹ зависимость. На данном этапе следует привести определения аддиктивного поведения и технозависимости (интернет-зависимости, или зависимости от СМИиК), которые необходимы как отправные точки нашего анализа. «Аддиктивное поведение – одна из форм девиантного поведения с формированием стремления к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, что достигается различными способами – фармакологическими (приём веществ, воздействующих на психику) и нефармакологическими (сосредоточением на определённых предметах и активностях), что сопровождается развитием субъективно приятных эмоциональных состояний. Аддиктивное поведение рассматривается нами как одна из форм деструктивного поведения, причиняющего вред человеку и обществу» [6]. М. Гриффитс определяет технозависимость как «нехими-

¹ В дальнейшем в работе алкогольная и наркотическая зависимость будут обозначаться одним общим термином «наркозависимость» или «зависимость от психоактивных веществ (ПАВ)».

ческую (поведенческую) зависимость, которая включает в себя взаимодействие человека-машина» [7, с. 211].

Метод наблюдения, подкреплённый результатами психологических экспериментов, позволяет сделать собственные, часто неутешительные, выводы по поводу массового эксперимента с дистантом и последствий, затрагивающих всех нас до сих пор.

Актуальность исследования определяется, во-первых, его *своевременностью* в том смысле, что подобного рода анализ по объективным причинам был бы невозможен как в сам разгар пандемии, так и в переходный период, последовавший сразу после её окончания; во-вторых, тем, что переход на вынужденный дистант затронул большинство участников образовательного процесса, и его оценка, равно как и преодоление его последствий, касаются сегодня огромного числа людей.

Целью работы является путём сравнения показать, что период всеобщего дистанта, который пережил обычный индивид (как обучающийся, так и обучаемый), по своим когнитивными, физическими, психическим, социальным характеристикам деструктивен и во многих аспектах аналогичен периоду наркотического запоя, который переживает наркозависимый человек. Для достижения цели работы решаются следующие задачи: 1) проанализировать каждую из выше обозначенных областей у индивида, находившегося (или находящегося по сию пору) в тотальном дистанте; 2) сравнить и оценить методы адаптации после выхода из дистант-запоя; 3) обозначить дальнейшие перспективы рассмотрения и решения проблем, созданных дистант-запоем в психологическом, образовательном и юридическом аспектах.

Объект исследования – период пандемии и массового дистанта. *Предмет* исследования – релевантные для направленности данной работы характеристики технозависимой и наркозависимой личности.

Содержание работы структурировано по аспектам рассмотрения проблемы.

Результаты исследования

1. Социальный и социоэмоциональный аспекты

Термин «самоизоляция», внедрённый в нашу жизнь с началом эпохи пандемии, наглядно свидетельствует, что на длительный срок имела место социальная изоляция. Она была обусловлена и ограниченным количеством разрешённых внешних личных контактов, и уходом в сеть как основным методом межличностного общения. Если посмотреть на сравнительно недолгую (в исторической перспективе) предысторию данной проблемы, можно заметить, что то, что произошло в период пандемии, зарождалось и развивалось задолго до её начала. Изоляция наиболее актуализировалась именно в этот период, и не ковид тому виной. Рассмотрим те точки зрения, которые выражались за несколько лет до пандемии, во время неё и появившиеся сразу после её окончания. Например, М. Шпитцер ещё в 2012 г. говорил, что «единственный их [социальных сетей] результат – социальная изоляция. У девочек от 8 до 12 лет была установлена отрицательная взаимосвязь между цифровыми социальными сетями и реальным кругом общения: те, кто имел много виртуальных подруг, имели мало подруг в реальном мире» [8, с. 23, 108]. Об этом же свидетельствуют Е. Ю. Казаринова и А. Б. Холмогорова: «Среди клинических факторов интернет-зависимости особое место занимает высокая социальная тревожность, которая может переходить в социальную фобию» [9, с. 125]. Согласно соци-

ологическому исследованию, проведённому на базе Тюменского индустриального университета осенью 2020 года, т. е. в начале периода дистанта, «32 % опрошенных студентов испытывали ощущение одиночества и социальной изолированности, и 28 % испытывали сложности, возникающие в процессе коммуникации с преподавателем» [10, с. 4]. Говоря о киберпространстве, М. Гриффитс оперирует такими терминами, как «технологические виды зависимости» и «социальная патология» [7, с. 211], а Е. А. Ненюк, ссылаясь на А. Брегмана, употребляет термин «cave-man syndrome» (синдром пещерного человека – И. С.) [4]. Ввиду объективных ограничений объёма работы не будем приводить ещё многие тождественные наблюдения, сделаем лишь некоторые предварительные выводы. Уменьшение количества реальных подруг или друзей и реальных контактов в целом в пользу виртуальных довольно закономерно. Даже в реальном мире. Вряд ли можно встретить человека, у которого 50 или 70 близких друзей или подруг, с которыми поддерживается если не ежедневное, то регулярное и тесное общение. Причина проста: одного человека на всех не хватит. По этой же причине, растрачивая себя на максимально возможное общение в сети, человек лишается времени и сил на реальное общение.

Возникновение социальных фобий тоже вполне объяснимо: вряд ли найдётся в реальном мире место, где так много людей ходят под чужими личинами, представляются чужими именами и ведут образ жизни совершенно противоположный тому, который они демонстрируют, как в киберпространстве. Спрятавшись за аватарками, зная, что тебя вряд ли кто-то найдёт в реальности и о чём-то спросит, очень легко создавать фейк-страницы и лгать. Убедительно лгать при прямом физическом контакте, глядя в глаза, – довольно сложный навык. Не каждый способен успешно с этим справиться: недаром у сотрудников банков и спецслужб проходят тренинги по овладению данной техникой; в виртуальном пространстве сделать это легко, оно само подталкивает к представлению действительности в наиболее выгодном свете для конкретной ситуации и личности. В результате человек, живущий в мире сетевых контактов, существует в атмосфере постоянной лжи, и социофобия формируется как естественная защитная реакция на окружающую социальную действительность, к которой приходится всегда относиться с настороженностью и недоверием.

В силу сильной ограниченности физических контактов в период самоизоляции, большинство из нас максимально «хлебнули» именно виртуального общения, однако, как уже упоминалось, оно было подготовлено и развивалось за несколько лет до наступления пандемии, и, следовательно, было воспринято многими как просто некое ухудшение нормы, но не как её нарушение. В результате, в этот период развивалась социальная патология, схожая с той, которая прогрессирует и у наркозависимой личности: «отчуждение от общества и одиночество» [11, с. 28]. Ещё одна патология, наблюдаемая у обоих типов личности, заключается в том, что нарушается и снижается «такая составляющая эмоционального интеллекта, как эмпатия», и программы выхода из этого состояния «включают в себя тренинги социально-коммуникативной направленности» [12, с. 18, 23]. Здесь же выделяют ещё одно явление – коммуникативную деструкцию, заключающуюся в «стирании границ, барьеров, уважительности общения, снижении уровня глубины коммуникации и неразвитости эмоционального интеллекта» [13, с. 248]. Для краткости и наглядности приведём точки зрения на проблему эмпатии у интернет-зависимых в виде таблицы 1.

Характеристики эмпатии у интернет-зависимых

«Экранные СМИК снижают способность к эмпатии, препятствуют приобретению навыков общения, необходимых для жизни в социуме, что подтверждают многие экспериментальные исследования» [8, с. 168].
«Учитель прилагает больше усилий, чтобы лучше понять учеников и считывать их мимику, жесты, эмоции. «Zoom-истощение», непрерывное частичное внимание <...> проявляются в поведении, взаимоотношениях с учениками, родителями, коллегами, что привело к деформации в профессиональной деятельности и личностном саморазвитии учителя» [14, с. 19].
«Для 79,3 % первокурсников вуза, по данным мониторинга 2020/21 уч. г., выход из зоны комфорта сопровождается не развитием поисковой когнитивной активности, а, напротив, ее снижением. В этой ситуации страдают не только психоэмоциональная, познавательная, но и коммуникативная сферы. Опрос, проведенный в феврале 2021 г., подтверждает, что ухудшаются и взаимоотношения студентов» [15, с. 7].

Далее следует повториться, что возвращение к нормальному состоянию является сложным и небыстрым процессом. Рекомендации некоторых авторов по выходу из этого состояния личности, погружённой в дистант-запой, приведены в таблице 2.

Рекомендации по адаптации после дистант-запоя

«Ещё одним важным фактором успешной адаптации студентов <...> является помощь в расширении их поведенческого репертуара <...> в учебных группах следует проводить рефлексивные мероприятия опережающего характера под руководством куратора или психолога» [15, с. 209].
«Педагог создаёт и транслирует вокруг себя особенную среду, обеспечивая базисную потребность в социализации, самореализации, саморазвитии» [14, с. 8].
«К моменту возвращения к очным занятиям <...> некоторое количество студентов утратило способность к коллективному взаимодействию. <...> задача преподавателя состоит в том, чтобы разрушить психологический барьер и создать безопасную и комфортную среду для студентов» [4, с. 189-190].

2. Когнитивный аспект

Цель данного раздела – показать, что технозависимость никак не улучшает, а, напротив, снижает когнитивные способности человека.

Начнём с самых безобидных примеров, связанных с успеваемостью. Об ухудшении успеваемости говорит М. Шпитцер, ссылаясь на результаты тестирования, проводимого раз в три года Международной программой по оценке успеваемости учащихся (Programme for International Student Assessment (PISA), которые показали, что «наличие в доме компьютера приводит к ухудшению успеваемости» [8, с. 22]. Схожие результаты неожиданно получила С. Маусхарт в результате эксперимента с собственными детьми-подростками, когда на шесть месяцев запретила им пользоваться дома любыми электронными устройствами с экраном: успеваемость школьников за эти полгода улучшилась [16]. Причина, которую данные исследователи приводят, одна – повышенная концентрация при выполнении заданий благодаря

отсутствию *многозадачности* и отвлекающих факторов, таких как постоянно звучащая фоновая музыка, либо необходимость регулярно отвечать на сообщения в мессенджерах, отвлекаться на всплывающие новостные сообщения, либо (что наиболее часто наблюдается у школьников) компьютерные игры.

Следующие примеры касаются электронных цифровых средств, используемых для самообучения. Отметим лишь те наблюдения, которые относятся к сфере наших профессиональных интересов, а именно – изучению иностранных языков. Обилие мультимедийных обучающих программ, таких как Duolingo, Lingualeo, HelloTalk и др., и их популяризация привели к тому, что многие студенты, а также родители, желающие, чтобы их дети обучались по самым современным методикам и самыми современными средствами, начали активно их использовать в полной уверенности, что сами они или их дети добиваются значительного прогресса в знаниях, регулярно уделяя время выполнению упражнений, предлагаемых данными программами. Как показывают наблюдения, сделанные и в доковидный период, и во время него, реального прогресса и расширения знаний данные программы, основанные на взаимодействии с экраном в отсутствие личного контакта, не дают. Нельзя сказать, что они наносят вред, но их использование подобно «топтанию на месте», несмотря на то, что пользователи уверены в своем реальном прогрессе. Этот прогресс можно сравнить с достижениями компьютерного игрока, который в игровом процессе учится стрелять из лука, арбалета, лазить по горам, убивает драконов и завладевает охраняемыми монстрами сокровищами, но... в реальной жизни ничего не меняется. Действительные результаты заметны только у производителей подобного рода обучающих программ, поскольку, как правило, только первые несколько модулей предоставляются бесплатно, а за полную версию и активное использование приходится платить. Здесь возникает вопрос: зачем платить, если «non progredi est regredi» (Если вы не развиваетесь, вы деградируете (лат.)?)

В силу того, что статья носит теоретический и обзорный характер, автором не проводились отдельные испытания или эксперименты, и, соответственно, можно привести лишь результаты включенного наблюдения, которые могут стать объектом будущих исследований об эффективности электронных средств обучения. Однако, чтобы не быть голословным, можно сослаться на данные эксперимента 2003 г. учёных из Калифорнии, задачей которого было изучить способность младенцев различать звуки иностранного языка: их родного английского и китайского. Испытуемых разделили на две группы: одни обучались китайцами – носителями языка при личном контакте, а другим записали и дали прослушать или просмотреть видео того же курса на дисках, при том время медийного обучения было одинаковым в первом и во втором случаях. «Затем провели контрольную процедуру. Оказалось, что электронные средства информации *ничему не научили*» [8, с. 124]. Положительный результат был лишь у тех испытуемых, которых обучали лично. Следовательно, когда один подросток хвастается, насколько он улучшил свою стрельбу из лука и сколько драконов убил в компьютерной игре, а другой с гордостью заявляет, сколько он провёл времени за Lingualeo, естественной реакцией является посоветовать обоим провести это время с большей пользой, например, на пляже или на прогулке с друзьями.

Если вышеприведённые исследования подчёркивают в основном бесполезность электронных средств обучения, то более поздние явно свидетельствуют об их вреде для когнитивной сферы. Адриан Ф. Уорд с соавторами в своей статье

2017 г. «Слив мозга: одно лишь присутствие смартфона снижает ваши когнитивные способности» описывают эксперимент, студенты-участники которого были разделены на три группы и прошли тестирование на возможности оперативной памяти (Automated Operation Span task (OSpan) – задача на автоматическое запоминание цифр) и подвижный интеллект (Raven’s Standard Progressive Matrices – Тест прогрессивные матрицы Равена). Всем трём группам во время тестирования было запрещено использовать любые устройства и их телефоны: первая группа оставила телефоны в другой комнате, вторая могла взять с собой в сумке или кармане, а третья группа могла взять телефоны и положить на стол перед собой. Результаты исследования представлены ниже в виде рисунка 1.

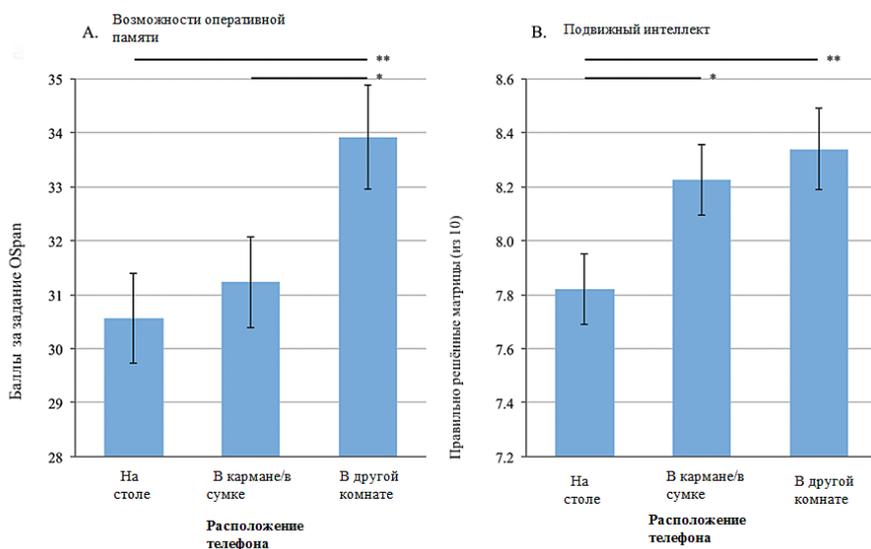

Рисунок 1. Результаты тестирования на возможности оперативной памяти и подвижный интеллект.

Как видно на рис. 1, наихудшие результаты показали те, у кого телефон лежал перед глазами на столе, заметно лучше – те, кто не видел телефон, и он был либо в сумке, либо в кармане, и ещё лучше были результаты у тех, кто оставил своё устройство в другом помещении. Соответственно, «чем ближе расположение смартфона, тем меньше становятся доступные когнитивные способности» [17, с. 145]. Проще говоря, чем ближе к человеку находится телефон в процессе выполнения какого-либо интеллектуального задания, чем выше потенциальная возможность им воспользоваться, тем сильнее снижаются интеллектуальные способности данного индивида, тем глупее он становится. В более общей и мягкой форме авторы формулируют свои наблюдения так: «... что одно лишь присутствие смартфона негативно сказывается на двух основных показателях когнитивных способностей – доступной оперативной памяти и подвижного интеллекта – даже когда участники эксперимента не используют свои телефоны и говорят, что и не думают о них» [17, с. 143]. На это уже указывали более ранние исследования. М. Шпитцер, ссылаясь на эксперимент-тестирование, проведенное американским психологом Бетси Спарроу и ее сотрудниками, показывает, что на простые вопросы теста испытуемые от-

вечали сразу, но как только возникал сложный вопрос – вместо того, чтобы думать над его разрешением, испытуемый мгновенно вспоминал об интернете или поисковой системе, способной быстро дать ответ на этот вопрос. Создаётся впечатление, что при решении сложных задач интеллектуальные усилия направлены не на активизацию памяти или логики, а «нас специально запрограммировали на то, чтобы обращаться к компьютеру, когда мы сталкиваемся с пробелами в знаниях» [8, с. 86].

Доступность информации, а особенно её постоянная мобильная доступность, подсознательно настраивает на то, чтобы ничего не запоминать. Отсутствие необходимости тренировать нашу память приводит к снижению способностей к запоминанию и к её атрофированию, что неизбежно сказывается на умственных способностях в целом. Многозадачность и распыление внимания провоцируют стресс, а отсутствие реального прогресса, например, при изучении иностранного языка, несмотря на немалые временные и финансовые затраты на электронные средства обучения, вызывает разочарование. Добавим к этому социальную изоляцию, одиночество, постоянный недостаток реальной коммуникации. Здесь следует упомянуть эксперимент С. Маусхарт, в начале которого её дети, лишённые всех электронных средств с экраном, постоянно жаловались на то, что им нечем заняться, что им *скучно* [16], что некоторые исследователи характеризуют как развитие ангедонии у интернет-зависимых лиц, то есть «слабой способностью испытывать удовольствие, что является характерной чертой депрессивных расстройств» [18, с. 59]. Одновременное воздействие всего набора этих факторов приводит к тому, что всё большее число исследователей стало называть «цифровая *деменция*» или «цифровое слабоумие» [8; 19; 20]. Вызывает тревогу, что схожий итог подтверждается наблюдениями психологов над наркозависимой личностью, которые говорят о «когнитивном дефиците и искажениях» [12, с. 23]; об «этапах снижения личности, психопатизации и *деменции*» [11, с. 36].

Завершить данный раздел хотелось бы одним бытовым наблюдением, которое многие наверняка уже сделали, а если ещё не обращали пристального внимания, могут легко сделать в повседневной жизни. Если незаметно записать на диктофон речь регулярно употребляющего ПАВ человека, который рассказывает или описывает какое-то событие (даже не находясь в конкретный момент времени под воздействием наркотических средств), то при последующем анализе стенограммы данного речевого сообщения можно отметить наличие длительных пауз между фразами, предложениями, смысловыми отрезками, которые в приличной форме чаще всего заполняются словами-паразитами «ну», «это», «значит», «понимаешь», а в неприличной форме – попросту матом. Если вы запишете молодого человека, живущего в сети и тоже описывающего какой-либо процесс или событие, и проанализируете стенограмму его/её речевого сообщения, вы заметите то же самое: обилие пауз между смысловыми отрезками, заполняемых в неприличном варианте матом, а в приличном варианте – теми же словами-паразитами, наиболее популярными из которых являются словосочетания «типа» или «как бы». Данное сообщение всё чаще заканчивается мощной экспрессивной фразой, несомненно, родившейся в результате тщательного изучения русского языка и глубокого анализа его деривационных связей – вершиной русского речевого словотворчества 20-х годов XXI века, а именно выражением «вообще – от слова совсем»!

Вывод, который можно сделать в конце данного раздела, неутешителен: жизнь в сети, или нескончаемый дистант-запой, провоцирует то же, что и наркотический запой – развитие приобретённого слабоумия или деменции.

Обсуждение

Приведённые в предыдущих разделах наблюдения и выводы неоднократно указывали на сходство, а в некоторых аспектах тождественность интернет-зависимости и наркозависимости. Исследования, проведённые зарубежными нейробиологами, свидетельствуют, что в обоих типах зависимости немалую роль играет «нейромедиатор дофамин» [8, с. 234]. Как отмечают китайские учёные, «большая активация мезолимбического дофамина в нейронных сетях головного мозга, ответственных за поощрение или вознаграждение, была также обнаружена как у наркозависимых, так и у зависимых от интернета и компьютерных игр (IGD)². Проведённые с помощью МРТ исследования височной области говорят, что реакция на игровые стимуляторы у зависимых от интернета и компьютерных игр может быть схожей с реакцией на наркотические стимуляторы у лиц, зависимых от ПАВ» [21, с. 283–284]. Наблюдения учёных из Израиля подтверждают, что «компьютерные игры связаны с высвобождением дофамина, схожего по объёму с тем, какой происходит при употреблении наркотиков» [22, с. 314].

Многие участники образовательного процесса в период непрерывного использования в основном средств массовой информации и коммуникации во время дистанта мечтали вернуться к привычной, аудиторной работе, но далеко не все. Не пытаясь кого-либо уличить или обвинить, можно высказать предположение о формировании определённой интернет-зависимости, когда индивид настолько привык к экранному способу преподавания или обучения, что чувствует себя комфортно, воспринимая это уже как норму. Формирование интернет-зависимости часто происходит помимо воли человека, и некоторые учёные в последнее время уделяют внимание генетическому фактору формирования такой зависимости. В частности, учёные пока с осторожностью делают такие предварительные выводы, что «наличие генетического компонента формирования интернет-зависимости было убедительно показано близнецовыми исследованиями на примере различных популяций, однако к настоящему времени конкретные гены, вовлеченные в механизмы такой наследуемости, точно не идентифицированы» [18, с. 61]. Таким образом, психологическая и нейробиологическая области интернет-зависимости могут являться предметом дальнейших исследований соответствующих специалистов.

Ещё один аспект, который был лишь вскользь упомянут в работе, поскольку не является предметом исследования, – это экономическая, даже политэкономическая составляющая проблемы цифровизации. М. Шпитцер называл в качестве основной причины распространения и популяризации цифровизации желание большого числа людей заработать на цифровых продуктах большие деньги. В нашей стране

² IGD – Internet gaming disorder – термин, употребляемый некоторыми авторами в отношении лиц, имеющих технoзависимость. В контексте данной статьи переводится описательно, т. е. «зависимость от интернета и компьютерных игр», дословно его можно перевести, как «интернет-игровое расстройство»; по-видимому, данный новый термин создан авторами по аналогии с термином OCD – obsessive compulsive disorder, обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) – психическое расстройство, для которого характерны навязчивые мысли и повторяющиеся действия. (Прим. автора)

данный вопрос подробно изучает А. Швабауэр, указывающая, что «реформой образования в России плотно занимается Сбербанк. Его основной целью является извлечение прибыли» [19, с. 82]. В документе «Будущее образования: глобальная повестка» прямо говорится о том, что «образование – это «нераспакованная» отрасль на многие миллиарды долларов, и первые, кто в нее пойдет, получают шанс захватить этот огромный рынок» [23, с. 7].

Получается, что и в Европе, и в России, когда речь идёт о миллиардах долларов прибыли, на психические и физические составляющие формирования интернет-зависимости, на низкую эффективность экранного обучения никто не обращает внимания, или обращает, но замалчивает. В период дистанта многие частные компании смогли в короткие сроки реализовать свою основную цель – максимальное извлечение прибыли за относительно короткое время. При том, это осуществлялось как бы само собой, и расходы на материально-техническое обеспечение своей работы многими преподавателями и студентами были восприняты как сопутствующие и необходимые, почему сетования на подобного рода затраты практически не нашли своего отражения в соответствующей литературе, однако не ускользнули от внимания социологов. Так, исследование мнения преподавателей вузов России о дистанционном обучении, проведённое И. А. Алешковским и др. в мае – июне и декабре 2020 г., показывает, что «более половины (56,5 %) опрошенных преподавателей указали, что имели дополнительные материальные затраты при работе в дистанционном формате. Детализируя их спектр, респонденты отмечали в первую очередь расходы на приобретение гарнитуры для ведения занятий (наушники, микрофоны, камеры), а также расходы на организацию связи (подключение Интернета или изменение условий пакетов доступа)» [24, с. 131].

Помимо экономического и политического вопросов, А. Швабауэр затрагивает правовое регулирование цифровизации образования. Говоря о документе «Будущее образования: глобальная повестка», предписывающем перестройку образования в пользу цифровой сферы, чаще принудительными методами, она призывает «криминологов обращать особое внимание на подобные методические документы» [19, с. 82]. Кроме того, внимание обращается на внедрение цифрового контроля через массовый сбор персональных данных и формирование цифрового портфолио школьников, что угрожает «неприкосновенности частной жизни» [19, с. 85].

В рамках нашей работы экономический, политический и юридический аспекты упоминаются как те, которые предстоит ещё изучить применительно к цифровизации образования; а поскольку во время длительного периода всеобщего дистанта мы привыкли (или нас приучали) к мысли, что так тоже можно, это нормально, так и будет дальше в той или иной форме, то эти аспекты никак нельзя обойти, поскольку они уже нас коснулись напрямую и остаются с нами по сей день. В любом случае, сегодня при отсутствии социальной изоляции и ограничительных мер, цифровая среда с нами повсюду, и мы активно взаимодействуем с нею во многих сферах, и не только образовательной.

Заключение

Проведённое в работе сравнительное исследование представляет взгляд на дистанционное обучение большинства участников образовательного процесса с многих сторон – социальной, эмоционально-психологической, когнитивной, физиологической. Направление исследования задано концепцией В. И. Вернадского, со-

гласно которой рост научного знания, начавшийся в XX в. и бурно продолжающийся в XXI в., «стирает грани между отдельными науками, и мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам, что позволяет расширять охват изучаемого явления со всех точек зрения» [25, с. 67].

Аналогии, проведённые в статье между интернет-зависимостью и зависимостью от психоактивных веществ, позволяют сделать идентичные наблюдения и выводы об их воздействии на разные аспекты личности, им подверженной. Нейробиологи нашли подтверждения схожим реакциям мозга и нервной системы на стимуляторы, возникающие при интернет-зависимости и наркозависимости; специалисты в области социо-гуманитарных наук выделяют одинаковые социальные патологии и нарушения в эмотивной сфере личности при обоих типах зависимости, схожие методы реабилитации при выходе из наркотического или дистант-запоя; специалисты по психиатрии и медицине говорят об одном итоге как длительной интернет-зависимости, так и длительного регулярного употребления наркотических веществ – интеллектуальной деградации и деменции. Можно утверждать, что период дистанционного обучения, который мы пережили во время пандемии, допускается назвать вынужденным длительным дистант-запоем, выход из которого не менее сложен и долгов, чем было погружение в него. По возвращении к привычному, очному формату обучения многие испытали или продолжают испытывать так называемый «стресс выздоровления» (термин В. В. Постнова) [26]. По силе воздействия на разные аспекты личности, как было показано в работе, дистант-запой сравним с наркотическим. Само же цифровое обучение во время всеобщего дистанта было бы более справедливо назвать не термином «образование», а тем, как предлагает его называть А. Швабауэр, – «цифровое информирование» [19, с. 83].

Для преодоления последствий дистанта, по мнению И. В. Легостаевой, «особую актуальность приобретают альтернативные формы поддержания психофизиологического и социального благополучия студенчества, носящие антикризисный характер <...> внедрение программ и центров психологической помощи» [10, с. 10]. Опираясь на данные 2021-го года, данный исследователь показывает, что «далеко не во всех российских высших учебных заведениях были разработаны, своевременно внедрены и качественно реализованы программы психологической помощи студентам в сложной учебной и социально-психологической ситуации» [Там же. С. 5]. Лишь несколько центров в нашей стране предложили психологическую поддержку в период коронавируса и после него, в основном же граждане России проходят реабилитацию «народными средствами», в то время как, например, в Китае уже созданы «субсидируемые правительством центры реабилитации от интернет-зависимости» [18, с. 58–59]. Последствия перенесённого дистант-запоя ещё предстоит оценить, на что могут быть направлены дальнейшие исследования данной проблемы в её многочисленных аспектах.

Ссылки

1. Особенности психологического стресса у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID 19 / А. В. Петракова, Т. Н. Канонир, А. А. Куликова, Е. А. Орел // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 93–114. DOI 10.17323/1814-9545-2021-1-93-114.
2. Schonfeld I. S., Bianchi R., Luehring-Jones P. Consequences of Job Stress for the Mental Health of Teachers // T. McIntyre, S. McIntyre, D. Francis (eds) Educator Stress. Aligning Perspectives on Health, Safety and Well-Being. Springer. 2017. P. 55–75. DOI 10.1007/978-3-319-53053-6_3.

3. Барило Т. М. Плюсы и минусы дистанционного обучения в музыкальной школе. Мончегорск // Детская музыкальная школа им. М. М. Сакадынца [2020]. URL: https://monch-dmsh.murm.muzkult.ru/media/2020/11/23/1245112155/Doklad_Barilo_noyabr_2020.pdf?ysclid=lutyccb100172818911 (дата обращения: 30.12. 2023).
4. Ненюк Е. А. Новая нормальность. Переход к очному обучению после пандемии. Проблемы, выводы, рекомендации // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94) С. 188–191.
5. Ivanov S. S., Zolotova M. V., Sidneva T. B. Teacher's Identity in Online ESP and Music Education. Teacher's Primus Inter Pares Factor // In: Rumyantseva A., Plotnikov V., Minin A., Anyigba H. (eds) Challenges and Solutions in the Digital Economy and Finance. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. 2022. P. 145–154. DOI 10.1007/978-3-031-14410-3_16.
6. Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 1992. № 2. С. 8–15.
7. Griffiths M. D. Does Internet and Computer «Addiction» Exist? Some Case Study Evidence // CyberPsychology & Behavior. 2000. Vol. 3, № 2. P. 211–218. DOI 10.1089/109493100316067.
8. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / Пер. с немецкого А. Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 288 с.
9. Казаринова Е. Ю., Холмогорова А. Б. Предпочитаемый контент в интернете и социальная тревожность как факторы интернет-зависимости у подростков и студенческой молодежи // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13, № 2. С. 123–139. DOI 10.17759/psyedu.2021130208.
10. Легостаева И. В. Отношение студенческой молодежи к дистанционному формату обучения в условиях пандемии: социологический анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Том 12, № 2. С. 1–12. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17SCSK221.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).
11. Мехтиханова Н. Н. Психология зависимого поведения. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 122 с.
12. Зенцова Н. И. Когнитивные факторы психосоциальной адаптации у лиц, зависимых от алкоголя и героина: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 25 с.
13. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. В. Синяков, А. А. Азаров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228–251. DOI 10.14515/monitoring.2019.1.11.
14. Проблемы уровня психологического здоровья учителей в постковидный период / Г. М. Ракишева, Д. В. Лепешев, Д. С. Сабитова, М. Б. Жантемирова // Наука и реальность. 2022. № 1. С. 7–28. EDN BNKNQS.
15. Миронов И. П., Белозёрова Т. А. Адаптация студентов вуза к учебному процессу в посткарантинный период обучения // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Том 28, № 2. С. 200–212. DOI 10.15826/izv1.2022.28.2.039.
16. Maushart S. The winter of our disconnect: how three totally wired teenagers (and a mother who slept with her iPhone) pulled the plug on their technology and lived to tell the tale. London: Profile, 2011. 278 p.
17. Ward Adrian F., Duke K., Gneezy A., W. Bos M. Brain Drain: The Mere Presence of One's Own Smartphone Reduces Available Cognitive Capacity // Journal of the Association for Consumer Research. University of Chicago Press. 2017. Vol. 2. P. 140–154.

18. Терещенко С. Ю., Смольникова М. В. Нейробиологические факторы риска формирования интернет-зависимости у подростков: актуальные гипотезы и ближайшие перспективы // Социальная психология и общество. 2020. Том 11, № 1. С. 55–71. DOI 10.17759/sps.2020110104
19. Швабауэр А. В. Цифровизация образования: правовое регулирование, цели и риски, направления совершенствования законодательства // Криминологические отрасли. Криминология науки и образования. Основной доклад беседы «Преступность сферы науки и образования» от 21 мая 2021 г. № 4 (59) 2020. С. 73–88. [2020]. URL: <https://ouzs.ru/upload/iblock/da3/da37eae25448e5c5cebb72c6661dc214.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).
20. Стрельникова Л. Цифровое слабоумие // Химия и жизнь. 2014. № 12. URL: <https://hij.ru/read/issues/2014/december/5210/> (дата обращения: 04.12.2020).
21. Alterations in functional networks during cue-reactivity in Internet gaming disorder / S. S. Ma, P. D. Worhunsky, J. S. Xu et al. // Journal of behavioral addictions. June 2019. Vol. 8, No. 2. P. 277–287. DOI 10.1556/2006.8.2019.25.
22. Weinstein A., Livny A., Weizman A. New developments in brain research of internet and gaming disorder // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. April 2017. Vol. 75. P. 314–330. DOI 10.1016/j.neubiorev.2017.01.040.
23. Лукша П., Песков Д. Будущее образования: глобальная повестка // Вклад в будущее [2013]. URL: <https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3eeae0b4d37ce157f622aea.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).
24. Высшая школа России: вынужденный дистант и плановый переход на удалённый формат в период пандемии (опыт социологического анализа) / И. А. Алешковский, А. Т. Гаспаришвили, О. В. Крухмалева, Н. П. Нарбут, Н. Е. Савина // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 120–137. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-5-120-137.
25. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
26. Постнов В. В. Расстройства адаптации у больных алкоголизмом в ремиссии: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Оренбург, 2003. 28 с.

Reproductive attitudes of youth

N. V. Ovchinnikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a sociological study aimed at identifying the reproductive attitudes of young people, namely: the study of the desire and willingness of young people to have children, ideas about the ideal, desired and expected number of children in the family, the identification of barriers affecting the decision to have a child. The place of reproductive attitudes in the system of life values of young people has been determined. The factors influencing the reproductive attitudes of young people are described. The empirical basis was the results of the author's sociological research conducted by the method of Internet questionnaire in the period (n= 200), on the target sample. Respondents aged 18 to 35 were interviewed. According to the results of the study, it was found that young people mostly perceive the birth of children positively: thoughts about children and pregnancy cause pleasant feelings, and motherhood is not associated with material difficulties. At the same time, the majority of respondents share the mindset of having no more than two children, and postponing the birth of the first child until the age of 25-29. Among the factors determining the reproductive attitudes of young people are marital status, the model of the parent family and the level of education. It is particularly necessary to note the difficulties faced by young people after the birth of children: the social well-being of young parents, as well as the financial situation. Based on the results of the study, recommendations are proposed for optimizing measures of socio-demographic policy in the field of fertility and family.

Keywords: youth; family; life values; reproductive attitudes; fertility; socio-demographic policy

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ovchinnikova, Natalia V. | E-mail: nv.lyusina@yandex.ru
| Cand. Sc. (Sociology)

For citation: Ovchinnikova N. V. Reproductive attitudes of youth // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 202-217. (in Russ.)

Репродуктивные установки молодежи

Н. В. Овчинникова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217
УДК 314.3

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление репродуктивных установок молодых людей, а именно на изучение желания и готовности молодых людей иметь детей, представлений об идеальном, желаемом и ожидаемом количестве детей в семье, выявление барьеров, влияющих на принятие решения о рождении ребенка. Определено место репродуктивных установок в системе жизненных ценностей молодежи. Описаны факторы, влияющие на репродуктивные установки молодежи. Эмпирической базой выступили результаты авторского социологического исследования, проведенного методом интернет-анкетирования, на целевой выборке ($n = 200$). Опрошены респонденты 18–35 лет. По результатам исследования установлено, что молодежь преимущественно позитивно воспринимает рождение детей: мысли о детях и беременности вызывают приятные чувства, а материнство не ассоциируется с материальными сложностями. Вместе с тем большинство респондентов разделяет установку на рождение не более двоих детей, а появление первого ребенка откладывает до 25–29 лет. Среди факторов, определяющих репродуктивные установки молодежи: брачный статус, модель родительской семьи и уровень образования. Среди трудностей, с которыми сталкиваются молодые люди после рождения детей: социальное самочувствие молодых родителей, а также материальное положение. На основе результатов исследования предложены рекомендации для оптимизации мер социально-демографической политики в области рождаемости и поддержки семьи.

Ключевые слова: молодежь; семья; жизненные ценности; репродуктивные установки; рождаемость; социально-демографическая политика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Овчинникова, Наталья Владимировна

E-mail: nv.lyusina@yandex.ru

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Для цитирования: Овчинникова Н. В. Репродуктивные установки молодежи // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 202–217.

Актуальность изучения репродуктивных установок молодежи высока в условиях снижения рождаемости в России. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2022 году в России родился 1,4 млн человек [1]. В 2023 году рождаемость по сравнению с 2022 годом снизилась на 3,0 %. Для сравнения: в 2016 году данный показатель составил 1,76 млн человек. За истекшие 20 лет практически схожее количество новорожденных в России было зафиксировано в 2006 году – 1,305 млн [2].

Существование проблемы низкой рождаемости признают как граждане страны, так и субъекты принятия управленческих решений.

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Согласно данным опроса, проведенного Фондом Общественное мнение в 2023 году, 37 % респондентов полагают, что уровень рождаемости в России сейчас низкий; 80 % – считают, что его следует повышать [3].

Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию в 2021 году поручил скорректировать проводимую демографическую политику. Так, расширена и продлена до 2026 года программа материнского капитала. Правительству дано поручение подготовить целостную систему мер поддержки семей с детьми [4]. В Послании Президента Федеральному собранию 2024 года поддержка семей с детьми определена как фундаментальный нравственный выбор. При этом подчеркивается, что «большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром для всей государственной стратегии» [5]. С целью поддержки рождаемости и повышения качества жизни семей с детьми инициирован национальный проект «Семья» [5]. Помимо этого, продолжается реализация проекта «Демография», одной из целей которого является улучшение благосостояние семей за счет мер финансовой поддержки при рождении детей [6].

Демографические перспективы России во многом зависят от репродуктивных установок молодых людей. Однако под влиянием изменений, произошедших в российском обществе, у молодежи сформировались репродуктивные установки, которые не во всем соответствуют задачам проводимой демографической политики.

В частности, социологи Ю. Р. Вишневский и М. В. Ячменева отмечают тенденции изменения отношения молодежи к институту семьи и смещение ценностных ориентациях в сторону материальных ценностей [7]. Кроме того, происходят изменения и в семейно-ролевых позициях современной молодежи, а именно уход от традиционных представлений о ролях мужа и жены в семье, в которой главенствующая роль отводилась мужчине как кормильцу, а женщина являлась хранительницей очага, ответственной за воспитание детей и выполнение домашних обязанностей. Трансформировалась семейно-ролевая структура: женщины стали строить карьеру наравне с мужчинами, участвовать в общественной жизни, домашние обязанности чаще всего стали распределяться поровну, а решения приниматься вместе [8; 9]. Г. Г. Силласте подчеркивает, что в XXI веке формируется новый гендерный порядок, предполагающий равенство мужчин и женщин [10]. Согласно результатам исследования Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова, О. В. Сорокина, современные женщины все чаще откладывают материнство в целях профессионального становления и развития, а также закрепления на рабочем месте, пытаясь таким образом снизить карьерные риски и потери, связанные с рождением ребенка [11]. В свою очередь, О. В. Рыбакова, Ю. В. Мокерова, А. Д. Гурарий отмечают, что в «молодежной среде наблюдается значительная трансформация устоявшихся в старших возрастных категориях поведенческих паттернов – уход от расширенной семьи, распространение ценности индивидуализма, появление идеологии отложенного родительства и чайлдфри» [12, с. 48]. В работе С. Ю. Сивоплясовой подчеркивается значимость изучения репродуктивных намерений молодых людей в связи с тем, что молодое поколение часто противоречиво в своих суждениях о разных аспектах жизни, в том числе и в репродуктивном выборе [13].

В связи с этим важно изучить готовность и желание молодых людей иметь детей, их отношение к деторождению, выявить причины отказа от рождения детей и установки на многодетность. Особое направление исследования связано с выявление места репродуктивных установок в системе жизненных ценностей молодежи.

Кроме того, важно определить факторы формирования тех или иных репродуктивных установок. Можем предположить, что в качестве одного из факторов выступает оценка молодежью системы мер проводимой государством политики в области поддержки рождаемости и семей с детьми.

Для решения поставленных задач в период с 04 по 18 мая 2023 года в Ярославле и Ярославской области проведен интернет-опрос молодежи от 18 до 35 лет. Всего опрошено 200 респондентов. Выборка целевая с обеспечением равного представительства по полу. Среди участников опроса 69,5 % не имеют детей, 16 % имеют одного ребенка, 11 % – двоих детей, 3,5 % – троих детей. Проведение опроса на территории Ярославля и Ярославской области объясняется тем, что в регионе наблюдается снижение рождаемости. Так, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области, в 2021 году было зафиксировано на 937 человек меньше, чем в 2019 [14]. В январе–мае 2023 года по сравнению с 2022 годом также происходит снижение числа родившихся [15].

Статистическая обработка данных производилась с помощью программы IBM SPSS Statistics 25 посредством составления частотных таблиц и таблиц сопряженности.

Семья и дети в системе жизненных ценностей и планах молодежи

Полученные результаты позволили сделать вывод, что создание семьи и рождение детей не относится к числу приоритетных жизненных ценностей молодежи (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Что наиболее важно для Вас сегодня?»¹

Варианты ответов	Распределение ответов, %
Здоровье	74,0
Материально обеспеченная жизнь	68,5
Любовь	46,0
Активная деятельная жизнь	42,5
Интересная работа	38,5
Жизненная мудрость	35,5
Счастливая семейная жизнь	33,0
Продуктивная жизнь	25,5
Развитие	25,5
Уверенность в себе	22,0
Свобода	19,0
Познание	17,5
Наличие хороших и верных друзей	17,0
Красота, природа и искусство	13,0
Творчество	11,5
Удовольствие	10,0
Счастье других	6,5
Общественное признание	6,0

¹ Закрытый вопрос, респонденты могли выбрать не более пяти вариантов ответа

Наиболее важным в жизни для молодых людей в настоящее время является здоровье (физическое и психическое) – 74 %; материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений) – 68,5 %; любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) – 46 %; активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни) – 42,5 %; интересная работа – 38,5 %. Ценность счастливой семейной жизни занимает седьмое место. Отметим, что счастливую семейную жизнь как ценность рассматривают респонденты, которые уже состоят в браке. Те, кто не состоит в браке, чаще отмечают ценность любви.

Большинство опрошенных нацелены сначала на получение образования и построение карьеры (74 %), и только затем – на планирование рождения детей. Лишь для 8 % опрошенных рождение детей является приоритетной жизненной целью (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«На что Вы ориентируетесь в первую очередь?»²**

Варианты ответов	Первое что сделал (планирую сделать), %	Второе что сделал (планирую сделать), %	Сделал (планирую сделать) в последнюю очередь, %
Получение образования	58,0	24,0	18,0
Построение карьеры	34,0	58,0	8,0
Планирование рождения детей	8,0	18,0	74,0

Таким образом, у молодежи ценность создания семьи и рождения детей уступает получению образования, работе и карьере.

Большая часть ярославской молодежи планирует рождение ребенка в возрасте 25–29 лет (45 %), 15 % – от 30 до 34 лет, 13,5 % - не планируют рождение детей совсем (табл. 3).

Таблица 3

Планируемый возраст рождения первого ребенка среди молодежи

В каком возрасте вы планируете рождение детей? (если уже есть дети, то в каком возрасте появился первый ребенок?)	Распределение ответов, %
До 19 лет	3,0
От 20 до 24 лет	12,5
От 25 до 29 лет	45,0
От 30 до 34 лет	15,0
От 35 до 39 лет	5,0
Как получится	5,5
Не планирую	13,5

² Респондентам предлагалось пронумеровать предложенные варианты в порядке очередности от 1 до 3, где 1 – первое что сделал/ла (бы), а 3 – сделал/ла (бы) в последнюю очередь»

Средний планируемый (реальный) возраст рождения первого ребенка среди молодежи равен 27,49 лет (без учета не планирующих детей и тех, для кого возраст при рождении первого ребенка не имеет значения).

Среди респондентов, имеющих одного ребенка, средний возраст появления первого ребенка – 24,97 года; среди имеющих двоих детей – 24,95 года; среди имеющих троих детей – 21,29 года. Соответственно, чем раньше появился первый ребенок, тем больше детей в семье.

У опрошенных, не имеющих детей, средний планируемый возраст рождения ребенка равен 29,28 лет, тем самым, у них первый ребенок родится почти на пять лет позже, чем у тех, у кого уже есть дети.

Отметим, что 13,5 % опрошенных не планируют рождение ребенка. Чаще всего подобную установку разделяют респонденты 24–26 лет (25,93 %); реже других – опрошенные в возрасте 30–32 лет (7,41 %).

Оптимальным возрастом для рождения ребенка для женщины большинство респондентов считают 25–29 лет (59,5 %), от 20 до 24 лет (29,5 %), от 30 до 34 лет (10 %) и 1 % – от 35 до 39 лет. Оптимальный возраст появления первого ребенка для мужчины – 25–29 лет (58,5 %). Однако происходит смещение к более старшему возрасту: 32 % опрошенных называют возраст 30–34 года; 7 % – 20–24; 2,5 % – 35–39 лет. По мнению молодежи, наилучшим возрастом для женщины является 26,13 лет, а для мужчин – 28,5 лет. Тем самым молодежь ориентирована на рождение детей в более позднем возрасте.

В целом большинство молодых людей положительно относится к родительству и планирует детей в будущем. Сделанный вывод подтверждается содержанием эмоционального компонента репродуктивных установок (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Согласились бы Вы со следующими утверждениями о детях?»
(в % от числа опрошенных)**

Утверждения:	«5» Полностью согласен	«4» Скорее согласен	«3» Трудно сказать	«2» Скорее не согласен	«1» Совершенно не согласен
«Беременные женщины и женщины с детьми вызывают у меня умиление»	22	28	24	14	13
«Дети раздражают меня»	4	14	14	34	35
«Испытываю приятные чувства, глядя на игру детей»	29	37	20	9	5
«Рождение ребенка открывает новые перспективы в саморазвитии, творчестве и работе»	15	28	31	16	11
«Материнство тормозит развитие женщины»	5	15	21	32	28
«В современных условиях, имея детей, легко самореализоваться»	15	35	22	19	11
«Женщина, имеющая детей, не может добиться успеха»	1	5	14	25	56

Беременные женщины и женщины с детьми вызывают умиление у половины опрошенных. Испытывают приятные чувства, глядя на игру детей, 68 % молодых людей. С утверждением «Дети раздражают меня» не согласны 69 % опрошенных. Это означает, что в целом у молодежи мысли о детях и беременности вызывают положительные эмоции.

Стоит отметить, что материнство у молодых людей ассоциируется не со сложностями, а, наоборот, с самореализацией и саморазвитием. По мнению опрошиваемых, «рождение ребенка открывает новые перспективы в саморазвитии, творчестве и работе» (43 %). Более половины опрошенных (60 %) не согласны с тем, что материнство тормозит развитие женщины. Половина молодых людей считает, что в современных условиях, имея детей, легко самореализоваться. Большинство респондентов (81 %) считает, что женщина, имеющая детей, может добиться успеха. Отвечая на вопрос «Дети для Вас – это?» большинство молодых людей использовали определения: «счастье и радость» (67,5 %), «наследники и продолжатели рода» (50,5 %), «обязательная часть семьи» (37,5 %), «цветы жизни» (28 %).

Таким образом, молодежь убеждена в том, что родительство в современных условиях не может мешать самореализации и развитию. Дети вызывают у них позитивные чувства и воспринимаются как «счастье и радость». Однако, как показывают результаты исследования, молодые люди хотят «подготовить почву» перед рождением детей – получить образование и построить карьеру. Возможно, по этой причине они и откладывают рождение первого ребенка до 25–29 лет.

Факторы формирования репродуктивных установок молодежи

Более половины молодых людей (51 %) считают, что дети – предназначение брака, они укрепляют семью. О том, что любовь и забота о детях – смысл жизни, говорят 43 % опрошенных. Для 38 % респондентов это большое счастье. Еще четверть опрошенных отмечает, что люди рожают детей, чтобы передать духовное и культурное наследие, оставить свой след (рис. 1).

Молодежь ориентирована на малодетные семьи. Большинство респондентов (49 %) считает, что в семье должно быть двое детей. Почти треть опрошенных считает идеальным рождение троих детей. При этом представления о желаемом количестве детей не зависят от материального положения респондентов. Имея все необходимые условия для рождения детей, 50 % отметили, что хотели бы иметь двоих детей, 25 % – троих, 10,5 % – 1 ребенка.

В своей семье собираются иметь двоих детей 47,5 % опрошенных; 20,5 % – только одного ребенка. Готовность иметь троих детей высказали 14 % опрошенных; 4 % – четырех и более детей. Не планируют рождение детей в своей семье 14 % респондентов.

Таким образом, молодые люди рассматривают свою семью как двухдетную. Однако важно подчеркнуть, что ожидаемое количество детей в семье меньше, чем идеальное и желаемое. Так, идеальным молодежь считает рождение двух или трех детей в семье, желаемое количество — два ребенка в семье, а ожидаемое (планируемое) – один или два ребенка в семье.

Как отмечают молодые люди, финансовые сложности могут стать барьером, влияющим на принятие решения о рождении ребенка, возможно, поэтому ожидаемое число детей в представлениях молодежи меньше идеального.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, для чего заводят детей?».

Главной причиной, заставляющей молодых людей откладывать рождение ребенка или совсем отказаться от появления детей в семье, по мнению респондентов, является нехватка денег (47,5 %). Кроме того, в числе причин личный выбор, нежелание иметь детей – 38,5 %; боязнь ответственности – 38 %; проблемы со здоровьем – 35 %; ориентация на работу, карьерный рост – 31,5 % (рис. 2).

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Как вы думаете, почему люди принимают решение не заводить детей?».

Однако анализ влияния фактора «материальное положение» на репродуктивные установки молодежи позволил сделать вывод, что среднее планируемое число детей

у респондентов с низким уровнем материального положения равно 2,18; со средним уровнем – 1,76; с высоким уровнем – 1,95. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5

Материальное положение молодых семей и их планируемое количество детей

Планируемое количество детей	Как бы Вы охарактеризовали материальное положение своей семьи? (%)		
	Часто не хватает денег даже на предметы первой необходимости, хватает на предметы первой необходимости, хватает на одежду, но покупка товаров длительного пользования затруднительна	Можем купить бытовую технику, но покупка новой машины пока невозможна	Можем позволить себе практически всё, включая машину или недвижимость
0	15,49	14,12	11,36
1-2	67,61	69,41	65,91
3	16,90	16,47	22,73

Таким образом, наибольшее значение ожидаемого числа детей отмечается у респондентов с низким достатком. Однако различия не являются статистически значимыми, поэтому мы не можем утверждать, что материальное положение является фактором, оказывающим влияние на репродуктивные установки молодежи.

По результатам исследования установлено, что на решение о планировании молодыми людьми определенного количества детей влияют такие факторы, как брачный статус, образование и модель родительской семьи.

Так, молодые люди, состоящие в браке, планируют большее количество детей в своей семье, а не состоящие в браке чаще, чем остальные, ориентированы на бездетность (табл. 6). Среднее ожидаемое число детей у респондентов, не состоящих в браке, равно 1,49; у проживающих в незарегистрированном браке – 1,55, у состоящих в браке – 2,1. Подобное распределение ответов можно объяснить тем, что люди, состоящие в браке, больше уверены в своем партнере и готовы к рождению детей.

Таблица 6

Брачный статус молодых людей и их планируемое количество детей

Планируемое количество детей	Укажите Ваш брачный статус (%)		
	Женат/замужем	Живу с партнером, но брак не зарегистрирован	Не женат/ не замужем, разведен(-а)
0	2,47	17,65	25,0
1-2	70,37	72,55	61,76
3 и больше	27,16	9,8	13,24

Таким образом, *брачный статус* влияет на планируемое количество детей. Различия являются статистически значимыми: $\chi^2_{\text{эмпир}}(df=4) = 20,98$; $p=0,01$.

Планируемое количество детей отличается у респондентов с разным количеством детей в родительской семье. Так, на малодетность в большей степени ориентированы те, у кого в семье родителей были 1-2 ребенка. На многодетность – те,

у кого в семье, в которой они выросли, было 3 и больше детей. Различия статистически значимые: $\chi^2_{\text{эмфир}} (df=2) = 13,98$; $p=0,01$.

Результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7

Модель родительской семьи молодежи и их планируемое количество детей

Планируемое количество детей	Укажите, пожалуйста, количество детей в семье, в которой Вы выросли (у Ваших родителей)? (%)			
	1	2	3	4 и больше
0	15,79	12,73	16,67	11,12
1	26,32	18,18	16,67	22,22
2	50,88	51,82	29,17	22,22
3	3,51	14,55	33,33	22,22
4	3,50	2,72	4,16	22,22

Таким образом, установки на количество детей начинают формироваться в детском возрасте. В качестве ориентира выступает модель родительской семьи. Как отмечают А. В. Короленко и О. Н. Калачикова, брачно-семейные характеристики родительской семьи, а именно число детей в родительской семье, характер взаимоотношений членов семьи, общие семейные ценности, имеют важное значение при репродуктивном выборе [16].

Репродуктивные установки отличаются у молодых людей с разным уровнем образования (табл. 8)³. Независимо от уровня образования, респонденты планируют рождение первого ребенка на 25–29 лет. Вместе с тем респонденты со средним образованием чаще других намерены родить первого ребенка до 24 лет. Участники опроса со средним специальным образованием чаще других откладывают рождение ребенка на возраст старше 30 лет. Респонденты с высшим образованием реже других планируют рождение ребенка на возраст до 24 лет и в основном намерены стать родителями в возрасте 25–29 лет. Различия статистически значимые ($\chi^2_{\text{эмфир}} (df=4) = 11,37$; $p=0,01$).

Таблица 8

Уровень образования молодых людей и их желаемый возраст рождения первого ребенка

Возраст рождения первого ребенка	Уровень образования респондентов, %		
	Среднее образование	Среднее специальное образование	Незаконченное высшее (с 3-его курса вуза), высшее образование, два и более высших
До 24 лет	34,5	22,8	10,5
От 25 до 29 лет	48,3	45,6	65,8
От 30 лет и старше	17,2	31,6	23,7

³ Вопрос не задавался респондентам, у которых уже есть дети, и тем, кто не планирует рождение детей.

Полученные данные сопоставимы с данными переписи населения 2020 года по Ярославской области. Среднее число рожденных детей женщинами с профессиональным средним, общим средним, основным общим и начальным общим образованием выше, чем у женщин с высшим образованием [17]. Влияние уровня образования на принятие решения о рождении ребенка объясняется тем, что на получение образования нужно потратить время, затем построить карьеру, закрепиться на рабочем месте и лишь затем подумать о рождении ребенка. Также образование трансформирует ценностные приоритеты в направлении самореализации вне дома и семьи, построении карьеры.

Репродуктивные установки отличаются у *мужчин и женщин*.

В частности, установлено, что среднее ожидаемое число детей среди женщин равно 1,6, среди мужчин – 1,87 (табл. 9).

Таблица 9

Репродуктивные установки мужчин и женщин

Планируемое количество детей	Пол респондентов, %	
	Женщин	Мужчин
0	19,0	9,0
1	21,0	20,0
2	45,0	50,0
3	11,0	17,0
4 и более	4,0	4,0

Отметим, что женщины чаще, чем мужчины, ориентированы на бездетность, а мужчины – на многодетность. Однако различия в ожидаемом количестве детей у мужчин и женщин не достигают уровня статистической значимости.

Таким образом, основными факторами, определяющими репродуктивные установки молодежи, выступают брачный статус, модель родительской семьи и уровень образования молодых людей. В свою очередь, уровень материального положения не определяет репродуктивные установки молодежи, прежде всего возраст рождения первого ребенка и планируемое количество детей в семьях, хотя при этом рассматривается респондентами в числе значимых барьеров, заставляющих отказываться от рождения детей или откладывать их появление на более позднее время.

В связи с этим меры, которые предпринимает государство в части демографической политики, могут оказаться недостаточными и не приведут к повышению уровня рождаемости в стране. В частности, меры могут оказаться неэффективными в отношении молодых людей, которые получают образование, ориентированы на самореализацию в профессию, карьерное продвижение. Необходимы и другие меры поддержки, которые позволят реализовать это стремление, сделать так, чтобы рождение ребенка не мешало его родителям развиваться профессионально. Следовательно, требуются меры другого порядка: развитие системы яслей и детских садов, поддержка на рабочих местах женщин и мужчин, имеющих маленьких детей (гибкий график или использование других новых форм занятости без сокращения заработной платы). Значимость модели родительской семьи указывает на то, что необходимо широкое транслирование положительных примеров семьи и многодетно-

сти в средствах массовой информации. Исходя из этого, представляется важным получить оценку демографической политики государства со стороны молодых людей.

Оценка молодежью демографической политики государства

Согласно исследованиям Фонда общественного мнения, граждане считают, что государство должно принимать специальные меры для повышения рождаемости в России (81 %) [3]. Считает ли молодежь эти меры эффективными? Постараемся ответить на этот вопрос.

Респондентам, имеющим детей, предлагалось оценить уровень доступности и качество услуг, предоставляемых для воспитания детей, в Ярославской области.

В целом оценка уровня доступности колеблется от «доступно с ограничениями» до «доступно почти всегда/ полностью». Наиболее доступными молодежь считает школьное образование, возможность дополнительного образования и группы для детей старше 3 лет в детских садах. Наименее доступными являются условия для перемещения с детьми и детского досуга.

Оценки качества услуг варьирует от удовлетворительного до хорошего. Качество школьного образования и возможностей дополнительного образования оценивается выше всего; лучше всего, а качество условий для перемещения с детьми и детского досуга – ниже всего. Результаты представлены в таблице 10.

Таблица 10

Оценка молодыми родителями уровня доступности и качества медицинских и образовательных услуг в регионе

Услуги	Уровень доступности ⁴	Качество услуг ⁵
Ясельные группы в детских садах (до 3 лет)	3,59	3,79
Группы для детей старше 3 лет в детских садах	4,44	3,73
Группы продленного дня в школах	3,94	3,7
Медобслуживание планирующих беременность, беременных и родивших женщин	4,32	3,77
Медобслуживание детей	4,1	3,69
Школьное образование и возможность дополнительного образования (кружки, секции)	4,48	3,87
Условия для перемещения с детьми и детского досуга (пандусы, места для колясок, детские площадки, места для прогулки и т. д.)	3,18	3,13

⁴ Уровень доступности определялся по шкале от 1 до 5, где 1 – недоступно, а 5 – полностью доступно.

⁵ Качество услуг оценивалось по шкале от 1 до 5, где 1 – отвратительное качество, а 5 – отличное качество.

Мнения по поводу эффективности политики государства, направленной на поддержку материнства и семей с детьми, разделились. Каждый пятый затруднился ответить на этот вопрос, 39,5 % считают политику эффективной, 41 % – нет. У многих молодых людей не сформировано мнение по поводу эффективности демографической политики государства.

По мнению опрошенных, в качестве дополнительной поддержки рождаемости необходимо в первую очередь снизить ставки по ипотеке для семей с детьми, в том числе до нулевой для многодетных семей – 61,5 %. Среди других выбранных респондентами мер: увеличение ежемесячного пособия по уходу за ребенком после 1,5 лет (46,5 %), обеспечение гибкого графика работы и/или возможности работать удаленно для матерей, воспитывающих детей, когда это возможно (46 %), продление действия программы материнского капитала после 2026 года (38,5 %), увеличение единовременных выплат при рождении ребенка (26 %), помощь в оплате услуг сертифицированных нянь (22,5 %) и другие.

Отметим, что ряд мер предложили сами респонденты. Их условно можно разделить на три группы.

Первая группа мер имеет преимущественно материальный характер и нацелена на снижение затрат на рождение и воспитание ребенка. Среди них:

- «Сниженный процент по ипотеке для семей с детьми на вторичное жилье (так как действует только на новое)», «поддержка молодых семей жильем»;
- «Бесплатная выдача питания для маленьких детей и детских смесей (как в столице);
- «Повышение доступности процедуры ЭКО, снижение цен»;
- «Больше парков, площадок для детей, каких-то интересных мест, чтобы можно было сходить в выходные с детьми бесплатно».

Вторая группа мер связана с изменением отношения к семье и рождению детей.

- «В первую очередь нужно правильно воспитать поколение, которое своей головой будет понимать, что такое ребенок, зачем он нужен, как за ним ухаживать и когда заводить. Пока общество не имеет представления о детях, поддерживает чайлдфри, оскорбляет женщин и детей, никакого повышения рождаемости не будет!»;

- «Сексуальное образование, доступная контрацепция, развитие гинекологии»;
- «Цивилизованная и человеко-ориентированная (направленная на развитие человеческого капитала) политика, направленная внутрь – начиная с гарантий прав и свобод человека, заканчивая качественным образованием, формированием здоровой социальной и культурной среды».

Таким образом, респонденты признают важность не только мер материальной поддержки семей с детьми, но и изменения отношения к семье, воссоздания ее традиционного образа, восстановления важности репродуктивной функции института семьи.

Вместе с тем респонденты отмечают и третью группу мер. Они должны быть направлены на поддержку работающих женщин, создание возможности для их самореализации не только в семье, но и в профессиональной сфере. В частности, респонденты называют представление беременными женщинам и матерям в декретном отпуске возможности бесплатно пройти профессиональную переподготовку; предоставить льготы для матерей, который планируют открыть собственное дело.

Вместе с тем, по мнению большинства респондентов, реализация предложенных мер не повлияла бы существенно на принятие решение об увеличении количества детей в семье. Лишь 20 % опрошенных задумались бы о появлении еще одного ребенка, 1 % – двоих детей. В свою очередь, для 34 % молодых людей эти меры не имеют решающего значения при принятии решения о рождении ребенка; 16 % считают, что детей уже достаточно, а для 9 % респондентов перечисленных мер недостаточно. Пятая часть затруднилась ответить на данный вопрос.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в целом молодежь ориентирована на рождение детей. Молодые люди убеждены в том, что родительство в современных условиях не может мешать самореализации и развитию.

У большинства опрошиваемых преобладает установка на рождение одного или двух детей, но после реализации себя в профессии. Поэтому рождение первого ребенка большинством молодых людей откладывается. В качестве барьера появления детей респонденты чаще всего называли жилищные проблемы, материальное положение. Вместе с тем решение материальных проблем не способствует формированию установок на многодетные семьи. Согласно полученным результатам, ориентация на рождение трех и более детей свойственна респондентам с низким материальным положением. В связи с этим можно предположить, что система мер материального стимулирования рождаемости вызовет отклик именно у этой группы населения. Для другой части будет актуальна система мер, которая позволит реализовать ценностные приоритеты молодежи, связанные с планированием карьеры и профессиональной самореализацией.

В связи с этим в перечень мер, направленных на поддержку рождаемости, важно включить:

1. Снижение ставок по ипотеке для семей с детьми, которое могло бы помочь с решением жилищного вопроса. С начала 2023 года реализуется программа «Семейная ипотека», позволяющая семьям с двумя и более детьми оформить ипотеку по сниженной ставке, однако она распространяется только на покупку жилого дома или квартиры в новостройке. Меры по поддержке многодетных семей могли бы быть реализованы более эффективно при условии снижения ставки по льготной ипотеке до 2 %, в том числе на вторичное жилье. На наш взгляд, такая ставка станет существенной формой поддержки семей с детьми.

2. Обеспечение гибкого или удаленного рабочего графика для матерей, воспитывающих детей. При необходимости можно предоставить гибкие даты декрета, например, сидеть дома не полтора года, а, например, год при сохранении всех выплат, а также возможность трудиться удаленно и иметь плавающий рабочий график. Данная мера позволила бы молодым матерям совмещать работу с выполнением семейных обязанностей.

3. Увеличение размеров ежемесячных пособий по уходу за ребенком после 1,5 лет. Сейчас такие выплаты могут получить только родители с детьми до 3 лет при условии, если доход на каждого члена семьи составляет меньше двух прожиточных минимумов в регионе. Пособие расходует деньги материнского капитала. Более эффективной мерой поддержки было бы введение ежемесячного пособия

по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет, составляющее 50 % от размера предыдущего пособия, так как у многих родителей нет возможности полноценно выйти на работу после исполнения ребенку полутора лет.

4. Внедрение практики государственных аккредитованных нянь, помощь в оплате их услуг. Данная мера позитивно скажется на социальном самочувствии молодых родителей, у которых появится свободное время для себя или для реализации своих карьерных планов. В том числе это может быть реализовано за счет расширения направлений для использования материнского капитала.

5. Помимо этого, рекомендуется оказывать бесплатную психологическую помощь/сопровождение мамам в роддомах, а также на первых порах при уходе за ребенком, поскольку, согласно результатам опроса, молодые матери сталкивались с послеродовой депрессией и эмоциональным выгоранием после рождения ребенка.

6. Развитие социальной инфраструктуры детства, которая является одним из условий обеспечения достойного уровня жизни детей. Особенно это касается условий для перемещения с детьми и детского досуга (пандусы, места для колясок, детские площадки и места для прогулок), которые оцениваются жителями региона хуже всего.

7. Трансляцию позитивного образа многодетной семьи в средствах массовой информации.

Ссылки

1. Росстат представляет данные о естественном движении населения в июле 2023 года // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/21753> (дата обращения: 24.03.2024).

2. Демография. // Росстат: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 24.03.2024).

3. Фонд «Общественное мнение». Рождаемость. // ФОМ: сайт. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14875> (дата обращения: 25.07.2023).

4. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 23.07.2023).

5. Послание Президента Федеральному собранию // Официальный сайт Президента России. 29.02.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 24.03.2024).

6. Демография: Национальный проект России, инициативы нацпроекта и возможности для граждан. // Национальные проекты России: официальный интернет-ресурс. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya> (дата обращения: 24.03.24).

7. Вишневский Ю. П., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 125–140.

8. Порохнюк Е. В. Трансформация статусно-ролевых позиций современной женщины в институте семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4. С. 137-142. EDN SBYHCH.

9. Доброхлеб В. Г. Непрерывное образование и гендерный баланс // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 26–33. DOI 10.21064/WinRS.2018.3.3.
10. Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16. DOI 10.21064/WinRS.2019.2.1.
11. Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Молодые женщины: социокультурная саморегуляция жизнедеятельности в сфере труда // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 03 марта 2020 г. Иваново: ИвГУ, 2020. С. 15–19.
12. Рыбакова О. В., Мокерова Ю. В., Гурарий А. Д. Модели репродуктивного поведения в городской семье: поколенческий конфликт ценностных установок // Социодинамика. 2022. № 11. С. 44–55. DOI 10.25136/2409-7144.2022.11.39129.
13. Сивоплясова С. Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 1. С. 223–242. DOI 10.15838/esc.2022.1.79.12.
14. Ярославская область в цифрах // Ярославльстат: официальный сайт. URL: https://76.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/YAroslavskaya_oblast_v%20cifrah_2022_g.pdf (дата обращения: 22.07.2023).
15. Население. Оперативная информация // Ярославльстат: официальный сайт. URL: <https://76.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 24.03.24).
16. Короленко А. В., Калачикова О. Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 2. С. 172–189. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.11.
17. Итоги Всероссийской переписи населения на территории Ярославской области (по состоянию на 1 октября 2021 года) // Ярославльстат: официальный сайт. URL: https://76.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tom_9_rozhdaemost_v_yaroslavskoy_oblasti.pdf (дата обращения: 30.07.2023).

Politicians' Communicative Behavioural Patterns: A Study into British Parliamentary Discourses of 2010–2022

D. S. Mukhortov¹, E. A. Zhovner¹

¹Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-218-229

Research article
Full text in Russian

In recent years, linguopragmatists have sought to make predictions as to why and how politicians resort to certain communicative behaviours, hence the focus of linguistic research. Drawing upon parliamentary discourses of Conservative Prime Ministers David Cameron, Theresa May, Boris Johnson and Labor Party leaders Jeremy Corbyn and Keir Starmer, this article aims to develop a new approach to naming communicative behavioral patterns of modern British politicians. The commonality of domestic political tasks faced by the politicians, namely the UK's exit from the European Union, environmental agenda, migration reform, healthcare system troubles, have predetermined the choice of certain types of 'communicative personality' and, consequently, a selection of lexical means used by the politicians during parliamentary debates. The algorithm for typologizing the communicative behavior of politicians includes creating a corpus of utterances and analyzing it through the content analysis program Sketch Engine. A comparison of the most frequent lexical units used by a politician in given communicative situations have made it possible to identify prevailing types of 'communicative personality' and key intentions realized in the course of political communication.

Keywords: linguopersonology; political discourse; word use; political personality characteristics; communicative behaviour; political communication

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mukhortov, Denis S.	E-mail: dennismukhortov@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-8174-7055 Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
Zhovner, Elisaveta A.	E-mail: dennismukhortov@mail.ru Cand. Sc. degree seeking applicant

For citation: Mukhortov D. S., Zhovner E. A. Politicians' Communicative Behavioural Patterns: A Study into British Parliamentary Discourses of 2010-2022 // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 218-229. (In Russ.)

Типологизация коммуникативной личности политика (на примере британского парламентского дискурса 2010–2022 гг.)

Д. С. Мухортов¹, Е. А. Жовнер¹

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-218-229
УДК 811.111

Научная статья
Полный текст на русском языке

За последние годы личность политика и его коммуникативное поведение нередко становились предметом лингвистических исследований в связи с существовавшим запросом на прогнозирование развития политической коммуникации. Это становится возможным при подходе к личности политического деятеля с позиции лингвопрагматики. Целью данной статьи является разработка нового подхода к типологизации коммуникативной личности современного британского политика и анализ коммуникативного поведения личности политического деятеля на материале парламентских выступлений премьер-министров Дэвида Кэмерона, Терезы Мэй, Бориса Джонсона и лидеров оппозиционной партии лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера. Общность внутривнутриполитических задач, стоящих перед политиками, а именно выход Великобритании из Европейского Союза, экологическая повестка, миграционная реформа, развитие системы здравоохранения, обуславливает выбор определенного типа коммуникативной личности и лексических средств, используемых политиком в ходе парламентских дебатов. Алгоритм типологизации коммуникативного поведения политиков включает в себя создание корпуса высказываний и работу с ним при помощи программы контент-анализа «Sketch Engine». Сопоставление наиболее частотных лексических единиц, используемых политиком в заданных коммуникативных ситуациях, позволяет определить преобладающие типы коммуникативной личности и ведущие интенции, реализуемые в ходе политической коммуникации

Ключевые слова: лингвоперсонология; политический дискурс; языковая личность; коммуникативная личность; вербальное поведение политика; политическая коммуникация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мухортов, Денис Сергеевич | E-mail: dennismoukhortov@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-8174-7055
Кандидат филологических наук, доцент, факультет международных отношений, кафедра английского языка № 1

Жовнер, Елизавета Андреевна | E-mail: dennismoukhortov@mail.ru
Соискатель, кафедра английского языка № 1 факультета международных отношений

Для цитирования: Мухортов Д. С., Жовнер Е. А. Типологизация коммуникативной личности политика (на примере британского парламентского дискурса 2010-2022 гг.) // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 218-229.

Введение

В последние годы на стыке политической лингвистики, лингвоперсонологии и теории языковой личности развивается современное научное направление – лингвополитическая персонология. Ее исследовательское поле направлено на «профессиональную коммуникативную деятельность в политической сфере» и изучение «соотношения институционального и индивидуального в профессиональной коммуникативной деятельности политика» [1, с. 12]. Лингвополитическая персонология позволяет «охарактеризовать представления о задачах их политической риторики, специфике повестки дня и целевой аудитории, а также описывать речевые модели, на которые опирается их политический дискурс» [2, с. 102].

В связи с возросшим интересом к наукам о «человеке в языке» с конца XX века активно используется понятие «языковая личность», под которым понимается человек, обладающий «способностью к созданию и восприятию текстов, различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [3, с. 245]. Система «личностных феноменов» постепенно развивается, вводятся понятия «речевая личность» (личность, применяющая определенный набор языковых единиц, а также ту или иную стратегию и тактику общения в условиях совершения коммуникации) и «коммуникативная личность» (конкретный участник конкретного коммуникативного акта, действующий в реальной коммуникации) [4, с. 50].

Последнее понятие, «коммуникативная личность», появляется в лингвоперсонологии в связи со смещением фокуса внимания с вербально-когнитивных аспектов изучения индивида в сторону лингвопрагматических факторов, обуславливающих процесс коммуникации. Так, коммуникативная личность рассматривается как «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида» [5, с. 127]. Основопологающим для формирования коммуникативной личности является именно мотивационный параметр, поэтому коммуникативное поведение личности зависит от ее прагматических установок и связанного с ними выбором языковых средств с целью ведения эффективной коммуникации и успешной реализации интенций.

Коммуникативная личность, реализующаяся в ходе политической коммуникации, зависит от фундаментальных характеристик политического дискурса: институциональности, театральности, корреляции с семиотической триадой «интеграция – ориентация – агональность», наличия массового зрителя, на которого направлены манипулятивные приемы политика [6]. В связи с этим коммуникативная личность политика в данной статье рассматривается в качестве участника определенного коммуникативного акта и определенной коммуникативной ситуации, реализующего прагматические установки, связанные с достижением властных полномочий и амбиций. Она проявляет себя в рамках определенной языковой и речевой культуры, в том числе на уровне представителей истеблишмента и электората, и характеризуется способностью манипулировать коммуникативными компетенциями в процессе взаимодействия с разноуровневой аудиторией. Коммуникативная личность политика является ситуативно-ориентированной единицей, то есть она «раскрывается в условиях конкретного коммуникативного акта в зависимости от общего исторического, социального и культурного контекста в рассматриваемый период времени» [7, с. 60].

В теории коммуникации понятие «коммуникативная ситуация» трактуется как «микроситуации общения», «синхронное состояние коммуникации в той или иной национально-территориальной общности, характеризующееся общим объемом коммуникативного пространства, количеством и типом составляющих это пространство коммуникативных сфер, особенностями коммуникативных процессов в них» [8, с. 109]. Однако в политической коммуникации «условия хронотопа отношений» закладываются «контекстом, особенностями протекания коммуникации и спецификой дискурсивных отношений между участниками» [9, с. 421]. В связи с этим в данной статье понятие «коммуникативная ситуация» определяется как тематически обусловленное коммуникативное пространство, внутри которого политик реализует свои прагматические интенции в борьбе за власть.

Базовые прагматические мотивы – «власти, достижения и аффилиации» [10, с. 30] – политика влияют в том числе и на его желание получить определенную реакцию от аудитории, поэтому «в рамках лингвопрагматического анализа исследуется спектр применяемых политиками коммуникативных ролей, или в иной терминологии – имиджевых ролей, имиджевых ампула, речевых масок» [1, с. 22]. Вариации в лексическом наполнении высказываний политика говорят о способности как коммуникативной личности подстраиваться под ход коммуникации, адаптироваться к меняющимся условиям коммуникации, что позволяет анализировать коммуникативную личность «не только в статике, но и в динамике, то есть для исследования трансформаций образа политика в течение определенного времени» [11, с. 61]. Таким образом, лингвопрагматический подход снова возвращает лингвистов к возможности обратиться к типологической методике и сконцентрироваться на «спектре применяемых политиками коммуникативных ролей» [12, с. 24].

Метод

Типологизация коммуникативной личности политика выстраивается по следующему алгоритму:

1. Установление интенционально-обусловленных критериев, позволяющих выделить конкретные типы коммуникативной личности политика.
2. Выявление ключевых лексем, характеризующих выделенные типы коммуникативной личности политика, на основании тезаурусного подхода для последующего лингвостатистического анализа.
3. Создание корпуса высказываний политика по заданным коммуникативным ситуациям.
4. Анализ полученного корпуса при помощи программного обеспечения с использованием функции подсчета частотных слов.
5. Описание преобладающего типа коммуникативной личности политика на основе поиска ключевых лексем среди наиболее частотных слов, встречающихся в корпусе высказываний.

Анализ типологии политического лидерства, психолингвистических типологий, классификации политических мифов и архетипов [13, с. 43–44] позволил выделить ряд критериев, необходимых для типологизации коммуникативной личности политика:

- обращение к «своим» или «чужим», то есть использование маркеров интеграции или агональности;
- трансляция идеи обезопасить население своей страны или региона;

- продвижение идеологических установок (создание светлого будущего и призыв к консолидации общества);
- пропаганда морально-нравственных ценностей;
- проактивная позиция (т. е. инициативность и пассионарность).

Данные критерии являются основанием для выделения семи типов коммуникативной личности политика: «Защитник», «Этатист», «Слуга», «Воин», «Обвинитель», «Правитель», «Идеалист». Соответствие типов коммуникативной личности политика заданным критериям отражено в таблице 1.

Таблица 1

Критерии типологизации коммуникативной личности политика

Тип КЛ политика	Обращение к «своим» или «чужим»	Трансляция идеи обезопасить население своей страны или региона	Продвижение идеологических установок	Пропаганда морально-нравственных ценностей	Проактивная позиция
Защитник	Свои	+	-	-	-
Этатист	Свои	-	+	-	-
Слуга	Свои	-	-	+	+
Воин	Чужие	+	-	-	-
Обвинитель	Чужие	-	-	+	-
Правитель	Свои	-	-	-	+
Идеалист	Свои	-	+	+	-

Каждый тип характеризуется определенной интенцией и лексико-семантическим репертуаром: основная интенция «Защитника» – убедить аудиторию, что его главной целью является обеспечение безопасности людей (ключевые лексемы: *to protect, to defend, to save, to secure*), «Этатиста» – сплотить население во имя какой-то лоббируемой идеи (*people, country, to unite, to cooperate*), «Слуги» – заявить аудитории о своей готовности действовать в интересах различных социальных групп (*responsibility, priority, to support, to serve, to help, to promote, to provide, to deliver*), «Воина» – воплотить образ борца с врагом (*conflict, war, attack, to fight, to oppose, to struggle*), «Обвинителя» – нанести сопернику репутационные потери (*fault, mistake, shame, to blame, to accuse, to condemn*), «Правителя» – проявить себя как успешного управленца (*power, to control, to rule, to manage*), «Идеалиста» – пропагандировать наилучший сценарий развития общества (*future, value, to achieve, to fulfill*) [Там же. С. 44–45].

Материалом исследования в данной статье является корпус высказываний парламентских выступлений британских премьер-министров Дэвида Кэмерона (май 2010 г. – июль 2016 г.), Терезы Мэй (июль 2016 г. – июль 2019 г.) и Бориса Джонсона (июль 2019 г. – сентябрь 2022 г.) и лидеров оппозиционных партий Джереми Корбина (сентябрь 2015 г. – апрель 2020 г.) и Кира Стармера (апрель 2020 г. – сентябрь 2022 г.).

Корпус составлялся из стенограмм парламентских выступлений, размещенных на сайте Парламента Великобритании. В рамках четырех коммуникативных ситуаций («Брекзит», «Здравоохранение», «Миграция», «Экология») были отобра-

ны тематически релевантные тексты, из которых были удалены реплики других выступающих.

Всего из парламентских выступлений Д. Кэмерона было отобрано 799 высказываний, Т. Мэй – 919, Б. Джонсона – 663, Дж. Корбина – 485, К. Стармера – 250. Общий корпус высказываний Д. Кэмерона насчитывает 156925 слов, Т. Мэй – 188690, Б. Джонсона – 143074, Дж. Корбина – 116811, К. Стармера – 49771.

Необходимо учитывать, что дебаты в Парламенте проходили не каждый день и что по ним существует особый регламент, согласно которому лидеру оппозиции дается не так много времени на выступление, поэтому объем высказываний не всегда может быть пропорциональным. Так, если обратить внимание на выборку высказываний по Корбину и Стармеру, то можно увидеть, что объем корпусов высказываний оказывается несоизмеримо меньше, чем у премьер-министров.

Таким образом, суммарно было создано двадцать корпусов. Каждый был загружен в текстовый анализатор «Sketch Engine», версия 2.36.5. Одной из основных операций, которую данное программное обеспечение позволило применить к корпусам высказываний политиков, был подсчет абсолютной частотности слов. Так как при анализе типов коммуникативной личности задействованы только существительные и глаголы, для каждого из двадцати корпусов были составлены списки частотных существительных и глаголов с расположенными по убыванию лексическими единицами (от наиболее частотных к наименее частотным).

Данные списки были сопоставлены с существительными и глаголами, характеризующими каждый тип личности, на основании чего сначала были сформированы списки наиболее частотных лексем, употребляемых каждым политиком в каждой коммуникативной ситуации при реализации того или иного типа коммуникативной личности, а затем – пул соответствующих примеров.

По мнению психолингвистов, статистический подход является одним из наиболее зарекомендовавших себя методов исследования, при помощи анализа именно активного вокабуляра можно выявить частотные слова, отражающие когнитивные и психологические особенности картины мировосприятия человека [14, с. 2]. Наиболее частотные слова, употребляемые политиками, являются как опорой для понимания их высказываний, так и «воздействием, запускающим реакцию на исходное речевое произведение, поскольку активизируют связанные с ними ассоциации» [15, с. 42].

Результаты исследования

Типология коммуникативной личности политика рассматривается в условиях борьбы за власть и взаимодействия с большой, разнообразной аудиторией, чьим вниманием необходимо завладеть, чтобы сплотить вокруг себя как можно больше сторонников. Это обуславливает выбор политиками наиболее успешного коммуникативного поведения в той или иной коммуникативной ситуации.

Сводные результаты исследования практического материала представлены в таблице 2, отражающей сумму используемых политиками частотных лексических единиц, характеризующих каждый тип коммуникативной личности.

Сводные результаты исследования

Тип КЛ	Дэвид Кэмерон	Тереза Мэй	Борис Джонсон	Джереми Корбин	Кир Стармер
Этатист	1715	2074	2003	1391	408
Слуга	941	2551	1250	600	291
Защитник	564	678	494	407	147
Правитель	529	544	377	251	131
Идеалист	261	383	237	142	68
Воин	180	113	185	203	56
Обвинитель	32	11	32	54	24

Исследование показало, что среди британских политиков наиболее распространенными типами коммуникативной личности являются (в порядке убывания): «Этатист», «Слуга», «Защитник», «Правитель», «Идеалист», «Воин», «Обвинитель».

В рамках заданных коммуникативных ситуаций («Брекзит», «Миграция», «Здравоохранение» и «Экология») британские политики чаще всего прибегают к реализации типов «Этатист», «Слуга» и «Защитник». Типы «Правитель» и «Идеалист» в этих коммуникативных ситуациях реализуются реже и являются, скорее, дополнительными.

Типы «Воин» и «Обвинитель» должного рассмотрения в данной работе не получили, так как в заявленных коммуникативных ситуациях не были реализованы вовсе, однако примеры их появления можно было бы найти в других коммуникативных ситуациях, например, связанных с осуществлением внешнеполитической стратегии, или в речах других политиков, например, американских «ястребов».

Дэвид Кэмерон выстраивает коммуникацию с населением, используя преимущественно тип «Этатист», в коммуникативной ситуации «Брекзит», а также типы «Слуга» и «Защитник», когда необходимо рассказать о политике, проводимой в области миграции, здравоохранении и экологии.

1. As I said on Monday, as we work to implement **the will of the British people**, we also have a fundamental **responsibility to bring our country together** (Hansard, UK Parliament [16], 29.06.2016). Коммуникативная ситуация «Брекзит», тип «Этатист».

2. So we will stand up for our values; we will, in the end, defeat this extremism; and **we will secure our way of life** for generations to come (Hansard, UK Parliament [17], 01.09.2014). Коммуникативная ситуация «Миграция», тип «Защитник».

3. Following this, the NHS will make a decision as quickly as possible whether or not routinely to fund Translarna. I have discussed this with the Health Secretary and **we will do everything we can to help** (Hansard, UK Parliament [18], 04.01.2015). Коммуникативная ситуация «Здравоохранение», тип «Слуга».

4. **It could help to deliver** more competitive energy prices, **it will help to** keep our economy and our industry competitive (Hansard, UK Parliament [19], 16.07.2014). Коммуникативная ситуация «Экология», тип «Слуга».

Тереза Мэй выделяется на фоне других политиков тем, что она чаще всего использует тип коммуникативной личности «Слуга», то есть выступает в роли политика, готового действовать в интересах народа, исполнять его волю, обещая

обеспечить благосостояние и процветание страны. Однако не менее важны в риторике Мэй типы «Этатиста», «Правителя» и «Идеалиста»: она считает своими ключевыми обязанностями консолидировать общество, следить за исполнением проводимой политики, а также заложить основу для будущего Великобритании.

1. I say that we should deliver **for the British people** and get on with **building a brighter future for our country** by backing this deal tomorrow (Hansard, UK Parliament [20], 14.01.2019). Коммуникативная ситуация «Брекзит», типы «Этатист + Идеалист».

2. As I have said on many occasions, overall immigration has been good for the UK, **but people want to see it controlled** – that, I think, is what people want to see as a result of our leaving the EU. **We can already exercise controls** in relation to those who come to this country from outside the EU (Hansard, UK Parliament [21], 06.09.2017). Коммуникативная ситуация «Миграция», тип «Правитель».

3. What we need to do **to ensure that we can provide the funding for the NHS** – we are providing record levels of funding for the NHS – is to take a balanced approach to our economy (Hansard, UK Parliament [22], 14.03.2018). Коммуникативная ситуация «Здравоохранение», тип «Слуга».

4. We are committed to **ensuring that our environmental standards do not fall**. I believe that it is **in the interests of this country** – indeed, it is the desire of this House and this country – to enhance our environmental standards in the future (Hansard, UK Parliament [23], 12.02.2019). Коммуникативная ситуация «Экология», тип «Слуга».

Политические психологи характеризуют Бориса Джонсона как жесткого и целеустремлённого переговорщика, придерживающегося собственных убеждений о власти и идеологии [24, с. 127–130]. Джонсон является преемником политики Мэй, перед ним стоит задача устранить внутренние разногласия не только внутри политических элит, но и среди населения. Типы «Этатист», «Слуга» и в некоторых ситуациях «Защитник» являются оптимальным выбором, так как цель политика – сплотить электорат, поставив точку в истории с Брекситом, показать ему свою лояльность и стремление действовать в его интересах, идет ли речь об экономической ситуации в условиях Брексита, контроле миграционной политики, пандемии коронавируса или осуществлении «зеленой» политики.

1. **The people of this country want to see us coming together**, agreeing on a way forward, getting Brexit done and then getting on with a dynamic one nation Conservative agenda, and that is what we are going to do (Hansard, UK Parliament [25], 25.09.2019). Коммуникативная ситуация «Брекзит», тип «Этатист».

2. This Government will get on and **deliver a working immigration system for the whole of this country** (Hansard, UK Parliament [26], 26.02.2020). Коммуникативная ситуация «Миграция», тип «Этатист + Слуга».

3. I am going to have to take the hit here. The intention is to stop the virus, **protect the NHS and save lives** (Hansard, UK Parliament [27], 06.01.2021). Коммуникативная ситуация «Здравоохранение», тип «Защитник».

4. We will continue with that, and make improvements to our environment that will be of immense value **to the people of this country** (Hansard, UK Parliament [28], 25.07.2019). Коммуникативная ситуация «Экология», тип «Этатист».

Риторика Джереми Корбина определяется прежде всего тем, что его роль заключается в противостоянии идеям правящей партии. Тема консолидации в условиях главного противоречивого политического события страны, Брексита, играет важную роль в его речах, что ведет к превалированию типа «Этатист» в его высказыва-

ваниях вне зависимости от коммуникативной ситуации. Его политические кампании запоминаются тем, что он пытается создать имидж близкого к народу политика, защищающего интересы наиболее уязвимых слоев населения [24, с. 133–134], и Корбину удается это продемонстрировать в своих речах.

1. **The people of Britain** now face an historic choice on 23 June on whether to remain part of the European Union or to leave. We welcome the fact that it is now **in the hands of the people of this country** to decide that issue (Hansard, UK Parliament [29], 26.02.2016). Коммуникативная ситуация «Брекзит», тип «Этатист».

2. Our country is divided, so we must heal that division. **Our duty** now is to move forward in a calm and conciliatory manner to build a new relationship with Europe and to build a Britain that works for **everyone in every part of this country** (Hansard, UK Parliament [16], 29.06.2016). Коммуникативная ситуация «Миграция», типы «Этатист + Слуга».

3. A general election **can bring people together, focusing on all the issues that unite us** – the need to solve the crises in our NHS, our children’s schools and the care of our elderly (Hansard, UK Parliament [30], 16.01.2019). Коммуникативная ситуация «Здравоохранение», тип «Этатист».

4. **Thousands of people across the country** are still struggling with the devastating impact of the floods. I pay tribute to the work of the Environment Agency, the Scottish and Welsh Governments, council staff, the fire service, and the huge number of community volunteers who have pitched in to help their neighbours (Hansard, UK Parliament [26], 26.02.2020). Коммуникативная ситуация «Экология», тип «Этатист».

Кир Стармер характеризуется политологами как политик, придерживающийся умеренных левых взглядов и проевропейских настроений, а также как человек, способный стать общенациональным лидером и вывести оппозиционную партию на новый уровень [31; 32]. Используя типы «Этатист» и «Слуга», он продвигает мягкий сценарий Брексита, призывает предоставить населению квалифицированные медицинские услуги в условиях пандемии и предлагает свои варианты миграционной и экологической политики.

1. Last September, the Prime Minister actually hit the nail on the head when he said that leaving without a deal would be a «failure of statecraft». It would be – it would be a total failure – and it will be **the British people** who pay the price (Hansard, UK Parliament [33], 09.12.2020). Коммуникативная ситуация «Брекзит», тип «Этатист».

2. All you need is **help and support**. I am pleased that indefinite leave to remain will now be granted to all those who arrive by safe and legal routes (Hansard, UK Parliament [34], 06.09.2021). Коммуникативная ситуация «Миграция», тип «Слуга».

3. The vaccine programme is making incredible progress. **The British people have come together** to deliver what is the largest peacetime effort in our history (Hansard, UK Parliament [35], 27.01.2021). Коммуникативная ситуация «Здравоохранение», тип «Этатист».

4. Britain needs a fresh start. We need a Government who will **never leave working people** to pick up the tab for excess profits in the energy industry (Hansard, UK Parliament [36], 08.09.2022). Коммуникативная ситуация «Экология», тип «Этатист».

Результаты исследования показывают, что наиболее частотный тип коммуникативной личности среди мужчин-политиков, вне зависимости от их принадлежности к правящей или оппозиционной партии, – «Этатист», для Терезы Мэй как единственной анализируемой женщины-политика – «Слуга». Однако для того, чтобы

утверждать, что в данном случае мы имеем дело с гендерным аспектом речевого поведения политиков, необходимо провести отдельное исследование с репрезентативной выборкой женщин-политиков.

Можно предположить, что наиболее частотное использование типов «Этатист», «Слуга» и «Защитник» обусловлено исторически. И премьер-министры, и лидеры оппозиционной партии подчиняются прежде всего монарху, поэтому их наиглавнейшей целью является служение его воле, соблюдение интересов населения и реализация политических амбиций Британии на внешнеполитической арене.

В некоторых случаях наблюдается не просто использование исключительно одного какого-то типа, а применение различных комбинаций: «Этатист + Слуга», «Слуга + Защитник», «Этатист + Защитник», «Слуга + Правитель», «Слуга + Идеалист», что позволяет политикам использовать наиболее обширный арсенал средств воздействия на аудиторию (охват которой тоже тем самым расширяется) и затрагивать разные аспекты, вызывающие беспокойство населения.

Обсуждение

Выбор определенных типов коммуникативной личности в заданных коммуникативных ситуациях демонстрирует основные коммуникативные намерения политиков, среди которых особенно выделяются: сплотить население ради претворения в жизнь лоббируемой идеи, воплощающей некие идеалы, в которые верит или должен поверить народ; объяснить, каким образом властные полномочия политиков могут быть реализованы в интересах государства или народа; заверить население в обеспечении его безопасности; проявить способность управлять страной и координировать действия подчиненных; создать в умах населения картину «светлого будущего», которое окажется возможным, если граждане станут сторонниками политика.

Однако, несмотря на то, что прагматические установки политиков оказались достаточно устойчивы, тем не менее каждые несколько лет происходила смена лидеров. Это может быть объяснено тем, что выстроенные модели не смогли завоевать абсолютную поддержку большинства, а сами задачи, стоящие перед политиками, требовали выбора иного коммуникативного поведения.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на изучение типов «Воин» и «Обвинитель», на материале других коммуникативных ситуаций, например, «Война», «Конфликт», «Переговоры». Кроме того, представляется целесообразным применить описанный алгоритм типологизации при анализе американского парламентского и президентского дискурсов или коммуникативного поведения британских политиков в XX веке или на рубеже XX–XXI веков с целью изучения динамики коммуникативной личности как в синхронии, так и в диахронии.

Ссылки

1. Лингвополитическая персонология: методология и коммуникативные портреты политических лидеров: моногр. / Н. Б. Руженцева, Е. Н. Иванова, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: [б. и.], 2021. 192 с.

2. Стрелец И. Э. Лингвостилистические особенности коммуникативного поведения Д. Трампа в кризисный период 2020 г. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6. С. 100–114.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: Изд. ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
5. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
7. Мухортов Д. С., Жовнер Е. А. Коммуникативная личность политика на материале парламентских выступлений лейбористов Джереми Корбина и Кира Стармера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Том 14, № 1. С. 53–69.
8. Темиргазина З. К. Количество участников как фактор коммуникативной ситуации: типология ситуаций с тремя участниками // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Том 10, № 1. С. 108–120.
9. Антонова Л. Г., Конева Е. В. Целеполагание и реализация коммуникативных целей при передаче интернет-контента в сетевой деловой переписке // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 4. С. 418–429. DOI 10.18255/2412-6519-2023-4-418-429.
10. Стрелец И. Э. Языковая личность и билингвизм: от лингвоперсонологии к лингводидактике. М.: Печатный салон Плоттер-Плюс, 2020. 328 с.
11. Руженцева Н. Б. Портреты политиков: типология и речевая организация // Политическая лингвистика. 2019. № 5. С. 57–63.
12. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Лингвополитическая персонология: методологические основы и методики анализа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1. С. 22–29.
13. Жовнер Е. А. Коммуникативная личность современного британского политика (по материалам парламентских выступлений Дэвида Кэмерона и Бориса Джонсона) // Политическая лингвистика. 2022. № 4. С. 41–50.
14. Vine V., Boyd R. L., Pennebaker J. W. Natural emotion vocabularies as windows on distress and well-being // Nature communications. 2020. № 11. P. 4525.
15. Скубиёва Е. Н., Шпильная Н. Н. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности // Филология и человек. 2022. № 1. С. 37–52.
16. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-06-29/debates/16062966000001/EUCouncil> (дата обращения: 15.01.2024).
17. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2014-09-01/debates/282e4716-49e2-43e4-83c0-231b847e6982/CommonsChamber> (дата обращения: 15.01.2024).
18. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2015-02-04/debates/15020466000020/Engagements> (дата обращения: 15.01.2024).
19. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2014-07-16/debates/14071650000018/Engagements> (дата обращения: 15.01.2024).
20. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-01-14/debates/B9AD9CDC-0B9C-44B8-A468-45B38CD3B2A2/LeavingTheEU> (дата обращения: 15.01.2024).

21. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2017-09-06/debates/7FC771C4-3D86-4591-A8CB-5FEE951FC7A2/Engagements> (дата обращения: 15.01.2024).
22. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2018-03-14/debates/5BAA7D11-174C-4670-BBFA-37DD3FA1B521/Engagements> (дата обращения: 15.01.2024).
23. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-02-12/debates/F97FBC77-3E4E-4284-B693-094FB427F4AF/LeavingTheEU> (дата обращения: 15.01.2024).
24. De Landtsheer C., Hollander Sh., Maene P. Brexit and Political Personality: The Psychological Profiles of Boris Johnson and Jeremy Corbyn // Polis. Political Studies. 2021. № 6. P. 122–136.
25. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-09-25/debates/AD2A07E5-9741-4EBA-997A-97776F80AA38/PrimeMinisterSUpdate> (дата обращения: 15.01.2024).
26. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2020-02-26/debates/3A855EF2-48B4-468B-B4F6-53EFDFA1015C/PrimeMinister> (дата обращения: 15.01.2024).
27. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2021-01-06/debates/F28A020C-8CF9-4D5E-9C9A-CC75D540D7C8/Covid-19> (дата обращения: 15.01.2024).
28. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-07-25/debates/0aea87f0-a4ee-4281-ac91-2d565165aa1f/CommonsChamber> (дата обращения: 15.01.2024).
29. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-02-22/debates/16022210000001/EuropeanCouncil> (дата обращения: 15.01.2024).
30. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2019-01-16/debates/D130C27B-C328-48F8-B596-03F05BF2EF8A/NoConfidenceInHerMajesty%E2%80%99SGovernment> (дата обращения: 15.01.2024).
31. Ананьева Е. В. Кир Стармер – новый лидер британских лейбористов // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 69–75.
32. Webb N. Labour's Politics of Anti-Neoliberalism from Corbyn to Starmer // The Political Quarterly. 2023. 27 September. P. 1–8.
33. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2020-12-09/debates/B62126B2-4224-4830-9347-4174775A88E7/Engagements> (дата обращения: 15.01.2024).
34. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2021-09-06/debates/9BD7C4E5-F7DB-462A-BD17-655081EB04F5/Afghanistan> (дата обращения: 15.01.2024).
35. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2021-01-27/debates/6775A7DF-70AE-4198-8F00-57D12516675D/Covid-19Update?highlight=ivermectin> (дата обращения: 15.01.2024).
36. Hansard // UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2022-09-08/debates/6911DA71-90B4-466D-8B51-DF427AB29B53/UKEnergyCosts> (дата обращения: 15.01.2024).

Functioning of ergonyms of beauty salons in the city of Yaroslavl (according to the data of sociolinguistic experiment)

A. A. Talitskaya¹, Y. E. Zueva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-230-243

Research article
Full text in Russian

The article considers regional peculiarities of nomination in the field of beauty salons' ergonyms on the example of names of the city of Yaroslavl. The questionnaire of the sociolinguistic survey included questions allowing to evaluate the ergonyms of beauty salons in the city of Yaroslavl according to the following criteria: the correspondence of the name to the sphere of activity of the organization; the degree of attractiveness of the studied ergonyms for respondents; the reasons for the attractiveness/unattractiveness of the ergonyms for respondents; options for transforming the nomination for the convenience of using it in speech; the degree of importance of the name of the establishment for the consumer of goods/services in the process of choosing an organization to visit. As a result of analyzing the respondents' answers, the following conclusions were obtained. The names of the majority of the studied ergonyms correspond to the beauty sphere. The most attractive name of a beauty salon for Yaroslavl residents is Beauty Territory, which is characterized by correspondence to the sphere of activity of the organization and «beauty of sound». The importance of the name of a beauty salon when choosing a place to visit cannot be determined unequivocally: the answers of the respondents were distributed approximately equally, with 13.2 % of respondents not paying attention to the name when choosing a beauty salon. When using ergonyms in speech, the townspeople most often use elliptization, univertation, use of the identifier only.

Keywords: ergonym; onomastics; Yaroslavl; beauty salon; beauty sphere; speech

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Talitskaya, Anna A. | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Zueva, Yulia E. | E-mail: luzueva2002@mail.ru
Undergraduate

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-019).

For citation: Talitskaya A. A., Zueva Y. E. Functioning of ergonyms of beauty salons in the city of Yaroslavl (according to the data of sociolinguistic experiment) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 230-243. (in Russ.)

Функционирование эргонимов салонов красоты г. Ярославля (по данным социолингвистического эксперимента)

А. А. Талицкая¹, Ю. Е. Зуева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-230-243
УДК 81-114.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются региональные особенности номинации в области эргонимов салонов красоты на примере наименований города Ярославля. В анкету социолингвистического опроса были включены вопросы, позволяющие оценить эргонимы салонов красоты города Ярославля по следующим критериям: соответствие названия сфере деятельности организации; степень привлекательности исследуемых эргонимов для респондентов; причины привлекательности/непривлекательности эргонимов для респондентов; варианты преобразования номинации для удобства использования ее в речи; степень важности названия заведения для потребителя товара/услуги в процессе выбора организации для посещения. В результате анализа ответов респондентов были получены следующие выводы. Названия большинства исследуемых эргонимов соответствуют бьюти-сфере. Наиболее привлекательным названием салона красоты для ярославцев стало название Beauty Territory, которое характеризуется соответствием сфере деятельности организации и «красотой звучания». Нельзя однозначно определить важность названия салона красоты при выборе заведения для посещения: ответы опрошенных распределились примерно поровну, при этом 13,2 % опрошенных не обращают внимание на название при выборе салона красоты. При использовании эргонимов в речи горожане наиболее часто используют эллиптизацию, универбацию, употребление только идентификатора.

Ключевые слова: эргоним; ономастика; Ярославль; салон красоты; бьюти-сфера; речь

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Талицкая, Анна Александровна | E-mail: a.talitskaya@uniyar.ac.ru
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
общей и прикладной филологии

Зуева, Юлия Евгеньевна | E-mail: luzueva2002@mail.ru
Студент (4 курс), факультет филологии и коммуникации

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-019).

Для цитирования: Талицкая А. А., Зуева Ю. Е. Функционирование эргонимов салонов красоты г. Ярославля (по данным социолингвистического эксперимента) // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 230-243.

Значимую часть современного городского пространства составляют номинации организаций и предприятий, которые являются предметом исследования ономастики. Развивающейся областью современной ономастики является эргонимия – дисциплина, изучающая историю образования и функционирования эргонимов, а также принципы и способы их образования в разных языковых системах.

Исследование языка города становится одним из приоритетных и востребованных направлений современной лингвистики и способствует выявлению и изучению новых тенденций в жизни общества. На месте одних предприятий появляются новые, владельцы которых выбирают свою тактику привлечения клиентов, в том числе с помощью яркого, запоминающегося названия [1, с. 153]. Тенденции эти так или иначе связаны с усилением личностного начала, стремлением к языковой игре, со спонтанностью общения, с общей либерализацией языка и отражены в городских эргонимах, активно функционирующих в атмосфере все более разрастающейся межкультурной коммуникации [2, с. 94].

Исследования последних лет, посвященные изучению языка города, выделяют доминирующие в нем аспекты: в первую очередь лингвистов интересует устная городская речь с точки зрения ее связи с литературным языком; исследуются особенности речи горожан, формируется своеобразный письменный код города, изучается структурно-смысловой компонент разговорного дискурса; и наконец, исследуются номинации городского пространства (названия улиц, переулков, бульваров, фирм, ресторанов и т. п.) [3, с. 87]. В наименованиях городских коммерческих объектов находят отражение языковые процессы, наблюдаемые на современной стадии развития русского языка [4]. «Разговорная речь избегает многословности, стремится к краткости, потому длинные официальные названия сокращаются, возникают более удобные и компактные имена» [5, с. 78].

Объектом нашего исследования стали эргонимы салонов красоты г. Ярославля, а предметом – их употребление и функционирование в повседневной речи горожан. Нами было проведено интервьюирование опрошенных в форме электронного анкетирования с помощью сервиса Google-формы. Ответы респондентов были зафиксированы в письменной форме самими участниками исследования. Общее число респондентов, участвовавших в исследовании, – 152 человека, из них: 84,9 % опрошенных – лица женского пола, 15,1 % опрошенных – лица мужского пола; 40,1 % опрошенных – лица в возрасте от 18 до 25 лет; 25,7 % опрошенных – лица в возрасте от 36 до 50 лет; 13,2 % опрошенных – лица в возрасте до 18 лет; 11,8 % опрошенных – лица в возрасте от 26 до 35 лет; 9,2 % опрошенных – лица в возрасте от 51 до 65 лет. 48 % опрошенных выбрали социальный статус «работаю»; 32,2 % опрошенных – студенты; 15,1 % опрошенных – школьники; по 1,3 % опрошенных – домохозяйки, работающие студенты и лица в декретном отпуске; 0,7 % опрошенных – лица на пенсии.

Для исследования нами было отобрано 10 наименований салонов красоты города Ярославля: *Beauty Territory*, *Жаклин*, *Kochneva_nailshop*, *Золотые руки*, *Сладко Гладко*, *O2_STUDIO*, *В ЛОФТЕ*, *OLa-La*, *Blissline.pro*, *MEN & WOMEN*.

Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Предположите сферу деятельности организации, имеющей следующее название: *Beauty Territory*, *Жаклин*, *Kochneva_nailshop*, *Золотые руки*, *Сладко Гладко*, *O2_STUDIO*, *В ЛОФТЕ*, *OLa-La*, *Blissline.pro*, *MEN & WOMEN*.

2. Представленные в первом вопросе названия являются названиями **салонов красоты**. Оцените, нравится ли Вам название (где 1 – совершенно не нравится, 5 – очень нравится).

3. Почему Вам нравится/не нравится это название?

4. Как Вы употребите название заведения при упоминании в обычном повседневном общении? Продолжите фразу «Я сейчас в..... или Давай зайдем в...».

5. Важно ли для Вас название при выборе салона красоты?

- вообще не важно;
- скорее нет, чем да;
- ни то, ни другое;
- скорее да, чем нет;
- да, очень.

Цель первого вопроса – выявить соответствие названия заведения сфере его деятельности, определить, считается ли сфера деятельности организации опрошенными.

Цель второго вопроса – определить степень привлекательности выбранных эргонимов для респондентов (по пятибалльной шкале).

Цель третьего вопроса – выявить причины привлекательности/непривлекательности эргонимов для респондентов.

Цель четвертого вопроса – определить варианты преобразования номинации для удобства использования ее в речи.

Цель пятого вопроса – выявить важность названия заведения для потребителя товара/услуги в процессе выбора организации для посещения.

Результаты оценивались следующим образом:

– соответствие названия организации сфере ее деятельности оценивалось в процентном соотношении ответов с верным указанием на область работы организации к общему числу ответов;

– степень привлекательности названия оценивалась респондентами по пятибалльной шкале;

– причины привлекательности/непривлекательности названий оценивались в процентном соотношении идентичных ответов к общему числу ответов;

– способы преобразования номинации определялись общим количеством ответов, данных респондентами, к каждому названию заведения. Идентичные варианты ответов по номинации были выражены в процентном соотношении к общему числу респондентов;

– степень важности названия заведения для респондента при выборе организации для посещения оценивалась респондентами по шкале с вариантами ответов, ранжированными по степени важности от «вообще не важно» до «да, очень важно».

Результаты анализа ответов на первый вопрос отражены в таблице 1. В столбце «Соответствие бьюти-сфере, %» указан процент респондентов, верно определивших характер деятельности организации. В столбцах «Частотные верные/неверные варианты ответа, %» для каждого эргонима указаны наиболее популярные ответы, в которых верно/неверно определена сфера организации соответственно, в процентном соотношении к общему числу ответов. Названия расположены по принципу убывания количества ответов, в которых верно определена сфера деятельности организации.

Соответствие названия сфере деятельности организации

Название эргонима	Принадлежность бьюти-сфере, %	Частотные верные варианты ответа, %	Частотные неверные варианты ответа, %
Beauty Territory	89,4	Салон красоты/студия красоты – 48,6 Красота/индустрия красоты – 12,5 Косметика/косметология – 9,8	Благоустройство территорий, ландшафтный дизайн – 7,2
Kochneva_nailshop	52,4	Ногтевой сервис/студия маникюра – 47,3	Магазин, занимающийся продажей расходных товаров для маникюра – 29,8 Название предприятия, занимающегося торговлей различных товаров – 12,5
Сладко Гладко	51,9	Депиляция/эпиляция/шугаринг – 44	Предприятие индустрии питания/магазина, торгующего продуктами питания – 40,7
Золотые руки	45,3	Маникюрный салон – 15,7 Массажный салон – 10,5 Салон красоты – 6,4	Организация, деятельность которой связана с ручной работой (рукоделие, ателье, мастерские, ремонт) – 50
Жаклин	43,4	Парикмахерская – 20,3 Салон красоты – 7,8 Парфюмерия – 5,2	Торговля женской одеждой – 28,2 Организация, связанная с индустрией питания или изготовлением продуктов питания – 13,8
Blissline.pro	39,4	Салон красоты/студия красоты – 17,7 Парикмахерская – 3,9 Косметика/косметология – 3,9	Название медицинского учреждения – 7,2 Организация, занимающаяся туризмом – 4,6 Название магазина одежды – 3,2 Название организации, связанной с IT-сферой («компьютеры», «компьютерные игры») – 3,2
O2_STUDIO	23	Салон красоты – 14,5	Название студий, занимающихся звукозаписью (музыкой), фотографией, танцами – 41,4 Предприятие, связанное с прямой или косвенной продажей продуктов, обогащенных кислородом (кислородные коктейли, заправка баллонов кислородом) – 9,2
MEN & WOMEN	19	Парикмахерская – 7,8 Салон красоты – 6,5	Название организации, занимающейся изготовлением и продажей мужской и женской одежды – 63,1

OLa-La	17,7	Салон красоты – 8,5 Косметика/магазин косметики – 4,6	Название заведения, связанного с индустрией питания (кафе/ресторан/бар) – 23 Название магазина одежды – 19,7 Название организации, связанной с танцами – 8,5 Название организации индустрии развлечений («караоке», «клуб», «развлечения») – 7,8 Название организации, связанной с музыкой («музыка», «музыкальные инструменты») – 5,2 Сфера деятельности организации ограничена пометой «18+» – 2,6
В ЛОФТЕ	7,2	Салон красоты – 4,6	Название заведения, связанного с индустрией питания (кафе/ресторан/бар) – 25 Название предприятия, занимающегося изготовлением, дизайном или продажей мебели – 20,3 Название организации, занимающейся арендой помещений для проведения мероприятий – 10,5 Спортивное заведение – 9,2 Название заведения, занимающегося продажей одежды – 4,6

Анализ частотных ответов показал, что для каждого из эргонимов можно выделить индивидуальные определения сферы деятельности организации. Нами были выявлены вероятные причины полученных ответов.

Beauty Territory – 74 респондента определили сферу деятельности организации с помощью общего идентификатора «салон красоты», причина популярности этого ответа связана с наличием компонента *beauty* (от англ. *расота*) в названии. Частотный неверный вариант ответа, на наш взгляд, связан с дословным переводом названия не как «Территория красоты», а как «Красивая территория».

Kochneva_nailshop – 72 опрошенных не только верно определили принадлежность организации к бьюти-сфере, но и точно указали специализацию салона на услугах ногтевого сервиса. Это указывает на то, что использование компонента *nail* в названии верно считывается потребителями. Частотные неверные ответы связаны с переводом эргонима на русский язык (*nail* – ноготь, *shop* – магазин).

Сладко Гладко – 67 опрошенных верно выявили, что это салон, оказывающий услуги шугаринга (удаление волос с помощью сахарной пасты). Частотный неверный ответ «кондитерская» связан с эпитетом «сладко».

Золотые руки – интересно, что 24 респондента указали специализацию салона на услугах ногтевого сервиса, на что, на наш взгляд, повлиял компонент *руки* в названии. Для опрошенных, давших такой ответ, в названии заложена характеристика результата услуги, а не описание профессионализма работников заведения. Частотный неверный ответ связан со значением устойчивого образного вы-

ражения, использованного в названии, которое синонимично выражению *мастер на все руки*.

Жаклин – 31 респондент указал специализацию салона на парикмахерских услугах, что, на наш взгляд, связано с распространенностью использования женских имен при номинации парикмахерских салонов. Частотный неверный вариант связан с распространенностью использования женских имен при номинации организаций, занимающихся торговлей женской одеждой.

Blissline.pro – большинство респондентов (27 опрошенных), давших верный ответ, определяет сферу деятельности предприятия общим наименованием «салон красоты». Среди частотных неверных вариантов ответа самым популярным оказался вариант «Название медицинского учреждения» (возможно, это связано с распространенностью использования домена *pro* при номинации медицинских учреждений).

O2_STUDIO – 22 респондента определили сферу деятельности организации общим идентификатором «салон красоты». Частотные неверные варианты связаны с наличием в названии компонента *studio* и с обозначением химического элемента кислорода.

MEN & WOMEN – 12 респондентов указали специализацию салона на оказании парикмахерских услуг. На наш взгляд, это обусловлено тем, что самые популярные бьюти-процедуры, предназначенные как для мужчин, так и для женщин связаны с деятельностью парикмахерских салонов. Самым частотным вариантом ответа оказался неверный – «Название организации, занимающейся изготовлением и продажей мужской и женской одежды». Респонденты связывают название с характеристикой ассортимента заведения (что-то, что предназначено для мужчин и для женщин).

OLa-La – 13 опрошенных определили сферу деятельности салона с помощью общего идентификатора «салон красоты». Большое количество разнообразных неверных частотных вариантов ответа указывает на то, что сфера деятельности организации не считается потребителями.

В ЛОФТЕ – 7 респондентов определили сферу деятельности организации общим идентификатором «салон красоты». 14 опрошенных неверно ответили, что это спортивное заведение. По данным комментариев самих респондентов, это связано с популярностью среди жителей города фитнес-клуба *Loft Fitness* с аналогичным названием.

Составленный на основе полученных ответов рейтинг привлекательности номинаций можно представить следующим образом. Привлекательность организации оценивалась в процентном соотношении числа ответов с баллами «4» и «5» к общему числу ответов. Процентное соотношение указано в скобках:

1. *Beauty Territory* – 97 ответов (63,8 %);
2. *OLa-La* – 62 ответа (40,7 %);
3. *MEN & WOMEN* – 51 ответ (33,6 %);
4. *Золотые руки* – 50 ответов (32,9 %);
5. *Kochneva nailshop* – 47 ответов (30,9 %);
6. *Жаклин* – 46 ответов (30,3 %);
7. *Blissline.pro* – 44 ответа (28,9 %);

8. *Сладко Гладко* – 43 ответа (28,3 %);

9. *O2_STUDIO* – 42 ответа (27,6 %);

10. *В ЛОФТЕ* – 32 ответа (21,1 %).

Анализ ответов респондентов показывает, что самыми частыми причинами высоких оценок («4» и «5» баллов) являются несколько факторов.

Для *Beauty Territory* – соответствие названия сфере деятельности организации (67 % ответов), «красота звучания» (14,8 % ответов).

Для *Жаклин* – «красота звучания» (52,6 % ответов) и возникновение положительных ассоциаций с носителями этого имени (15,7 % ответов).

Для *Kochneva_nailshop* – соответствие названия сфере деятельности организации (47 % ответов), использование фамилии владельца в названии (41,1 % ответов).

Для *Золотые руки* – соответствие названия сфере деятельности организации (36,3 % ответов) и высокая метафорическая оценка качества услуг, оказываемых в салоне (31,8 % ответов).

Для *Сладко Гладко* – «оригинальность», «наличие языковой игры» (33,3 % ответов), «красота звучания» (20,8 % ответов).

Для *O2_STUDIO* – «красота звучания» (61,5 % ответов), «современность» названия (30,7 % ответов).

Для *В ЛОФТЕ* – «красота звучания» (23,5 % ответов) и «современность» названия (17,6 % ответов).

Для *OLa-La* респонденты формулировали причину как «красота звучания» (32 % ответов), «интересно звучит» (16 % ответов), «простое, небанальное» (12 % ответов).

Для *Blissline.pro* – «красота звучания» (34,7 %), современность названия (17,3 % ответов).

Для *MEN & WOMEN* – соответствие названия сфере деятельности организации (50 % ответов).

Среди выделенных для названий причин привлекательности самыми частотными являются соответствие названия сфере деятельности организации и «красота звучания». Под последним мы понимаем лаконичность названия, удобный для произношения и восприятия фонетический состав, использование лексем, семантически привлекательных для респондентов (слова лексико-семантического поля «Красота» и смежных с ним).

Самыми частыми причинами низких оценок («1» и «2» балла) стали следующие факторы: несоответствие названия сфере его деятельности (46,8 % ответов), неоригинальность/банальность эргонима (21,8 % ответов), запись эргонима на английском языке (15,6 % ответов).

Таким образом, для потребителя самыми важными критериями привлекательности эргонима являются соответствие названия сфере деятельности организации (на наш взгляд, это связано с желанием сократить количество времени на выбор фирмы для посещения, в чем может помочь точное конкретное название, отражающее характер деятельности предприятия), оригинальность и небанальность эргонима, «красота звучания» и запись онима на русском языке (мы связываем это с желанием потребителей упростить процесс выбора салона и произношение

его названия). Также важно отметить, что у респондентов положительную оценку вызвали названия, которые сами вызывают положительные ассоциации, и названия, в которых использованы фамилии владельцев организаций. На наш взгляд, это связано с усилением личностного начала в процессе номинации, на что мы указывали ранее.

Интересно отметить, что получившие самое большое и самое малое количество положительных оценок эргонимы (*Beauty Territory* и *В ЛОФТЕ* соответственно) являются организациями, получившими самое большое и самое малое количество ответов, в которых верно была определена сфера деятельности организации, соответственно.

Анализ ответов на пятый вопрос анкеты («Важно ли для Вас название при выборе салона красоты?») показал, что для 73 опрошенных (48 %) название салона важно при выборе заведения для посещения (64 респондента (42,1 %) выбрали вариант «скорее да, чем нет», 9 респондентов (5,9 %) выбрали вариант «да, очень важно»). Для 59 опрошенных (38,8 %) название салона не важно при выборе организации (41 респондент (27 %) выбрал вариант «скорее нет, чем да», 18 респондентов (11,8 %) выбрали вариант «вообще не важно»). 20 опрошенных (13,2 %) выбрали вариант «ни то, ни другое», что, на наш взгляд, показывает, что опрошенные не обращают внимания на название или наименование не играет роли при выборе салона.

Таким образом, почти половина опрошенных обращает внимание на название, оно является одним из критериев, по которым потребители товара/услуги выбирают заведение для посещения. Однако важно заметить, что из числа респондентов, давших положительный ответ, большая часть опрошенных выбрала не однозначный ответ «да, очень важно», а вариант «скорее да, чем нет». Это говорит о лояльности потребителей к наименованиям заведений, а также о том, что название не является первостепенным фактором, на который обращают внимание потребители при выборе салона красоты.

Анализ ответов на вопрос «Как Вы употребите название заведения при употреблении в обычном повседневном общении? Продолжите фразу «Я сейчас в..... или Давай зайдем в...» показал следующие результаты. Варианты преобразования номинации для удобства использования ее в речи указаны ниже, все варианты указаны в предложном падеже (в скобках указано количество ответов по каждому варианту).

Beauty Territory – Бьюти Территори/*Beauty Territory* (55), Бьюти/*Beauty* (30), Территории (19), в салоне/салоне красоты (10), Бьютике (7), БТ/ВТ (7), Территории Красоты (6), Бьюти Плейс (1), Бьюти Стор (1), Бьюти Пространстве (1), Бьюти Салоне (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация (опускается идентификатор «салон красоты») – 36,1 % респондентов;
2. Универбация (19,7 % используют только первое слово, 12,5 % – второе в русском переводе);
3. Использование только идентификатора – 6,5 %;

4. Универбация и прибавление суффикса к английскому прилагательному (*Бьютик*) – 4,6 %;

5. Аббревиация (использование только первых букв каждого из слов в словосочетании) – 4,6 %;

6. Перевод названия на русский язык – 3,9 %;

7. Замена компонента *Territory* на другой, более удобный в употреблении (односложные *Стор*, *Плейс*, русскоязычные *Пространство*, *Салон*) – 2,6 %.

Жаклин – Жаклин (105), Жаклине (11), в салоне/салоне красоты (8), в салоне Жаклин (7), Жаке (4), к Жульке (1), Французской маникюрне (1), у королевы красоты (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация – 69,7 %;

2. Склонение названия, прибавление окончания в предложном падеже – 7,2 %;

3. Употребление только идентификатора – 5,2 %;

4. Употребление названия с идентификатором – 4,6 %;

5. Редукция названия до первого слога и склонение как существительного мужского рода с нулевым окончанием – 2,6 % (*Жак* – в *Жаке*).

Оставшиеся 1,9 % респондентов, давших единичные ответы, заменили название *Жаклин* на ироничное *Жулька*, на описательное название *Французская маникюрня* и образное название *У королевы красоты*.

Kochneva_nailshop – Кочневой (46), *Kochneva_nailshop*/Кочнева нэйлшоп (20), нэйлшопе (15), на ногтях (15), в салоне/салоне красоты (12), на маникюре (5), магазине для ногтей (3), кочке (2), в магазине (2), магазине Кочневой (2), в салоне у Кочневой (1), кочеве (1), Кочневой ногти (1), маникюрном (1), маникюрном магазине (1), ноготочках (1), в топ шоп с непонятным названием (1), коничива нейлшопе (1), конишке (1), у тетки в соседнем дворе (1), деревне у знакомой маникюрщицы (1), косиках (1), нельсе (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация и универбация – 30,2 %. При номинации используется только одна из частей названия – фамилия владельца. Слово *nailshop* в наименовании воспринимается как идентификатор, поэтому треть респондентов не называет его;

2. Эллиптизация – 13,1 %;

3. Универбация (использование только компонента *nailshop*) – 9,8 %;

4. Метонимическая замена (*на ногтях*) – 9,8 %;

5. Употребление только идентификатора – 7,8 %;

6. Замена на название услуги (*на маникюре*) – 3,2 %;

7. Употребление идентификатора (*магазин*) – 5,2 %;

8. Редукция и видоизменение фамилии владельца, в том числе с помощью приемов языковой игры (*кочке*) – 3,2 %;

9. Использование описательного названия с указанием на сферу деятельности фирмы и на пол владельца (*у тетки, у маникюрщицы*) – 1,3 %.

Были даны единичные ответы, в одном из которых название заведения заменено на словосочетание *с непонятным названием*, в другом – фамилия *Кочнева* заменена на созвучное японское *коничива* (в пер. с японского – привет), в последнем –

одна из частей названия *nails* употреблена в упрощенном фонетически варианте *нельс*.

Золотые руки – Золотых руках (71), в салоне/салоне красоты (19), руках (13), ручках (10), салоне «Золотые руки» (4), золотых (2), ЗР (2), золотой парикмахерской (1), золоте (1), очумелых ручках (1), соне золотой ручке (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация – 46,7 %;
2. Употребление только идентификатора – 12,5 %;
3. Универбация – 15,1 %, при этом 10 из 23 (43 %) прибавляют суффикс субъективной оценки, которого нет в исходном названии;
4. Употребление полного наименования с идентификатором – 2,6 %;
5. Универбация (только первый компонент названия) – 1,3 %;
6. Аббревиация – 1,3 %.

Среди 2,6 % ответов встретились единичные варианты, в одном из которых первый компонент названия прибавляется к общему идентификатору *парикмахерская*, за счет чего прослеживается языковая игра (*золотая парикмахерская* в значении очень хорошая или очень дорогая). Еще один ответ содержит упоминание только существительного, от которого образован первый компонент названия (*золото*), другой – содержит ассоциативное синонимичное название *очумелые ручки*. Один из ответов содержит упоминание авантюристки Софьи Ивановны Блювштейн, известной по прозвищу *Сонька золотая ручка*.

Сладко Гладко – Сладко Гладко (66), в салоне/салоне красоты (18), сладко (8), сладком (6), гладко (4), на шугаринге (3), в салоне Сладко Гладко (2), гладильне (1), в месте где сладко и гладко (1), Горько Шершаво (1), на депиляции (1), сладкости (1), сладкоежке (1), гладком сладком (1), раю (1), у Алёнки (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация – 43,4 %;
2. Употребление только идентификатора – 11,8 %;
3. Универбация (только первый компонент) – 9,2 %, при этом 6 из 14 (43 %) произносят не наречие *сладко*, а прилагательное в падежной форме *сладком*;
4. Универбация (только второй компонент) – 2,6 %;
5. Замена на название услуги – 2,6 %;
6. Употребление полного наименования с идентификатором – 1,3 %.

Остальные 4,6 % опрошенных дали единичные ответы, среди которых производное от наречия *гладко* существительное *гладильня*; описательное название *место, где сладко и гладко*; название, включающее языковую игру, основанную на приеме антонимизации (*сладко – горько, гладко – шершаво*); образованные от наречия *сладко* названия *сладкоежка, сладкость*; название, в котором оба компонента становятся прилагательными в падежной форме (*сладком гладком*); наименование *рай* (причины замены не выявлены); замена названия на наименование у *Аленки* (связано с переосмыслением рекламного слогана одноименной кондитерской марки: *С Аленкой все сладко да гладко*).

O2_STUDIO – студии/студио (39), O2_STUDIO (24), O2/O2 (24), в салоне/салоне красоты (11), кислороде (9), второй студии (6), студии красоты (3), кислород сту-

дии (3), студии O2 (2), ту студио (2), студии два (2), O2_ST (1), двойке (1), ашдвао (1), H2O просто добавь воды (1), второй (1), конторке (1), zero ту (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Универбация (только компонент *studio*) – 25,6 %;
2. Эллиптизация – 15,7 %;
3. Универбация (только компонент O2) – 15,7 %;
4. Употребление только идентификатора – 7,2 %;
5. Вербальная замена обозначения химического элемента – 5,9 %;
6. Употребление только числового компонента (числительное порядковое) с идентификатором *студия* – 3,9 %;
7. Употребление только идентификатора *студия* – 1,9 %;
8. Употребление вербальной замены химического элемента с идентификатором *студия* – 1,9 %;
9. Инверсия исходного названия – 1,3 %;
10. Употребление только числового компонента на английском языке (*two*) с идентификатором *студия* – 1,3 %;
11. Употребление только числового компонента (числительное количественное) с идентификатором *студия* – 1,3 %.

Среди 4,6 % ответов встретились единичные варианты, в числе которых редукция названия (*O2_ST*), использование только числового компонента в различных вариациях (*двойке*, *второй*), замена обозначения химического элемента кислорода на формульное обозначение молекулы воды (примечательно, что один из вариантов содержит название сериала «H2O: просто добавь воды»); употребление только первого компонента (в котором буква O заменена на цифру 0) в английском варианте (*O2 – zero two*); использование названия *конторка* (причины замены не выявлены).

В ЛОФТЕ – лофте (113), в салоне/салоне красоты (11), лифте (8), салоне «Лофт» (3), салоне, который в лофте (1), на чердаке (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация – 74,3 %;
2. Употребление только идентификатора – 7,2 %;
3. Замена на созвучное *лифт* – 5,2 %;
4. Употребление идентификатора *салон* и беспредложного названия организации – 1,9 %.

В числе 1,3 % ответов были выявлены единичные ответы, в том числе описательное название (*в салоне, который в лофте*), замена иноязычного *лофт* на русскоязычное *чердак*.

OLa-La – ола-ла/оля-ля/ула-ла (72), в салоне/салоне красоты (14), ла-ла/ля-ля (13), оле (9), ола (7), салоне OLa-La (3), у Оли (2), БлаБлаБла (1), лалале (1), лалушке (1), олале (1), хола центре (1), пошли делать олала (1), у Элочки (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация – 47,3 %;
2. Употребление только идентификатора – 9,2 %;

3. Редукция названия до двух слогов – 19 % (редукция до конечных слогов – 8,5 %; редукция до первых слогов и склонение получившегося варианта – 5,9 %; редукция до первых слогов без склонения получившегося варианта – 4,6 %)

4. Употребление полного наименования салона с идентификатором *салон* – 1,9 %;

5. Редукция названия до первых двух слогов и переосмысление получившейся части как женского имени *Оля* – 1,3 %.

Среди 4,6 % ответов встретились единичные варианты, среди которых замена междометия *ola-la* на созвучное *бла-бла-бла*; склонение междометия, прибавление начального гласного «л» к междометию и суффикса субъективной оценки -ушк- (*олале, лалале, лалушке*); редукция названия до первых двух слогов, прибавление начального гласного *х* до созвучного *hola* (от исп. *привет*) и замена идентификатора на *центр*; замена название на описательное *пойдем делать олала*; замена названия на созвучное имя *Элочка*.

Blissline.pro – блислайн (45), в салоне/салоне красоты (18), блислайн.про/Blissline.pro (16), блиссе (15), про (7), лайне/линии (6), БлисПро (2), салоне Блислайн про (2), прошке (2), белиссимо (1), блестяшке (1), на ногтях (1), стригусь (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Универбация (только первый компонент названия *blissline*) – 29,6 %;
2. Употребление только идентификатора – 11,8 %;
3. Эллиптизация – 10,5 %;
4. Редукция названия до первого слога – 9,8 %;
5. Универбация (только второй компонент названия *pro*) – 4,6 %;
6. Редукция названия до второго слога (как в оригинальном звучании, так и в русском переводе – *line/линия*) – 3,9 %;
7. Аббревиация (употребление сложносокращенного слова *БлисПро*) – 1,3 %;
8. Употребление как идентификатора *салон*, так и полного наименования организации – 1,3 %;
9. Универбация (только второй компонент названия *pro*) и прибавление суффикса субъективной оценки – 1,3 %.

Среди 2,6 % ответов встретились единичные варианты, в числе которых замена первого компонента названия на созвучные *белиссимо* (от итал. *прекрасный*), *блестяшка*; замена названия на указание услуги – *стригусь*, метонимическая замена на *на ногтях*.

MEN & WOMEN – MEN & WOMEN/мен и вумен/мен эн(д) вумен (40), в салоне/салоне красоты (25), мен вумен (14), м и ж/m&w (13), мужском женском (10), мужчинах женщинах (7), мен/ к менам (6), для двоих (2), вуман (1), унисекс (1), нем войнем (1).

При употреблении эргонима в речи используются следующие приемы:

1. Эллиптизация – 26,3 %;
2. Употребление только идентификатора – 16,4 %;
3. Редукция названия за счет пропуска союза – 9,2 %;
4. Аббревиация – 8,5 %;
5. Перевод названия на русский язык, использование прилагательных вместо существительных – 6,5 %;

6. Перевод названия на русский язык – 4,6 %;
7. Универбация (только первый компонент названия *men*) – 3,9 %;
8. Замена названия на собирательное числительное *двое* – 1,3 %.

В числе 1,9 % ответов встретились единичные варианты: образованный с помощью универбации (только второй компонент *women*), обобщающее название *унисекс* (от лат. *unitus* – единый, *sexus* – пол); созвучное наименование *нем войнем* (причины замены не выявлены).

Таким образом, наиболее частотными приемами употребления эргонимов в речи стали эллиптизация (используется для всех 10 наименований), универбация (используется для 7 наименований), употребление только идентификатора (используется для всех 10 наименований). Часто встречается использование приемов редукции, перевода на русский язык, аббревиация, замена на созвучные/семантические близкие наименования. Реже используются приемы инверсии названия, описательная замена на название услуги, замены, возникшие по ассоциативному принципу.

Подводя итогу, отметим, что среди исследуемых эргонимов салонов красоты города Ярославля наиболее соответствующим бьюти-сфере является эргоним *Beauty Territory*, наименее соответствующим – эргоним *В ЛОФТЕ*. Эти же номинации стали самыми привлекательными и непривлекательными для опрошенных соответственно. Для потребителя самыми важными критериями привлекательности эргонима являются соответствие названия сфере деятельности организации, оригинальность и небанальность эргонима, «красота звучания» и запись онима на русском языке. Также важно отметить, что положительную оценку респондентов получили названия, которые вызывают положительные ассоциации, и названия, в которых использованы фамилии владельцев организаций.

Ссылки

1. Доржиева Г. С. Информационный потенциал эргонимов г. Улан-Удэ // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики: Материалы межрегионального методического семинара. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2020. С. 150–156. EDN LDZDTM.
2. Дударева З. М. Межкультурная коммуникация в лингвистическом пространстве городской эргонимики // Лингвокультурология. 2018. № 12. С. 93–97. EDN YPNJFZ.
3. Федотова Т. В. Репрезентация региональной идентичности в эргонимическом поле Кубани // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 85–90. EDN XQZQPJ.
4. Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 4. С. 168–179. DOI 10.15826/voprg_onom.2019.16.4.051.
5. Мальцева М. В. Городской ономастикон Сыктывкара // Научный диалог. 2015. № 6. С. 72–87. EDN TZYMFJ.

The World of Color in I.A. Bunin's short story "Henry": coloratives and sense of Motherland

F. F. Farkhutdinova¹, K. K. S. Ndouniama¹

¹Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-244-253

Research article
Full text in Russian

The composition, semantics and functioning of words with color meanings (coloratives) are of interest to researchers specializing in various fields of scientific knowledge. The relevance of studying this group of words is determined with an important trend: to describe the facts of culture fixed in the units of the language, as well as to highlight culturally significant information in them. This tendency is manifested in the study of the writer's language. The analysis of coloratives, their composition and role in Ivan Bunin's multi-genre works is actively conducted, but it is often carried out without focusing on a specific work of art. The article analyzes the coloratives functioning in the text of the story «Henry» (a collection of short stories «Dark Avenues»), which is called a gloomy, or twilight, story. The analysis showed that the writer uses about 120 coloratives in the text of the story, most of which denote bright («daytime») colors (Rus. лиловый, индиго, янтарно-коричневый, цвета луковой шелухи). The nature of the selection of words naming the main colors of the spectrum and their shades in the text of the story shows the author's likes and dislikes. Semantic, lexicographic and linguocultural analysis of landscape and portrait descriptions is carried out against the background of materials from the National Corpus of the Russian language (the Main and Poetic subcorps). The analysis has shown that the coloratives become for the author not only a means of accurately and figuratively describing the world around them, but also a way of expressing the hero's condition and his attitude towards Russia and Europe.

Keywords: Ivan Bunin; coloratives; composition; semantics; functioning; portrait; landscape

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Farkhutdinova, Fenia F. | E-mail: fenfar@mail.ru
D. Sc. (Philology), Professor

Ndouniama, Kanga Kedrain Steve | E-mail: kedrainkanga@gmail.com
Postgraduate

For citation: Farkhutdinova F. F., Ndouniama K. K. S. The World of Color in I.A. Bunin's short story «Henry»: coloratives and sense of Motherland // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 244-253. (in Russ.)

Мир цвета в рассказе И. А. Бунина «Генрих»: колоративы и чувство Родины

Ф. Ф. Фархутдинова¹, К. К. С. Ндуниама¹

¹Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-244-253
УДК 811.161.1'37

Научная статья
Полный текст на русском языке

Состав, семантика и функционирование слов с цветовым значением – колоративов – представляет интерес для исследователей, специализирующихся в разных областях научного знания. Актуальность изучения этой группы слов определяется важной тенденцией: описать факты культуры, закрепленные в единицах языка, а также выделить в них культурно значимую информацию. Данная тенденция проявляется при изучении языка писателя. Анализ колоративов, их состав и роль в разножанровых произведениях И. А. Бунина ведется активно, но зачастую строится без ориентации на конкретное художественное произведение. В статье анализируются колоративы, функционирующие в тексте рассказа «Генрих» (цикл «Темные аллеи»), который называют сумрачным, или сумеречным, рассказом. Проведенный анализ показал, что в тексте рассказа писатель использует около 120 колоративов, большая часть из которых обозначает яркие («дневные») цвета: *лиловый, индиго, янтарно-коричневый, цвета луковой шелухи*. Характер отбора слов, называющих основные цвета спектра и их оттенки, в тексте рассказа показывает авторские симпатии и антипатии. Семантический, лексикографический и лингвокультурологический анализ пейзажных и портретных описаний осуществляется на фоне материалов Национального корпуса русского языка (основной и поэтический подкорпусы). Проведенный анализ показал, что колоративы становятся для автора не только средством точного и образного описания окружающего мира, но и способом выражения состояния героя и его отношения к России и Европе.

Ключевые слова: И. А. Бунин; колоративы; состав; семантика; функционирование; портрет; пейзаж

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фархутдинова, Фения Фарвасовна | E-mail: fenfar@mail.ru
Доктор филологических наук, профессор, Центр русистики и международного образования

Ндуниама, Канга Кедрэн Стэв | E-mail: kedrainskanga@gmail.com
Аспирант, Центр русистики и международного образования

Для цитирования: Фархутдинова Ф. Ф., Ндуниама К. К. С. Мир цвета в рассказе И. А. Бунина «Генрих»: колоративы и чувство Родины // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 244-253.

Цветовой лексике (словам с цветовым значением, колоративам, цветовым словам, словам-цветообозначениям) в произведениях И. А. Бунина посвящен широкий круг исследований разного уровня: от выпускных квалификационных работ сту-

дентов-бакалавров до диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук, от статей до монографий [1; 2; 3; 4; 5; 6], что объясняется главным образом объективными причинами.

К их числу относят активизацию изучения роли цвета науками, связанными с человеком и обществом (психологией, этнографией, этнологией, маркетингом и др.), а соответственно, и такими научными направлениями, как этнолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, коммуникативистика (межкультурная коммуникация, теория и практика перевода) [7].

Другой объективной причиной стало расширение круга филологических исследований, нацеленных на осмысление роли цветочных слов в формировании идиостиля писателя и в создании художественного образа. Применительно к творчеству И. А. Бунина интерес поддерживается особенностями восприятия окружающего мира самим писателем. Иван Алексеевич неоднократно обращал внимание на особенный дар, полученный им при рождении, – необыкновенную остроту зрения, слуха и тончайшее обоняние. *Зрение у меня было такое, – писал он в романе «Жизнь Арсеньева», – что я видел все семь звезд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги...* [8]. И этот дар нашел отражение на страницах произведений Бунина, когда писатель изображал мир в его цветовом, звуковом богатстве и сенсорных ощущениях – тончайших оттенках, которые он обозначал в том числе и с помощью колоративной лексики.

Под колоративной лексикой, или колоративами, здесь и далее понимаются слова-цветообозначения, или слова с цветовым значением, как это принято в ряде исследований последнего времени [9; 10; 11]. К колоративам могут быть отнесены слова разных частей речи, если в их семантике присутствуют семы *цвет, оттенок цвета, свет* и др. Это, например, лексемы, обозначающие цвет (*белый, красный*), проявление цвета (*темнеть, белеть*), слова, ассоциирующиеся с цветом (*апельсин, фиалка*), степень проявления цвета или света (*ярко*), устойчивые образования, содержащие цветочные семы (*как уголь, точно смоль*), и др. Реализация лексем в их «цветовом значении» разнообразна, но чаще всего они встречаются в описании пейзажа, интерьера и портрета.

Лирические произведения, проза большой и малой формы насыщены словами с цветовым значением, но их цветочный словарь различен, что объясняется жанровой природой, тематикой, проблематикой, целевыми установками и эмоциональным состоянием автора. Известно, что в стихах Бунина самый любимый и актуальный цвет – синий и его оттенки, в «Темных аллеях» главенствует *тёмный* [6]. Но это утверждение нельзя назвать справедливым применительно к каждому из рассказов цикла. Рассмотрим колоративы в рассказе «Генрих», который считают одним из самых ярких в цикле, что в целом совпадает с оценкой автора. 11 ноября 1940 года Иван Алексеевич написал в дневнике: «Вчера поздно вечером кончил «Генрих» (начал 6, писал 7 и 9). ... «Генрих» перечитал, кое-что черкая и вставляя, нынче утром. Кажется, так удалось, что побегал в волнении по площадке перед домом, когда кончил» [12].

Данный рассказ, написанный в эмиграции, интересен для нас своей цветописью. Цвет и свет оказываются одним из «ключей» к пониманию чувства Родины у Бунина-писателя и человека. Это связано с характером повествования: оно ведет-

ся от 3-его лица, что позволяет объективно и без эмоций изображать героев и развитие сюжетной линии.

Вопреки названию рассказа, главным героем произведения является не Генрих, а поэт Глебов. Мы встречаемся с ним за несколько часов до его отъезда: он собирается в путешествие из морозной Москвы в солнечную Ниццу. Читатель становится свидетелем сцен прощания Глебова с любимыми женщинами. В гостиничном номере он прощается со своей юной любовницей – поэтессой Надей, на платформе вокзала и в купе его провожает другая любовница, которую зовут Ли. Когда поезд тронулся, выясняется, что в соседнем купе его ожидает третья женщина, которую Глебов характеризует в своих мыслях как «отличного товарища». «Отличного товарища» зовут Генрих – Елена Генриховна. Путешествие с Генрихом ни к чему не обязывает и оставляет надежду на новые встречи и новые отношения. Неслучайно в московской гостинице у Глебова промелькнула мысль: *... всегда кажется, что где-то там будет что-то особенно счастливое, какая-нибудь встреча...* [13, с. 129]. Где может быть эта встреча? В любой точке выбранного им маршрута: на вокзале Вены, в снегах Зиммеринга, в Италии или в Ницце, где *теперь чудесно*. Герой находится в предвкушении приятной поездки с приятной спутницей. Поначалу всё шло по задуманному, но его ожиданиям не суждено было сбыться. Поездка измучила его и заставила забыть обо всём. Какую роль в художественной ткани рассказа играют слова с цветовым значением? Какие это слова? И как они помогают понять чувства героя и автора рассказа? Попытаемся ответить на эти вопросы в ходе дальнейших наблюдений.

Первые слова с цветовым значением Бунин использует в самом начале рассказа, когда описывает зимнюю Москву. Рассказ начинается так: *В сказочный морозный вечер с **сиреневым** инеем в садах лихач Касаткин мчал Глебова на высоких, узких санках вниз по Тверской в Лоскутную гостиницу – заезжали к Елисееву за фруктами и вином. Над Москвой было еще **светло, зеленело** к западу чистое и прозрачное небо, тонко сквозили пролетами верхи колоколен, но внизу, в **сизой** морозной **дымке**, уже **темнело** и неподвижно и нежно **сияли** огни только что **зажженных фонарей*** [Там же. С. 129]. Выделим колоративы: *с **сиреневым** инеем, **светло, зеленело** чистое и **прозрачное** небо, в **сизой** морозной **дымке**, **темнело**, нежно **сияли** огни **...зажженных фонарей***. Это полностью импрессионистическое описание российской столицы – описание зимнего города, отличающееся от того, что видит современный человек. С точки зрения нашего современника, иней не может быть сиреневым, небо – зеленым, дымка – сизой, как не может быть одновременно светло и темно. Самый яркий колоратив первой фразы рассказа – ***сиреневый иней***. Толковые словари определяют иней как «Вид атмосферных осадков – ледяные кристаллы, по форме напоминающие снежинки, оседающие тонким слоем на поверхности охлажденных предметов» [14]. *Сиреневый* – «2. Бледно-лиловый, цвета сирени» [15]. Бледно-лиловый цвет инея воспринимается сегодня как невозможный. Но эпитет Бунина не случаен, что подтверждается другими источниками, например, материалами Национального корпуса русского языка.

Если обратиться к основному подкорпусу Национального корпуса русского языка, то можно увидеть, что синтагматическая сочетаемость у слова *иней* очень широкая и определяется восприятием человека: *иней пушистый, морозный, мохнатый, **серебристый, серебряный, холодный, тонкий, толстый, легкий, сизый, синий,***

снежный, искристый, **солнечный** [16]. В подкорпусе Русская классика встречаем *утренний, сыпучий, пушистый, снежный, тонкий, иглистый северный, розовый, зимний, громадный, белый, серебристый* [Там же]. В поэтическом корпусе находим *голубоватый, золотой, позднеосенний, пушистый, багровый, пышный, неуверенный, вековой, лунный, расплатный, новенький, колкий, серебристый, прежний, драгоценный русский, розовый, первый, роскошный, потаённый, фиолетовый, тяжелый, черный, серебряный, седой, вековой, юный, белесый, колючий, тонкий, хрупкий, иссиня-белый, последний, арбатский, утренний, легкий, хрусткий, безгрешный, твёрдый, огнистый, неласковый, рассветный, узорный, светлый, красный, святочный; иглистый, лирохвостый с отблеском в медь; прозрачный, лунный, акварельный, мохнатый* и др. [Там же].

Данная подборка показывает, что для носителя русского языка цвет инея может быть разным: *белый, белесый, иссиня-белый, серебристый, серебряный, седой, голубоватый, синий, сизый, солнечный, розовый, золотой, багровый, фиолетовый, огнистый, светлый, красный, с отблеском в медь; лунный, черный*. Цвет инея определяется его освещением: если люди видят иней при солнечном свете, то он воспринимается как *солнечный, золотой, розовый, багровый, фиолетовый, красный, с отблеском в медь* или *белый, голубоватый, иссиня-белый*. Если иней виден при лунном свете, то он *лунный, светлый, серебристый, серебряный* и даже *черный*. Но иней меняет свой цвет при искусственном освещении. Только что зажженные фонари, о которых говорит рассказчик, и еще не погасшая вечерняя заря дают московскому инею *сиреневый* цвет. И Бунин, который всегда стремился к точности описания, этот цвет включил в текст рассказа.

Глагол *зеленеть*, согласно данным основного подкорпуса Национального корпуса русского языка, не сочетается с существительным *небо*. *Небо* имеет следующие коллокации-прилагательные, обозначающие цвет: *голубой, синий, серый, темный, ночной, черный, светлый, белый, розовый, темно-синий* [Там же]. Отметим, что *зелёное/зеленоватое/зеленеющее небо* в НКРЯ не зафиксировано. Но вот это соединение *сиреневого инея, зеленеющего неба, серо-голубой или серо-синей (сизой) дымки* делают первое описание зимней Москвы не столько *сказочным*, сколько *акварельно-нежным*: в ней всё чисто, светло, прозрачно, нарядно, потому что мороз, дымка и свет (*огни*) фонарей.

Второе описание очень короткое и тоже использует цветовую лексику: *Подъезд Брестского вокзала светил в синей тьме морозной ночи* [13, с. 131]. Из 9-ти слов фразы цветовое значение имеют четыре: *ночь* – часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра. || Темнота, мрак во время этой части суток. [17]; *тьма* – темнота, мрак [18]; *синий* – имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым; цвета цветков василька [19], *светить* – излучать свет; делать видимым окружающий мир [20]. Во втором описании читатель видит московский вокзал светлым на фоне темной зимней ночи.

Следующее описание российского пейзажа тоже строится с опорой на цветовую лексику. Глебов видит, как *За черным окном огненной ведьмой неслись назад крупные оранжевые искры, мелькали освещаемые поездом белые снежные скаты и черные чащи соснового леса, таинственные и угрюмые в своей неподвижности, в загадочности своей зимней ночной жизни* [13, с. 132]. Чудо цивилизации – мощный паровоз – летит по бескрайним просторам неподвижно лежащей заснежен-

ной России, таинственной, угрюмой и темной. *Черное, белое* – цвета, которые использует Бунин, когда описывает мир естественный (ночной черно-белый пейзаж зимних пространств России) и *огненное* и *оранжевое* – цвета цивилизации, которую олицетворяет паровоз, мчащийся через российские просторы и дремучие леса.

В совершенно ином ключе писатель дает описание Варшавы и Польши. Да, здесь цивилизация, но она по-провинциальному мелкая и узкая. В описание включаются диминутивы (*вагончики, столбики*), слова со значением малого количества (малого объема): каменный уголь лежит всюду в *ворохах*, т. е. в небольших кучах или грудах. Люди же в Польше серые, нескладные, сердитые и в целом провинциальные: *В Варшаве, под вечер, когда переезжали на Венский вокзал, дул навстречу мокрый ветер с редким и крупным холодным дождем, у морщинистого извозчика, сидевшего на козлах просторной коляски и сердито гнавшего пару лошадей, трепались литовские усы и текло с кожаного картуза, улицы казались провинциальными.*

На рассвете, подняв штору, он увидал бледную от жидкого снега равнину, на которой кое-где краснели кирпичные домики. Тотчас после того остановились и довольно долго стояли на большой станции, где, после России, все казалось очень мало, - вагончики на путях, узкие рельсы, железные столбики фонарей, - и всюду чернели вороха каменного угля; маленький солдат с винтовкой, в высоком кепи, усеченным конусом, и в короткой мышино-голубой шинели шел, переходя пути, от паровозного депо; по деревянной настилке под окнами ходил долговязый усатый человек в клетчатой куртке с воротником из заячьего меха и зеленой тирольской шляпе с пестрым перышком сзади [13, с. 136]. На 139 слов всего 6 колоративов! Пейзаж бледный, унылый, дождливый, люди скучные и серые, а польская столица предстает взору как провинциальный город.

Совершенно по-иному – празднично – выглядит настоящая Европа. Вена для Глебова – это красноносый извозчик, желтый трамвай, Альпы – это вагон-ресторан с ослепительно-белым столиком, красным вином, ослепительно-белыми вершинами снежных гор за окном, райским индиго небом, с синими зимними тенями в глубоких ущельях, а вечером появилось что-то настораживающее. Хотя вечер был *первозданно-непорочным, чистым*, к ночи он изменился и стал *мертвенно-алевшим* и *синевшим*, потому что тонул вместе с зелеными елями в свежих пухлых снегах. Милая Глебову Италия встречала его долгой стоянкой в *темной теснине, возле итальянской границы, среди черного Дантова ада гор, и воспаленно-красным, дымящим огнем при входе в закопченную пасть туннеля. Потом – все уже совсем другое, ни на что прежнее не похожее: старый, облезло-розовый итальянский вокзал и петушиная гордость и петушиные перья на касках коротконогих вокзальных солдатиков, и вместо буфета на вокзале – одинокий мальчишка, лениво кативший мимо поезда тележку, на которой были только апельсины и фиалки* [Там же. С. 138]. В этом описании цветовая гамма меняется, так как в естественный природный пейзаж включаются образы цивилизации (воспаленно-красный паровозный дым, копоть туннелей, облезло-розовое здание вокзала) и европейского сервиса (апельсины, фиалки, которые читатель воспринимает как часть цветовой картины мира). Милая Италия в следующем описании – это темнота и ласковые огни.

Ницца описана скупо: *синие сумерки*, Антибский мыс, *пепельным* призраком таявший на западе, несчетные береговые огни, которые протянулись изогнутой *алмазной* цепью. Такой видит её Глебов, ожидая приезда Генрих. Но и на сле-

дующий день Ницца – это только **солнце** и пляшущее **золотыми** иглами море. Литературоведы, изучавшие психологизм рассказа «Генрих», обратили внимание на то, что ближе к финалу рассказа Глебов видит в окружающем его мире, в первую очередь в праздничной Ницце, что-то мрачное и трагичное. Но вот описание прогулки Глебова. Не дождавшись приезда Генриха/Генрих из Вены, он отправился играть в Монте-Карло, не зная, как убить время, возвращался после проигрыша на извозчике, а после обеда гулял по улицам среди густых толп отдыхающих и *выходил на набережную, к **смоляной черноте** моря, глядел на драгоценное ожерелье его **черного** изгиба, печально пропадающего вдали направо* [Там же. С. 139]. Бунин трижды в одной фразе использует слова с семей **черный**: *черный, чернота, смоляной. Черный* – это «самого темного из существующих цветов, цвета сажи, угля» [21]. *Чернота* – черный, темный цвет чего-л., *смоляной* – очень черный цвет (СУ). Зачем нужно повторять слова с почти совпадающей семантикой?

Основной корпус НКРЯ зафиксировал следующие определения при слове *чернота*: *августовская ночная, законная, влажная, траурная, каменноугольная, прозрачная, мрачная, глубокая, земная, густая, безысходная, непроглядная, молчаливая, нефтяная, жилиая, горелая, вечная, сплошная, безвоздушная, космическая, странная, бесконечная, непроницаемая, неприветливая, немая* и др. [16]. Хорошо видно, что многие определения черноты имеют негативную оценку и характеризуют взгляд повествователя на мир или его ощущения. *Чернота* вне человека чаще всего нехороша для него, она рождает страхи, тревоги, беспокойство. Слово *смоляной* само выступает определением к словам *тьма, копоть, сумрак, наволочь, чернота, ночь* и др. В этих и других словосочетаниях нет негативных оценок, хотя чаще всего слово вступает в синтагматические отношения со словами *волосы, кудри, брови, локны, прядь/пряди, борода, шевелюра* [22].

Отметим, что Глебов видит печально пропадающий вдали *черный изгиб смоляной черноты* моря. И этот изгиб представляется ему драгоценным ожерельем, потому что он думает о любимой женщине.

Смоляная чернота моря на набережной Ниццы, которую отмечает Глебов, – это не только блеск холодной зимней воды, но это и образ драгоценного ожерелья. Вспомним, что, въезжая в Ниццу, он увидел *изогнутой алмазной цепью несчетные береговые огни* [13, с. 139]. Алмазная цепь, драгоценное ожерелье связаны с образом женщины, которую ждет герой рассказа. Видимо, в этих описаниях **черный цвет** не предвещает никакой трагедии. Эпитет *смоляная* добавляет черноте моря нарядность и изысканность.

И лишь в последнем описании моря появляется русская *тоска*: **Вечерело**, *вечернее бледное море лежало спокойно и плоско, зеленоватым сплавом с опаловым гляncем, над ним зло и жалостно надрывались чайки, чуя на завтра непогоду, дымчато-сизый запад за Антибским мысом был мутен, в нем стоял и мерк диск маленького солнца, апельсина-королька. Он долго глядел на него, подавленный ровной безнадежной тоской, потом очнулся и бодро пошел к своему отелю...* [Там же. С. 143]. Это описание перекликается с первым описанием Москвы, когда Глебов появляется в начале рассказа: совпадает время (*вечереет*) и отдельные колоративы *зеленое небо* столицы – *зеленоватое море* Ниццы с молочно-бело желтизной или голубишной (опаловый), *морозная дымка* в Российской столице и *мут-*

ный дымчато-сизый запад над морем Ниццы, московские огни сияли, а французское солнце – маленький апельсин-королек – меркнет.

Читатель понимает, что колористическая картина Москвы и Франции при некотором цветовом сходстве различаются кардинально. Москва чистая, прозрачная, яркая и нежная, тогда как французская Ницца мутная, бледная, нечеткая и размытая. Да, это индивидуальное восприятие Глебова, который энергичен, активен, радостен в Москве – он в предвкушении поездки и новых ощущений, в ожидании любви, и он совершенно иной в Ницце – сначала ожидающий и томящийся, потом потерянный и, наконец, охваченный русской тоской от французского пейзажа и одиночества. Наш вывод не совпадает с мыслью Е. В. Капинос, которая считает, что «В «Генрихе» вообще всё погружено во тьму, рассказ начинается сумерками в Москве (...) и заканчивается антибским пейзажем с гаснущим солнцем, похожим на апельсин-королек. Неожиданной вспышкой в ночном небе звучит для Глебова выстрел, который на самом деле уже прозвучал уже в Вене еще в то время, когда Глебов мчался в Ниццу в поезде, и поезд вошел в темный тоннель (наблюдение Ю. Н. Чумакова)» [23].

Колоративная лексика активно задействована Буниным и при создании портретов героев рассказа «Генрих». Глебов видит многих людей и часто даёт их портрет или их описание, пользуясь цветовыми деталями.

В женских портретах цвет важен. Именно благодаря цветовым характеристикам можно понять, что объектом ухаживания или любви Глебова может быть любая девушка или молодая женщина. И читатель видит поклонниц поэта, которому, как говорит одна из них, *необходима свобода*. Это шестнадцатилетняя Надя с яркими зелеными глазами, раскрасневшимся личиком, с горячим румянцем. Она привлекательна для поэта детской чистотой и юной свежестью: беличья шубка и беличья шапка, теплая шейка, соленые слезы на щеке, полураскрытые губы. Она является частичкой и продолжением той Москвы, которой только что любовался Глебов: морозная, чистая, яркая и теплая.

Это и Ли, которая ожидает Глебова на Брестском вокзале. С огромными черными глазами, с черными буклями волос, в черной каракулевой шубке и в черном большом берете, с муфтой, где скрыты голубовато-бледные кисти рук. Она высока и худа, страстна и язвительна, ревнива и, по её словам, мстительна.

Это и Генрих, которая отправляется с Глебовым в путь *как товарищ*. Если Надя – ребенок, а Ли – роковая женщина, то *товарищ* Генрих – просто красавица, *прекрасная Елена*: у неё тонкое английское лицо, покрывающееся алыми прозрачными пятнами, янтарно-коричневые глаза, волосы рыже-лимонного цвета уложены, как у гречанки.

Цыганка Маша, с которой был Глебов накануне и которую просит описать Генрих, «очень худа и даже нехороша» [13, с. 139]. В её портрете нет ничего привлекательного: *дегтярные* волосы, *кофейная* кожа, бессмысленные *голубоватые* белки глаз, но платье *цвета луковой шелухи*, старинные шали, *серебряные* серьги в ушах и ножки в маленьких башмачках кружат ему голову. Вспоминает он с удовольствием и о швейцарских «девках» (*Тугие, краснощекие, в черных корсажах, в красных шерстяных чулках...*) [Там же. С. 136], и об уличной певице из Венеции – *черной простоволосой женщине, с шалью на плечах* [Там же. С. 141]. Даже случайные женщины остаются в памяти Глебова: цвет их кожи, волос, одежды, отдельные детали

во внешности или поведении. Глебов объясняет Генрих, что как поэт он любит женщин, они для него *сеть прельщения человеком!*

Мужчины тоже встречаются в описаниях Глебова: два собственных портрета (один в начале рассказа, когда он, глядя в зеркало лифта, видит себя молодым, бодрым, с *серебряными от инея* усами, и во время ожидания Генрих в Ницце: он пьян, *бледен*, лицо без краски – *белый как мел* с мертвеющими губами. И эта бледность усиливается белым галстуком и белым жилетом), два портрета австрияка – писателя Артура Шпиглера, работодателя Генрих и её любовника одновременно. Одну портретную характеристику дает она и тоже использует колоративную лексику: *Лицо от газа и злобы бледно-зеленое, оливковое, фиштакшковое...* [Там же. С. 137]. Другая характеристика дается Глебовым, который пытается представить себе, как может выглядеть ненавистный ему австриец. Этот портрет бесцветный.

Другие мужчины – русские и иностранцы – характеризуются по-разному: через цвет одежды или ткань, из которой она сшита (это форменная одежда, например, шинель или курточка; это может быть национальный костюм с его особыми деталями, например, красный шарф на узкой талии гондольера). Колоративы писатель использует как одну из деталей, позволяющих сжато описать принадлежность человека к государственной службе, выполняемой деятельности, корпоративной культуре (мальчики в отельных лифтах, их курточки и перчатки определенного цвета).

Таким образом, можно видеть, что мир цвета в рассказе И. А. Бунина «Генрих» очень богат и разнообразен. Он важен для характеристики и оценки того, что Глебов оставил на родине и что он получил в европейской поездке. Зимняя морозная Москва и Россия – это свет и чистота, нежность красок и прозрачность города, бескрайние снежные просторы и густые леса. Москва и Россия – это яркие и нарядные женщины, которые понимают и любят. Москва и Россия – это тепло гостиниц и купейных вагонов. В Европе либо серо и провинциально, либо нарядно, празднично, но одиноко. Мир цвета, воссозданный на основе анализа колоративов в рассказе «Генрих», показывает, что Москва и Россия по-прежнему близки писателю, они родные для него, тогда как Европа его приняла, но не согрела.

Ссылки

1. Нефедов В. В. Чудесный призрак: Бунин-художник. Минск: Польша, 1990. 239 с.
2. Мещерякова О. А. Авторская концептосфера и ее репрезентация средствами световых и цветообозначения в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи»: дисс... канд. филол. наук. Орел, 2002. 197 с.
3. Кулешова Р. В., Ху Сяодань. Цвет как выразительный художественный прием // Проблемы лингвистики и лингводидактики: междунар. сб. науч. ст. / НИУ БелГУ; отв. ред.: С. А. Моисеева, Л. Г. Петрова. Белгород, 2017. Вып. V. С. 62–65.
4. Аристова Л. В. Фоносемантический звукоцветовой профиль произведений И. А. Бунина: дисс... канд. филол. наук. Смоленск, 2022. 208 с.
5. Борзых С. А., Чересюк П. А. Роль цвета в рассказе «Темные аллеи» И. А. Бунина // Дали Даля. Сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных, посвящённой Дню славянской письменности и культуры. Белгород, 2023. С. 8–13.

6. Мещерякова О. А. Семантика темного в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Русский язык в школе. 2005. № 6. С. 65–70.
7. Кульпина В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 695 с.
8. Иван Алексеевич Бунин. [сайт]. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/zhizn-arseneva-1.htm> (дата обращения: 24.01.2024).
9. Третьякова И. Ю. Трансформационная активность фразеологических единиц с компонентом-колоративом // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 2. С. 205–211.
10. Антонова М. В., Алмалчи Хамид С. Х. Колоратив белый в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 84–86.
11. Начинова А. В. Мифосимволика колоративов в современном языковом сознании (экспериментальные данные) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2023. № 1. С. 164–172.
12. Читаем И. А. Бунина. Сборник «Темные аллеи». Рассказ «Генрих» Орловский объединенный государственный музей. [сайт] // Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева. URL: <https://turgenevmus.ru/chitaem-i-a-bunina-sbornik-temnye-allei-rasskaz-genrih/> (дата обращения: 24.01.2024).
13. Бунин И. А. Генрих // Собрание сочинений в 9-ти т. М.: Худ. лит., 1966. Т. VII. С. 129–143.
14. Иней // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/иней> (дата обращения: 24.01.2024).
15. Сиреневый // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/сиреневый> (дата обращения: 24.01.2024).
16. Национальный корпус русского языка URL: <https://web.ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.01.2024).
17. Ночь // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/ночь> (дата обращения: 24.01.2024).
18. Тьма // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/тьма> (дата обращения: 24.01.2024).
19. Синий // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/синий> (дата обращения: 24.01.2024).
20. Светить // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/светить> (дата обращения: 24.01.2024).
21. Черный // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/чёрный> (дата обращения: 24.01.2024).
22. Смоляной // Карта слов и выражений русского языка. [сайт]. URL: <https://kartaslov.ru/сочетаемость-слова/смоляной> (дата обращения: 30.01.2024).
23. Капинос Е. В. Взаимопритяжение и взаимоотталкивание героев в нарративе рассказа И. А. Бунина «Генрих» // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. №4. С. 46-49.

Archaization in "Child Christopher and Goldilind the Fair" by William Morris

E. Y. Koltysheva¹, A. A. Shibaeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-254-262

Research article
Full text in Russian

The paper considers various means of archaization in fiction at all the language levels: phonetical, morphological, lexical and syntactical. Archaization, or historical styling, is a complex transformation of a language, so it is not limited to archaic words only. The material of the research is a fantasy novel by William Morris "Child Christopher and Goldilind the Fair". The novel is a bright example of thorough fiction archaization, as William Morris saw the language as a valuable piece of art itself. In the novel, archaization is relative. Its main function is to adorn the language and take the action to a 'marvelous past'. The results of the research include the linguistic means of archaization used by William Morris: archaic phonetics is expressed through spelling; archaic lexis includes archaisms and historisms; on morphological and syntactical levels there are old ways of word-building, old paradigm of verbs, archaic grammatical constructions and archaic syntax.

Keywords: archaization; historical styling; means of archaization; archaism; historism; fiction; William Morris; Child Christopher and Goldilind the Fair

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Koltysheva, Elena Y., | E-mail: ekoltyshev@mail.ru
| D. Sc. (Philology), Professor

Shibaeva, Anastasia A. | E-mail: shibaevanastasia@gmail.com
| Postgraduate

For citation: Koltysheva E. Y., Shibaeva A. A. Archaization in "Child Christopher and Goldilind the Fair" by William Morris // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 254-262. (in Russ.)

Архаизация романа Уильяма Морриса «Child Christopher and Goldilind the Fair»

Е. Ю. Колтышева¹, А. А. Шибаетова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-254-262
УДК 811.111, 81'38

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуются средства архаизации художественного текста на фонетическом, морфологическом, лексическом и грамматическом (синтаксическом) уровнях языка. Архаизация, или историческая стилизация, как комплексное преобразование языка, не ограничивается уровнем лексики – архаизмами. В качестве материала исследования выбран фэнтези-роман Уильяма Морриса «Child Christopher and Goldilind the Fair» как пример кропотливой архаизации художественного текста. Авторы статьи приходят к выводу о том, что в романе У. Морриса язык – это, скорее, самоценный объект творчества, нежели средство создания сеттинга. Архаизация в «Child Christopher and Goldilind the Fair» весьма условна, поскольку роман в жанре фэнтези не имеет цели воссоздать какой-либо исторический период, а архаизация несет главным образом эстетическую функцию и переносит действие романа в «прекрасное абстрактное прошлое». В результате исследования выделены разнообразные средства архаизации художественного текста на английском языке. Фонетические особенности передаются с помощью архаичной орфографии; на морфологическом уровне применяются устаревшие принципы словообразования; архаизация на лексическом уровне представлена архаизмами (в том числе семантическими) и историзмами; на уровне грамматики это устаревшая глагольная парадигма, архаичные грамматические конструкции и особый синтаксис.

Ключевые слова: стилистика; архаизация; историческая стилизация; средства архаизации; архаизм; Уильям Моррис; Child Christopher and Goldilind the Fair

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колтышева, Елена Юрьевна | E-mail: ekoltyshev@mail.ru
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Института иностранных языков

Шибаетова, Анастасия Александровна | E-mail: shibaevanastasia@gmail.com
Студент, Институт иностранных языков

Для цитирования: Колтышева Е. Ю., Шибаетова А. А. Архаизация романа Уильяма Морриса «Child Christopher and Goldilind the Fair» // Социальные и гуманитарные знания. 2024. Том 10, № 2. С. 254-262.

Введение

Историческая стилизация или архаизация применяется при воссоздании «духа» той или иной исторической эпохи как при переводе, так и при создании оригинального произведения. Архаизация художественного текста может быть использована как стилистический прием при создании исторического романа

или неисторического, часто в жанре фэнтези, где автор ставит задачу создать оригинальный вымышленный мир со своим собственным временем и историческими эпохами, а архаичные элементы используются исключительно в эстетических целях. Элементы архаизации встречаются в серии популярных романов «Песнь льда и пламени» Дж. Р. Р. Мартина и в известнейшем романе «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина [1, с. 21]. Авторы архаизируют язык произведений для поддержания средневекового антуража и погружения читателя в псевдоисторический мир, поэтому стилизованный язык таких произведений – одна из причин их популярности.

Лексические средства архаизации, а именно архаизм и историзм, давно находятся в фокусе внимания таких исследователей, как И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд, Е. Н. Абрамичева, А. А. Сокол, Б. Ю. Норман, Е. А. Шагланова, М. Н. Буланова и др. Однако вкрапление отдельных устаревших слов не может называться архаизацией текста, поскольку архаизация как вид стилизации является комплексным преобразованием языка [2, с. 12]. Это намеренное построение художественного текста в соответствии с принципами организации языкового материала и характерными речевыми приметами прошлых эпох [3, с. 492], поэтому архаизация должна проводиться системно и не ограничиваться архаичной лексикой. Таким образом, мы исследуем средства архаизации на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом и грамматическом (синтаксическом).

Важно понимать, что архаизация художественного текста весьма условна [4; 5] по ряду причин. В случае с фэнтези-романами архаизация вряд ли может быть ориентирована на конкретный исторический период и регион (диалект), поскольку сеттинг произведений в жанре фэнтези не предполагает исторической и географической точности, поэтому архаизация в таких произведениях указывает на действие «в прошлом вообще» [6, с. 117]. В историческом романе, где конкретный исторический период и место действия играют важную роль, архаизация также может быть условна в том случае, если описываемая эпоха так далека от современности, что достоверно архаизированный язык затруднял бы понимание текста. В связи с этим авторы прибегают к средствам архаизации, доступным современным читателям. Англоязычные авторы ориентируются на ранненовоанглийский язык – язык У. Шекспира и Библии короля Якова [4, с. 37], – который все ещё понятен носителям языка, но уже воспринимается как архаичный.

Один из «средневековых» романов У. Морриса «Child Christopher and Goldilind the Fair» неслучайно был выбран в качестве материала для исследования архаизации: в отличие от исторического романа, события фэнтези-романа не апеллируют к конкретной эпохе и конкретному месту, что в каком-то смысле гарантирует условность архаизации, цель которой – эстетическое воздействие на читателя и имитация «языка прошлого». Кроме того, эстетические воззрения У. Морриса подтолкнули его архаизировать текст романов комплексно, не ограничиваясь несколькими лексическими архаизмами.

Таким образом, **цель** данной статьи – выявить средства архаизации на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом и грамматическом (синтаксическом).

Методы

Средства архаизации в романе «Child Christopher and Goldilind the Fair» были выделены с помощью методов сплошной выборки и стилистического анализа. Статистический анализ позволил выявить самое продуктивное средство архаизации и сделать вывод о творческом замысле У. Морриса.

Результаты

В романе «Child Christopher and Goldilind the Fair» архаизация представлена на всех языковых уровнях.

Архаизация на фонетическом уровне подразумевает архаичное произношение, чаще всего ориентированное на английский язык XVI–XVII веков, ведь язык именно этого периода понятен современному читателю и при этом достаточно архаичен. В письменном художественном тексте особенности произношения возможно передать графикой, т. е. с помощью **архаичной орфографии**. Вплоть до XVIII века орфография английского языка не была нормирована [7], поэтому нередко произношение отражалось в графике.

Британский лингвист Дэвид Кристал реконструировал фонетику ранневоанглийского языка, ориентируясь на комментарии лингвистов того времени, метрику, рифму и каламбуры в пьесах У. Шекспира, а также на ненормированную орфографию, которая могла различаться в разных изданиях. Например, ранее произношение слова God было ближе к современному американскому варианту [gɑ:d], поэтому в текстах XVI–XVII веков можно встретить написание Gad. Варианты написания слов quoth как koth и banquet как banket говорят об отсутствии звука [w] в этих словах. По наблюдению Дэвида Кристала, звуки речи часто редуцировались ('reduced pronunciation was common'), что на графике обозначалось апострофом: Greg'ry, meas'ring, unworthi'st, liv'ry, vari'ble, them as 'em, his as 's [7, с. 47].

Этот способ архаизации прослеживается в романе У. Морриса «Child Christopher and Goldilind the Fair»: в тексте романа сокращаются наречия: even – e'en и betwixt – 'twixt, указательное местоимение this – 'tis и предлог of – Jack o' the Tofts:

Well, since thou wilt not fight with me, and I but a lad, I will e'en do thy will and thine errand to Jack o' the Tofts.

Эти сокращения указывают на редукцию звуков речи. Кроме того, У. Моррис обращался к архаичным вариантам орфографии, в частности, написанию наречий: *to-night, to-morrow, to-day, like wise, for ever, some what, a-foot*:

Let to-morrow bring counsel; but now am I weary to-night, and if we are not to ride night-long, we shall belike find no better place to rest in.

Так, архаичная орфография отражает не только особенности произношения, но и сама по себе выступает средством архаизации.

На следующем языковом уровне выделяются **морфологические архаизмы** – лексемы с актуальным корнем, но устаревшими флексиями:

суффиксами наречий -est, -st (*amidst, amongst*);

глаголы и прилагательные с приставками be- (*bethink* совр. англ. *think*; *belike* совр. англ. *likely*);

суффиксом прилагательных -eous (*beauteous*):

наречия без современного суффикса -ly, -en (*oft*, совр. англ. *often*; *belike* совр. англ. *likely*):

устаревшие неличные формы глаголов с префиксом а-: *a-talking*, *a-doing*, *a-musing*, *a-hunting*, *a-laughing*, *a-weeping*, *a-staring*. Эти формы употреблены с глаголами *to fall*, *to be*, *to break out* и *to go* и образуют сложные глагольные сказуемые:

Goldilind fell a-weeping at the word, bethinking her of yesterday morning, and Aloyse stood looking on her, but saying nought.

Наличие архаичных флексий или отсутствие современных мало повлияло на сферу употребления слова. Это и актуальность корня делает морфологические архаизмы легко узнаваемыми, поэтому они не препятствуют восприятию текста, в отличие от собственно архаизмов и историзмов на следующем, лексическом, уровне языка.

Архаизмы – это устаревшие слова и сочетания слов, имеющие современный аналог [3, с. 47], например, *a thrall – a slave*, *to wit – to know*, *fain – happy, glad* и т. д. В отличие от морфологических архаизмов собственно лексические архаизмы устарели целиком, как звуковой комплекс, поэтому они бывают трудно узнаваемы и могут препятствовать пониманию текста, как например:

But, my master, thou shalt know that this manslaying was not for nought (nothing): whereas the Baron of Greenlake had erewhile (a short time ago) slain Jack's father in felon wise (in evil way), where he could strike no stroke for life; and two of his brethren also had he slain, and made the said Jack an outlaw, and he all sackless (innocent).

В скобках приведены современные аналоги подчеркнутых архаизмов. Все эти архаизмы – важные элементы высказывания, непонимание которых не позволит понять смысл всего предложения, например, *this manslaying was not for nought* (хочется спросить, *for what?*). В зависимости от значения слова эту фразу можно понять и перевести как «это кровопролитие было не ради (чего-то неизвестного под названием *nought*)» или, принимая во внимание значение слова *nought* как «ничего», мы понимаем эту фразу совсем иначе: «это кровопролитие не было напрасным». Другой пример: в предложении *he all sackless* прилагательное *sackless* (невиновен) является частью сказуемого, поэтому от значения этого слова зависит смысл всего предложения: был он виновен или невиновен? А может, он был болен или слишком беспечен? Этот компонент влияет на восприятие всего сложносочиненного предложения, а то, в свою очередь, может быть важно в контексте всего произведения.

Несмотря на это, архаизмы являются самым популярным средством архаизации, а средства орфографии и морфологии составляют лишь ¼ от всех средств архаизации в романе. Подчеркнутые архаизмы тоже имеют современные аналоги (слова в скобках):

... and as he waxed (grew) in strength and beauty month by month, both carle (peasant, villager) and quean (female villager) fell to noting him, and, for as little as he was, he began to be well-beloved.

When they arose in the sunshine, Simon went straightway to see to the horses, while Christopher stayed by the fire to dight (pack) their victuals (food).

Эти слова архаичны, поскольку перестали быть общеупотребительными, но могли сохраниться в некоторых диалектах.

Из архаизмов выделяют группу слов, которые обозначают неактуальные реалии прошлых эпох и поэтому не имеют современных синонимов, – **историзмы** [Там же. С. 204]. В основном это предметы быта, элементы одежды и обмундирования, которые исчезли из обихода: *kirtle* – man's coat; woman's skirt or dress, *basnet* – a close-fitting medieval helmet of light steel usually with a visor, *ewer* – a large jug with a wide opening [8].

Данные историзмы обозначают доспехи и другие элементы воинского обмундирования:

Straightway then was there running hither and thither and light sprang up over all the hall, and there could folk see Jack of the Tofts, and a score and a half of his best, every man of them armed with shield and helm and byrny, with green coats over their armour, and wreaths of young oak about their basnets...

Историзмы используют даже авторы, не имеющие цели архаизировать язык произведения и стилизовать речь персонажей, потому что именно такие детали создают исторический сеттинг и, как в случае с романом «Child Christopher and Goldilind the Fair», ненавязчиво погружают читателя в псевдосредневековый мир, где слова *byrny* (кольчуга) и *armour* (доспехи) не могут быть объединены общим понятием, поскольку они играют слишком большую роль в повседневной жизни людей; а разница между словами, обозначающими в общем смысле «шлем» (*helm* и *basnet*) так очевидна, что нельзя выбрать одно из слов и называть им все шлемы.

Из соотношения архаизмов (75,5 %) и историзмов (24,5 %) можно сделать вывод о творческом замысле автора. Исторические реалии (историзмы) используются для создания убедительного исторического фона, что важно для исторической прозы. Однако в фэнтези-романе У. Морриса преобладают архаизмы, стилизующие, «украшающие» язык персонажей:

I would fain hope 'tis the catch of a life that or I love; for here is come thy guest of last Yule, even little Christopher, who wrestled with thee and threw thee after thou hadst thrown all of us, and he lying along and hurt, smitten down by a felon hard on our very doors.

Таким образом, У. Моррис кропотливо «эстетизировал» язык, делая акцент на красоте архаичного языка, а не на конкретных исторических реалиях.

Одну треть группы «собственно архаизмов» составляют **семантические архаизмы** – полисемантические лексемы, использованные в устаревшем значении:

Lord, this is the very truth, that none of us here present are meet (suitable) for this office: whereas, among other matters, we be all unmeet for battle; some of us have never been warriors, and other some are past the age for leading an host (troop).

Такие архаизмы обогащают текст, не затрудняя его восприятие. Современные значения слова помогают угадать архаичное значение, если оно неизвестно или непонятно из контекста: *meat* – food in general, *to mind* – to remember, recall, *a host* (в значении 'a great number; multitude') – army [8]. При архаизации художественного текста в эстетических целях важно сохранять его доступность.

На уровне грамматики и синтаксиса также существуют разнообразные средства архаизации, такие как:

устаревшая глагольная парадигма:

глаголы 2 лица единственного числа настоящего времени имеют окончание -st/est: *dost*, *hast*, *seest*, *sayest* и др.;

глаголы 3 лица единственного числа настоящего времени имеют окончание -th: *asketh, maketh, speaketh, dwelleth* и др.;

формы прошедшего времени: *speak – spake, drive – drave, build – builded, blend – blent, get – gat, break – brake*; и причастия прошедшего времени: *cleave – clave, hold – holden*;

спряжение архаичного местоимения 2 лица единственного числа *thou (thee, thy, thine)* и соответствующая ему форма глагола *to be: thou wert*;

форма Past Perfect глаголов движения образуется с помощью глагола *to be – was come, was become*:

Now was Oliver come indeed, and the other nine with him, and on the other side was come Jack of the Tofts and four others.

Сочетаемость глаголов движения с *to be*, утраченная к концу ранненовоанглийского периода, встречается в текстах У. Шекспира и его современников. В тексте романа глаголы движения сочетаются также с глаголом *to have*:

... but ere he could do aught Simon drave a broad dagger into his side, and then turned about and fled the way they had come, so far as he knew how.

Сосуществование двух грамматических вариантов говорит об условности архаизации, однако ошибочно будет думать, что в определённый период времени эти варианты сосуществовали, пока глагол *to have* не вытеснил *to be*.

архаичное использование модальных глаголов:

глагол *dare (durst, dared)*:

If I durst, I would ask thee thy name, and what thou art?

устаревшее сочетание модальных глаголов *must needs* в современном значении «must necessarily»:

Masters, and my good lords, ye may see clearly that a sundering is at hand, and that I must needs make a long journey, whence I shall come back never.

использование глагола *might* в значении «мочь, быть физически способным»:

Simon held his peace awhile, and Christopher might not see what was in his face amidst the gathering dusk.

использование глагола *will (would)* в значении «хотеть», «желать»:

I would see this young man speedily. What else wouldst thou?

Употребление модальных глаголов связано с тонкими оттенками значений. Мы относим к средствам архаизации вышеперечисленные случаи, поскольку эти модальные глаголы используются в их нераспространённых значениях регулярно, систематически.

использование **архаичных форм множественного числа некоторых существительных** (*kine, brethern*). Эти формы и архаичные формы глаголов прошедшего времени говорят о тщательности архаизации, о страстном желании У. Морриса передать красоту архаичного языка:

Two milch kine also they drave with them.

систематическое **опущение вспомогательных глаголов** в вопросительных и отрицательных предложениях:

O go not to the door!

But how say ye, my masters?

Однако в некоторых случаях вспомогательный глагол сохраняется:

Dost thou know who I am?

Кроме условности архаизации, это может объясняться желанием автора показать живую природу и изменчивость языка.

предпочтение **синтетической формы превосходной степени** или сочетание ее с аналитической: *the most beautifullest, oftenest, chiefest*. До XVIII века употребление форм сравнения не зависело от слоговой структуры слова. Также во времена Шекспира были распространены подобные плеонастические сочетания как *most unkindest*.

активное использование **сослагательного наклонения**, особенно Present Subjunctive во временных, уступительных, дополнительных и определительных придаточных предложениях:

Dost thou see the blazon of the banner under which be my men?

В древне- и среднеанглийском употребление форм сослагательного наклонения было шире современного. В ранненовоанглийский период оно тоже оставалось достаточно распространённым.

архаичность синтаксиса, обилие инверсий, например:

Whither my lord will lead me, thither will I go; but here is it fair and sweet and peaceful; neither do I look for it that men will come hither to seek the Queen of Meadham.

В тексте романа большое количество сложносочинённых предложений с союзом *and*:

The Marshal spoke graciously to Lord Richard, and made him sit beside him, and said in a soft voice.

Также много предложений в The Past Subjunctive:

I were fain if thou wouldst take my hand, and lead me back to our resting-place.

Эти особенности не являются архаичными сами по себе, но стилистически сближают роман с народными сказаниями и куртуазной поэзией, поэтому тоже в некоторой степени архаизируют текст.

Обсуждение

Итак, язык романа «Child Christopher and Goldilind the Fair» комплексно архаизирован с использованием средств архаизации на всех языковых уровнях. Архаизация в романе условна, т. е. не имитирует достоверно язык какой-либо эпохи, а воссоздает обобщенный «язык прошлого», поскольку действия фэнтези-романа не ограничены конкретным историческим периодом и местом.

Лингвистические средства архаизации романа разнообразны.

Архаичное произношение, а именно редукция некоторых звуков речи, передается апострофом. Устаревшая орфография, в основном особое написание наречий, сама по себе является средством архаизации.

У. Моррис использует устаревшие принципы словосложения, формируя морфологические архаизмы – слова с современным корнем, но устаревшими флексиями (приставками и суффиксами). Несмотря на то, что в современном английском такие словоформы уже не встречаются, актуальные корни слов делают их интуитивно понятными, что важно для художественного произведения.

Несмотря на разнообразие средств архаизации на других языковых уровнях, лексические средства – архаизмы и историзмы – встречаются в романе чаще всего. Преобладание архаизмов над историзмами (3:1) свидетельствует о стремлении У. Морриса скорее обогатить язык произведения, чем достоверно передать исторические реалии, что характерно для жанра фэнтези.

Окончания личных глаголов настоящего времени 2 и 3 числа -st и -th – распространённое и известное средство архаизации на грамматическом уровне, однако исследование романа У. Морриса показало, что средства архаизации можно черпать в формах прошедшего времени и множественного числа, в степенях сравнения, в архаичном узусе модальных глаголов, а также обращаясь к формам сослагательного наклонения и длинным сложносочинённым предложениям.

Системность архаизации и разнообразие её средств не только эстетизируют текст, но и характеризуют псевдосредневековый фэнтези мир, создаваемый автором, органично вписывают в него персонажей, говорящих на особом, убедительно стилизованном языке этого мира.

Обнаруженные средства архаизации художественного текста открывают перспективы для перевода русскоязычных текстов с элементами архаизации на английский язык.

Ссылки

1. Мкртчян Т. Ю., Пустоветова А. О. Особенности жанра фэнтези // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. С. 628-631. EDN VONMMN.
2. Мешалкина Е. Н. Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 20 с.
3. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь «Языкознание». М.: Советская энциклопедия, 1998. 684 с.
4. Бойчук И.В., Моисеева С.А. Архаизация в англоязычной прозе (на материале произведений американских и британских авторов XIX–XXI вв.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 28. С. 34-41. EDN XQVLIZ.
5. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка (на англ. яз.). Fundamentals of English Stylistics. М.: Высш. шк., 1994. 238 с.
6. Ланчиков В. К. Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2002. № 463. С. 115–122. EDN FXZDSL.
7. Crystal D. Pronouncing Shakespeare: The Globe Experiment. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 188 p.
8. Collins Online Dictionary. [2024]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 18.07.2023).